ДБ
300
П53
Польша и
Россия в 1872
М., 1874

2Б 213
300
П53

ПОЛЬША И РОССІЯ

ВЪ 1872 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Переводъ съ Польскаго.

Иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.
1 Петр. II, 10.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1874.

58/78

ДБ
300
П-53

ПОЛЬША и РОССІЯ

ВЪ 1872 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Переводъ съ Польскаго.

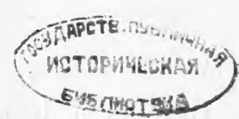
Иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.
1 Петр. II, 10.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

1528
А
2493

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЧТЕНІЯ
въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1873 г. кн. 4-я.

Государств. публичная историческая библиотека
511009.

ПОЛЯКАМЪ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

ЖИТЕЛЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

ОТЦАМЪ СЕМЕЙСТВЪ,

ОЗАБОЧЕННЫМЪ СУДЬБОЮ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛѢНІЙ,

ГРАЖДАНАМЪ,

СКОРБЯЩИМЪ НАДЪ СВОИМЪ БЕЗДѢЙСТВІЕМЪ,

ВЪ ПАМЯТНОМЪ

MDCCCLXXII ГОДУ

СЕЙ ТРУДЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводъ сочиненія: «Polska i Rossia w 1872 roku,» былъ сдѣланъ тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ и доставленъ въ редакцію одного Московскаго журнала. Здѣсь на него не обратили того вниманія, какого по справедливости оно заслуживаетъ, и безъ участія одного знатока Славянской Исторіи и Литературы, оно, вѣроятно, на всегда осталось бы въ картонахъ редакціи.

Переводъ былъ сдѣланъ къ спѣху; кромѣ этого неблагопріятнаго условія, переводчика очевидно стѣсняли и другія соображенія, заставившія его не гоняться за стилистическою отдѣлкою его труда: онъ видимо заботился о томъ, чтобы, возможно близкою передачею подлинника, отклонить отъ своего труда обвиненіе въ ослабленіи, или искаженіи, смысла положеній сочинителя,— уловка, къ которой недобросовѣстность обыкновенно прибѣгаетъ, чтобы уронить доказательства противниковъ, если не видитъ иной возможности вести споръ съ успѣхомъ.

Творецъ сочиненія: «Польша и Россія,» не выставилъ на немъ своего имени; но Польская журналистика, хорошо знакомая съ закулисными тайнами своей литературы, объявила, будто оно написано Господиномъ Крживицкимъ, бывшимъ членомъ Государственнаго Совѣта въ Царствѣ Польскомъ. Это утвержденіе принято и Русской повременной печатью. Оставляя на ихъ отвѣтственности справедливость такого разоблаченія, мы будемъ, однако жь, пользоваться именемъ Г. Крживицкаго, какъ условнымъ терминомъ, облегчающимъ ссылки на занимающее насъ сочиненіе.

Въ настоящемъ случаѣ важно не имя сочинителя, важна его національность, важны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ онъ, выводы, вызвавшіе уже въ Петербургѣ недобросовѣстныя нападки людей, прикрывающихся, по удачному выраженію переводчика, Русскимъ именемъ для того, чтобы съ полною удобностью плевать въ лицо Русскому народу, и въ то же время отъѣдаться на Русскомъ хлѣбѣ.

Сочинитель Полякъ, и чистосердечно ратуетъ за сліяніе Русской народности съ Польскою. Полякъ и чистосердечіе, когда рѣчь идетъ о Россіи! Достаточно вспомнить Гуровскаго, чтобы уви-

дѣть совершенно иную подкладку подъ всѣми увѣщаніями, съ которыми сочинитель обращается къ своимъ соотечественникамъ. Съ перваго взгляда такое предложеніе пріобрѣтаетъ почти достовѣрность, по тому что всѣ доказательства его построены крайне искуственно и держатся на очевидныхъ натяжкахъ и діалектическихъ тонкостяхъ.

Но такъ только кажется; сомнѣваться въ искренности Г. Крживицкаго нельзя: кромѣ сближенія съ Русскими, онъ дѣйствительно не видитъ другого исхода для Поляковъ, и прибѣгаетъ къ натяжкамъ, не по лицемѣрію, а въ слѣствіе необходимости. Польская интеллигенція, воспитанная Езуитами и литературою, въ которой истина преднамѣренно искажалась, и искажается, для оправданія ничтожнѣйшихъ, или химерическихъ, цѣлей, интеллигенція эта съ воплями отвернулась бы отъ сочинителя, если бы онъ сталъ говорить не привычную ея уху чистую правду. Г. Крживицкій самъ Полякъ, и по тому хорошо знающій неестественный складъ воззрѣній своихъ земляковъ, долженъ былъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ и уступкамъ, лишь бы быть выслушану, не накликая на себя обычныхъ между ними обвиненій въ измѣнѣ и продажности; но и при такихъ пріемахъ, онъ не избѣжалъ, какъ уже сказано, участи, которая поочередно постигала всѣхъ Польскихъ дѣятелей, старавшихся образумить свое общество.

Эта горькая для сочинителя необходимость прибѣгать ко лжи, чтобы быть выслушану, вынудила издателя оградить примѣчаніями всѣ исторически невѣрныя мѣста его сочиненія. Конечно, можно бы не пестрить ими изложенія и указать на эти ошибки въ предисловіи. Но кому не извѣстно, что большинство читателей предисловій не читаетъ? Кому не извѣстно, какъ мы слабы не только въ исторіи Польши, но и въ исторіи Приднѣпровской Россіи, со времени Татарскаго погрома до возсоединенія ея съ остальною Россіею при Великой Екатеринѣ? При такихъ условіяхъ тѣ ошибки, въ которыя сочинитель сознательно впадаетъ, для болѣе вѣрнаго достиженія своей цѣли, могутъ пойти между нѣкоторыми изъ насъ за неоспоримую истину. Вотъ по чему читатели, которые соблаговолятъ прочесть и предисловіе и изложеніе, встрѣтятся какъ бы съ повтореніями одного и того же. Невѣрности сочиненія Г. Крживицкаго будутъ указаны въ предисловіи, подстрочныя же примѣчанія назначаются собственно для того, чтобы обратить читателя къ предисловію.

Оговорившись, относительно искренности Г. Крживицкаго, просимъ его, или кого бы то ни было, какъ виновника сочиненія: «Польша и Россія,» не считать рѣзкія, даже, можетъ быть, очень рѣзкія, замѣчанія наши направленными непосредственно противъ него: они относятся къ той партіи, которую онъ желаетъ вразумить, притворяясь, какъ мы убѣждены, человѣкомъ, раздѣляющимъ ея заблужденія.

Сочиненіе Г. Крживицкаго начинается ложью. Такъ, говоря о раздѣлѣ Польши, онъ называетъ его «величайшею несправедливостью, причиненною Полякамъ сосѣдними Государствами,» и за тѣмъ прибавляетъ: «Люди высокаго ума и благороднаго сердца въ этихъ Государствахъ всегда признавали, и нынѣ признаютъ, это.» Не ручаемся за своихъ людей возвышеннаго ума и благороднаго сердца, но не думаемъ, чтобы хотя одинъ Нѣмецъ, Австрійскій, или Прусскій, видѣлъ вопіющую несправедливость въ раздѣлѣ Польши. Въ оправданіе его, Нѣмцы укажутъ на постоянную неурядицу въ Польшѣ, слывшей только по имени Государствомъ, неурядицу, вредно отзывавшуюся и на ихъ економическомъ бытѣ. Нѣмцы скажутъ, что они были вынуждены необходимостью вырвать власть изъ недостойныхъ рукъ, и для блага самой Польши взять на себя управленіе ея дѣлами, чтобы водворить въ этой несчастной странѣ хотя какой либо порядокъ. Что касается Россіи, то ея люди высокаго ума и благороднаго сердца могутъ обвинять себя развѣ въ томъ лишь, что они слишкомъ на долгое время затянули рѣшеніе вопроса, котораго старая Россія не снимала со стола, какъ только оправилась отъ Татарскаго ига. Возвращеніе областей, отторгнутыхъ отъ отечества усобицами удѣльщины и Татарскимъ погромомъ, было завѣтною задачею Московскаго Государства. Пусть Г. Крживицкій припомнитъ, что Россія почти никогда не заключала вѣчнаго мира съ Польшею: война съ нею прерывалась обыкновенно на сроки, правда, довольно продолжительные, но всегда заранѣе опредѣленные. Предки наши понимали цѣлованіе креста на вѣчный миръ съ Польшею не иначе, какъ подъ условіемъ возвращенія отъ нея всѣхъ Русскихъ областей. Но уже съ Ивана Грознаго, съ истребленіемъ Боярства, стали забываться въ Россіи ея историческія цѣли. Съ другой стороны, Приднѣпровское Русское Дворянство перестало сочувствовать строю Московскаго Государства, въ которомъ Самодержавный Царь правилъ народомъ при помощи покорнаго дворянства; ему сталъ милѣе строй Польскій съ безсиль-

нымъ Королемъ и самовластными вельможами, окруженными толпами безчисленной Шляхты, самой своевольной и необузданной; ему была мила эта возмутительная неурядица, поддерживаемая, какъ увидимъ ниже, ловкими руками, какъ орудіе для истребленія его же, этого Придпѣпровскаго Русскаго Дворянства. Петръ Великій, не смотря на свою геніяльность, вовсе упустилъ изъ вида возвращеніе отъ Польши древнихъ Русскихъ областей. Только Великая Екатерина, Нѣмка по происхожденію, но душею Русская, вывела этотъ вопросъ на настоящую дорогу, но, при рѣшеніи его, должна была столкнуться съ неодолимыми препятствіями. Изъ ея собственноручныхъ писемъ мы знаемъ, сколько огорченій вынесла она при этомъ случаѣ, и какъ отблагодарилъ ее Фридрихъ Второй, восшествіемъ ея на престолъ спасенный, вмѣстѣ съ его Королевствомъ, отъ неминуемой погибели. Въ слѣдствіе этого раздѣла, въ которомъ мысль Великой Екатерины была искажена, наша Галицкая Русь и до нынѣ остается въ рукахъ Нѣмцевъ, отдавшихъ ее на растерзаніе Полякамъ, а Русскіе, населяющіе Люблинскую, Седлецкую и Сувалскую Губерніи, живутъ отчасти и теперь еще подъ Польскими законами, и невольно ополячиваются подъ преобладающимъ вліяніемъ Польскаго языка. Какъ мы видимъ, Россія, возвративъ отъ Польши свое исконное достояніе, и при томъ не вполнѣ, никакимъ образомъ не можетъ считать себя виновною передъ Польшею, и возгласы Польской Шляхты объ историческомъ возмездіи, повторяемые въ угоду ей и Г. Крживицкимъ, можно понимать не въ смыслѣ отместки за нашу будто бы несправедливость къ Польшѣ, а за неизбѣжное послѣдствіе неправильнаго рѣшенія нами вопроса. Дѣйствительно, навязавъ себѣ на руки нѣсколько милліоновъ настоящихъ Поляковъ и, оставивъ въ чужихъ рукахъ неменьшее число Русскихъ, Россія испытываетъ, и должна испытывать въ будущемъ, всѣ невыгоды такого разрѣшенія вопроса.

Въ слѣдъ за такою ложью идетъ, въ подкрѣпленіе ея, другая, не менѣе первой бросающаяся въ глаза невѣрность. «У насъ было обширное отечество, говоритъ Г. Крживицкій. Ежели бъ мы жили сто лѣтъ тому назадъ, во время его раздѣла, мы обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для обороны его. Но теперь мы должны преклониться предъ совершившимися событіями и безропотно подчиниться выпавшему намъ жребію.» Едва ли и самъ Г. Крживицкій, когда писалъ эти положенія, не видѣлъ ихъ крайней натянутости. Любовь къ отечеству — великая добродѣтель и святая обязанность для каждаго чеговѣка, но она перестаетъ

быть и великою и святою, какъ только переносится въ міръ призрачный. Слѣдовало бы отложить въ сторону увлеченія партіи, разсмотрѣть эти причины, которыя когда-то доставили Польскому племени, не очень великому по численности, первенствующее значеніе между Славянами; слѣдовало бы разсмотрѣть, что сдѣлано руководящими сословіями Польши для того, чтобы случайное и временное возвышеніе ея на степень первенствующей державы обратилось въ постоянное и прочное. Борьба между Россіею и Польшею могла бы, по стеченію благопріятныхъ для послѣдней условій, быть сведена на борьбу за верховенство въ Славянскоми мірѣ. Было время, тяжелое для Россіи время, когда судьба отдавала въ руки Польши весь Славянскій міръ: отъ Адріятическаго моря до Балтійскаго, и отъ Лабы до Волги, все могло бы подчиниться Польскому скипетру. Но Поляки перенесли борьбу за первенствующее значеніе между Славянскими племенами на другую почву; тѣмъ временемъ Россія, оправившись отъ тяжкихъ испытаній, предъявила права на исконное свое достояніе, котораго Поляки, не умѣли связать съ собою даже такъ, какъ Французы связали съ собою Альзасъ, Лотарингію. Случилось то, чему слѣдовадо случиться: «Ce qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour.» Тогда Польша, эта ворона, ощипанная отъ павлиныхъ перьевъ, составлявшихъ ея заимствованную красоту и ея силу, начинаетъ роптать на коварство сосѣдей, и въ то время, когда исторія безвозвратно отбросила ее, за негодностью, вспоминаетъ о выпадавшемъ когда-то на ея долю назначеніи, перечисляетъ тѣ блага, которыя, будто бы, излились бы на другія Славянскія племена, если бы она, какимъ либо чудомъ, возвратила свою независимость. «Что выиграли бы Чехи, Моравцы, Силезцы, говорятъ представители ея увлеченій, если бы Польша была независима!» * Но мы уже видѣли, какъ она отнеслась къ своему историческому назначенію, и по прошлому можемъ довольно вѣрно судить о будущемъ. И Чехи, и Силезцы, и Моравцы, и Полабскіе Сербы, поочередно подпадали подъ власть Нѣмцевъ, и гибель ихъ ни сколько не возмущала руководящія сословія, буянившія въ обширной и независимой Польшѣ. И вотъ теперь, когда, за свои тяжкія вины и промахи, она сведена на подобающую ей степень ничтожества, когда она возвращена къ тѣмъ первобытнымъ временамъ ея исторіи, въ которыя она изнемогала

* Niemcewicz: «Czy Polacy mogą się wybić na neipodległość?»

отъ ударовъ, наносимыхъ ей завоевательными стремленіями Нѣмцевъ; * когда исторія передала судьбу Славянскаго міра въ другія, болѣе чуткія и преданныя руки, руководящія сословія ея предъявляютъ химерическія притязанія и даютъ имъ названіе несокрушимой вѣрности историческимъ преданіямъ своей страны. «Отечество! Отечество! обширное и великое Отечество, въ предѣлахъ, оставленныхъ намъ Ягайломъ и его великими преемниками!» Но то, что при Ягайлѣ и въ послѣдствіи, случайно принадлежало Польшѣ, — не Польша, а Русь: само оно пришло къ ней, само и ушло отъ нея, по ея неспособности. Возгласы эти, притязанія эти, не то ли же самое, что возгласы Мадьяровъ, которые понимаютъ величіе своего отечества не иначе, какъ подъ возможностью угнетать Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и нашихъ Русскихъ, когда-то отторгнутыхъ отъ общаго отечества? И что это за Польское отечество съ лицомъ и изнанкою? Сто лѣтъ тому назадъ за него слѣдовало умирать; теперь же такихъ жертвъ оно не стоитъ, и все дѣло должно окончиться конторскимъ расчетомъ, куда выгоднѣе пойти: въ Нѣмцы ли, въ Марьяры ли, или въ Русскіе? Не такъ понимаютъ любовь къ отечеству остальные люди: съ врагами и губителями его они не пойдутъ на сдѣлку: они поведутъ борьбу до послѣднихъ предѣловъ, и, если судьба не благословитъ ихъ усилій, погибнутъ, какъ подобаетъ погибнуть каждому честному человѣку, но не подчинятся насильникамъ, съ которыми могутъ мириться только люди, не чувствующіе подъ ногами почвы.

Дѣйствительно, этой почвы нѣтъ подъ ногами Польскаго передоваго сословія. Напрасно Г. Крживицкій, за одно съ нимъ, говоритъ о народѣ Польскомъ: Польскаго народа не было во все время независимаго существованія Польши: онъ поднятъ изъ праха милостію и попеченіемъ Русскихъ Государей — Царей Польскихъ; высшія же сословія Польши, при помощи обычныхъ имъ

* Крживицкій, говоря о Нѣмцахъ и ихъ стремленіяхъ подчинить себѣ Славянъ, вспоминаетъ о битвѣ подъ Гринвальдомъ или Танненбергомъ. Пусть же онъ вспомнитъ при этомъ, вмѣстѣ съ своими земляками, какъ была передъ тѣмъ ничтожна Польша: она не могла справиться съ Крестоносцами, которыхъ, однако, такъ сильно поражали наши Русскіе Князья, нашъ Св. Александръ Невскій съ своими Новгородцами. Только тогда, когда Приднѣпровская Русь соединила свои полки съ Польскими, положенъ былъ конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Тевтоновъ: подъ Танненбергомъ слава побѣды принадлежала нашимъ Смоленскимъ полкамъ.

натяжекъ, пытались даже отвергать самую племенную общность его съ собою. Такъ, когда на мятежномъ сеймѣ 1831 года зашла рѣчь о надѣленіи народа правами, одинъ изъ депутатовъ сказалъ, что народъ Польскій, будучи другого происхожденія со Шляхтою, долженъ оставаться въ прежнемъ состояніи. Послѣ разразившейся надъ нею бури, почувствовавъ свое одиночество и, всюду отыскивая себѣ пособниковъ, Шляхта вспомнила и объ этомъ забитомъ ею народѣ, наравнѣ съ ею же погубленными Чехами, Моравцами, Силезцами и Полабскими Сербами, съ забавнымъ великодушіемъ сулитъ нынѣ всѣмъ имъ журавля въ небѣ.

Споръ за первенствующее значеніе въ Славянскомъ мірѣ не могъ бы довести одну изъ спорящихъ сторонъ, сторону Польскую, до той степени ожесточенія и ненависти, какая проявляется въ ней противъ соперницы ея, Россіи. Ясно, что къ этому спору примѣшались другія, неполитическія побужденія, и что именно они и дѣлятъ Россію и Польское образованное сословіе на два стана, между которыми невозможны никакое соглашеніе, никакая сдѣлка. Эти другія побужденія, придавшія соперничеству свойство безпощадной и нескончаемой борьбы, станутъ яснѣе при помощи нѣкоторыхъ историческихъ указаній, или, вѣрнѣе сказать, возстановленій. Мы попросили бы особъ, желающихъ провѣрить наши поясненія, обращаться не къ извращенному изложенію позднѣйшихъ Польскихъ историковъ, насильственно подводяшихъ показанія лѣтописцевъ подъ свои предвзятыя мысли, а къ самимъ лѣтописцамъ, именно лѣтописцамъ Польскимъ.

Мы уже сказали, что Польша стала сильнымъ Государствомъ только въ слѣдствіе присоединенія къ ней Русскихъ Княжествъ. Поляки увѣряютъ, и Г. Крживицкій, въ угоду имъ, повторяетъ то же, будто это присоединеніе совершилось добровольно, а не въ слѣдствіе Татарскаго погрома и не при помощи самыхъ вопіющихъ продѣлокъ. Черезъ Поляковъ ложь эта перешла и къ намъ.

Начало этого, такъ называемаго, добровольнаго соединенія Литвы и Руси съ Польшею, обыкновенно относится къ женитьбѣ

---

* Г. Крживицкій, посмѣиваясь надъ крайними въ своей партіи, ставитъ имъ въ вину желаніе говорить отъ лица всего Польскаго народа, будто на основаніи полученнаго на то полномочія. Но онъ самъ погрѣшаетъ тѣмъ же, безпрестанно отождествляя съ своею партіею Польскій народъ, чуждающійся ея по своимъ преданіямъ.

Ягайла на Ядвигѣ и съѣздамъ Ягайла съ Сигизмундомъ, Королемъ Угорскимъ, въ Кошицѣ, въ 1412 году, и съ Витовтомъ въ Городнѣ, въ 1413 году. Соединеніе это закрѣплено Люблинскою уніею 1569 года. Съ того времени до послѣднихъ дней отдѣльнаго существованія Польши, оба народа, Поляки и Русскіе, жили будто бы въ братскомъ единеніи, которое было нарушено коварствомъ сосѣдей умысливших погубить Польшу.

Историки, смотрящіе на соединеніе Русскихъ Княжествъ съ Польшею непредъубѣжденными глазами, видятъ въ женитьбѣ Ягайла на Ядвигѣ и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ этому соединенію, не самостоятельное явленіе, а продолженіе исконныхъ стремленій Латинской Церкви къ господству надъ Русскимъ народомъ, стремленій, начавшихся вмѣстѣ съ принятіемъ имъ Христіянства отъ Грековъ, и разроставшихся вмѣстѣ съ ученіемъ о главенствѣ Папы надъ всѣмъ Христіянскимъ міромъ, и отдѣленіемъ Западнаго Католичества отъ Вселенской Церкви догматическими новшествами. * Первонально Латинская Церковь домогалась подчинить Русскій народъ своей власти при помощи Русскихъ Князей. Такъ нашъ Даніилъ Галицкій получилъ Королевскій титулъ отъ Папы, и былъ вѣнчанъ на Королевство Папскимъ Нунціемъ. Но когда надежда, возлагавшаяся на Русскихъ Князей, не оправдалась, Папы избрали, для осуществленія своихъ цѣлей, Польшу. Она должна подчинить Папскому престолу все пространство, лежащее между Вислою и Волгой, объявленное языческимъ. Намѣченный Латинскимъ духовенствомъ Литовскій Князь вполнѣ соотвѣтствовалъ его видамъ. Ягайло былъ человѣкъ слабыхъ свойствъ, постоянно жившій чужимъ умомъ: такъ до женитьбы на Ядвигѣ и, слѣдовательно, до поступленія подъ опеку Польскаго духовенства съ Олесницкимъ во главѣ, онъ былъ въ рукахъ у Русина Войдыла, пользовавшагося большимъ поче-

* Раздѣленіе Христіянской Церкви на Восточную и Западную есть послѣдствіе такихъ же стремленій Папъ подчинить своей власти Болгаръ: изъ за нихъ и вышелъ споръ у Константинопольскаго Патріярха съ Папою. Патріярху стало очевидно, что, за отторженіемъ Болгарскаго народа отъ его паствы, онъ останется при одномъ, сравнительно говоря, ничтожномъ населеніи Византіи и ея округа. Тогда имъ выставлено было противъ Папы «Filioque.» Безъ примѣси спора о Паствѣ и главенствѣ, эта прибавка была бы осуждена по общему соглашенію и исчезла бы изъ догмата, не причинивъ столь плачевныхъ послѣдствій.

томъ еще у Ольгерда; изъ за преобладающаго вліянія этого Войдыла, Ягайло разошелся съ дядею своимъ, Кейстутомъ, и убилъ его, мстя ему за казнь своего любимца. Ядвига была Королевна, вынянченная Латинскимъ духовенствомъ для миссіонерской цѣли: она была обручена Австрійскому Эрцгерцогу, Вильгельму, но, для вящей славы Святаго Престола, Папа расторгъ предполагавшійся бракъ, и ее, дѣвицу высокорелигіозную, отдали Литовскому Князю, обагрившему свои руки кровью дяди. Такихъ супруговъ не трудно было увѣрить въ ихъ Апостольскомъ предназначеніи. Дѣйствительно, оба они съ жаромъ принялись за перекрещиванье Православныхъ Русскихъ въ Католичество. Это-то и есть, такъ называемое, крещеніе Литвы.

Интрига была поведена съ осторожностью, ловкостью и тонкостью, которыми отличаются всѣ подходы Римскаго Двора и въ которыхъ, въ послѣдствіи, такъ нашколились Поляки подъ руководствомъ отцовъ Езуитовъ. На Люблинскомъ съѣздѣ не говорилось ни о чемъ другомъ, кромѣ укрѣпленія союза между Польшею, Русскими Княжествами и Угріею, съ цѣлію изгнанія Крестоносцевъ изъ Пруссіи и подѣленія ихъ владѣній. Это былъ пробный шаръ, безъ котораго не обходится ни одна интрига. На Городельскомъ съѣздѣ былъ уже выставленъ договоръ, въ которомъ полагалось основаніе будущему соединенію Литвы съ Польшею, договоръ, написанный на Латинскомъ языкѣ, котораго не понимало Русское Дворянство, привѣсившее къ нему свои печати. Такимъ образомъ интрига заручилась письменнымъ обязательствомъ, долженствовавшимъ служить ей оружіемъ для дальнѣйшей борьбы. Нѣсколько десятковъ лѣтъ Польша молчала объ этомъ обязательствѣ. Лишь только оно всплыло на поверхность, Русское Дворянство заподозрило достовѣрность его. Оно говорило, что отцы ихъ не понимали языка, на которомъ написанъ договоръ; что они съѣзжались въ Городнѣ для обсужденія будущаго наступательнаго союза противъ Крестоносцевъ, а не для соединенія Русскихъ областей съ Польшею; оно опорочивало договоръ по его односторонности, потому что всѣ статьи его были написаны въ пользу нѣсколькихъ домовъ изъ Русскаго Дворянства, перешедшихъ въ Католичество, и въ ущербъ Православнымъ. Напрасно Поляки возражали, что, въ замѣну утрачиваемой такимъ образомъ самостоятельности, они принесли Русскимъ свѣтъ Католической Вѣры и отдали имъ Ядвигу, красоту неописанную. Раздоръ послѣ смерти Ягайла усилился, но еще и при немъ и при супругѣ его, Ядвигѣ, обнару-

жились тѣ явленія, которыя рѣзко обозначаютъ борьбу Русскихъ Княжествъ съ Польшею, или, вѣрнѣе сказать, съ Римскою Церковью, которой Поляки были слѣпымъ и фанатическимъ орудіамъ. Уже при Ядвигѣ и Ягайлѣ Русскіе, насилуемые въ своей совѣсти, жгли Католическія церкви, рѣзали Картезіянъ и Доминиканъ, ругались надъ святынею Католической Церкви. Но дѣло, начатое Олесницкимъ и поддерживаемое Правительствомъ, продолжалось и было завершено Езуитами. Тѣмъ не менѣе, Русскія Княжества, потерявшія къ тому времени послѣдніе слѣды независимости, продолжали борьбу съ Латинствомъ. Какъ въ предшествовавшій періодъ два враждебные стана, Латинскій и Русскій, стояли рядомъ, такъ и въ послѣдующія за тѣмъ времена, когда Русское Дворянство, обработанное отцами Езуитами, отпало отъ своего народа, ополячилось и олатынилось, въ Польшѣ осталось два враждебныхъ слоя: верхній, шляхетскій, и нижній, народный. Борьбу повелъ самъ народъ, съ Православнымъ духовенствомъ во главѣ, и наконецъ задушилъ врага, съ которымъ не было возможности заключить какую либо сдѣлку, не снявъ съ него предварительно кожу.

Таково было это, столь громко восхваляемое, добровольное соединеніе Руси и Литвы съ Польшею; таковы были эти, столь превозносимыя, условія соединеній равнаго съ равнымъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Литва и Русь дѣйствительно могли бы слиться съ Польшею, если бы она преслѣдовала государственныя цѣли, если бы въ ней были необходимые для того государственные люди. Въ томъ-то и бѣда, что такихъ людей Польское Шляхетство не доставляло своему отечеству. Говоримъ это не по тому, чтобы считали Польское племя низшимъ по умственнымъ дарованіямъ относительно другихъ Славянскихъ племенъ; напротивъ, мы убѣждены, что дарованія были и въ Польской Шляхтѣ, подобно тому, какъ они находятся во всякомъ человѣческомъ обществѣ, но они, по стеченію роковыхъ обстоятельствъ, получили въ ней ложное направленіе и гибли безплодно. Всецѣло подчинившись Папскому Престолу, отдавъ себя на служеніе ему, Польскія высшія сословія, за вящею его славою и пользою, ничего не видѣли: они не могли оцѣнить ни значенія совершавшихся событій, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя, при небольшой долѣ государственнаго смысла, могли бы на вѣки закрѣпить за Польшею Русскія Княжества и отдать въ ея руки судьбы всего Славянскаго міра. Польскія высшія сословія, воспи-

тываясь исключительно въ Езуитскихъ школахъ для цѣлей Латинской Церкви, постепенно утрачивали всякій человѣческій смыслъ, и наконецъ обратили свое отечество въ, невиданное въ Европейской исторіи, соборище, въ которомъ корыстныя личныя цѣли прикрывались громкимъ названіемъ служенія Богу и ревности по Вѣрѣ.

«Nierządem Polska stoi!»

Пусть Г. Крживицкій, положа руку на сердце, скажетъ: возможно ли существованіе Государства, держащагося неурядицей? А между тѣмъ эта неурядица входила въ виды Римскаго Престола и Езуитовъ, и по тому поддерживалась ими. Стоитъ развернуть Исторію Польши на любой страницѣ, чтобы увидать, что выборные Короли Польскіе, переставъ быть шляхтичами, старались, если не уравнять Католиковъ и Разновѣрцевъ въ правахъ, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить послѣднимъ свободное отправленіе Богослуженія. Но на людей, не подчинявшихся Папѣ и не учившихся у Езуитовъ, Латинское духовенство смотрѣло, какъ на проклятыхъ, съ которыми не слѣдовало чиниться, которыхъ надобно было терзать всѣми возможными средствами и загонять въ свое стадо при помощи всѣхъ, самыхъ вопіющихъ, мѣръ. А такія мѣры и были возможны только при сопротивленіи Королевской власти и полнѣйшемъ пренебреженіи къ судамъ и законамъ. Чѣмъ слабѣе и безсильнѣе былъ Король, чѣмъ угодливѣе и пристрастнѣе были суды, тѣмъ вѣрнѣе было дѣло Католической пропаганды. По этому только въ Исторіи Польши можно найти Королей, подстрекающихъ своихъ подданныхъ къ сопротивленію Правительству съ оружіемъ въ рукахъ.

И такъ, миссіонерское призваніе, навязанное Польшѣ Папами, неудавшіеся виды на обращеніе Руси въ Католичество и подчиненіе ея Римскому Престолу, вотъ что дѣлаетъ шляхтича врагомъ Русскаго Государства. Польская интеллигенція — крѣпко организованная и замкнутая каста, даже не партія, съ своими задачами, своими воззрѣніями, предательски навязанными ей людьми, избравшими ее въ оружіе своихъ нечистыхъ замысловъ; подобно всякой кастѣ и партіи, она неспособна ни понять ложности тѣхъ началъ, за которыя ратуетъ, ни принять доказательства, идущія со стороны.

Разсчитывать на поголовное отреченіе ея отъ своего знамени, и при томъ отреченіе скорое, какъ предлагаетъ Г. Крживицкій,

было бы болѣе, чѣмъ странно. Никакая партія въ мірѣ не отступается отъ своихъ стремленій: они умираютъ вмѣстѣ съ нею. Разсчитывать на возможность обезоружить какую либо партію снисхожденіемъ и уступками, значило бы подливать въ огонь горячіе матеріялы: каждымъ снисхожденіемъ партія воспользуется не для примиренія, а дли расширенія своихъ требованій. Передъ нами свѣжій примѣръ Бонапартистовъ, которыхъ по справедливости нельзя назвать даже партіею, по тому что это сборище отверженцевъ всѣхъ партій, преслѣдующее самыя негодныя личныя цѣли. Что же? Образумились ли они послѣ того позора и тѣхъ бѣдствій, которыя накликали они на свое отечество, если только они считаютъ Францію своимъ отечествомъ, а не законною добычею? То же самое, и при томъ съ большею основательностью, примѣняется и къ такой ослѣпленной кастѣ, какова, такъ называющая себя, Польская интеллигенція. Если не возможны попытки образумить ее и смирить ея химерическія надежды; если, однимъ словомъ, не возможно примиреніе съ нею, остается борьба. Расшатать и ослабить эту касту, лишить ее того призрачнаго значенія, которое она себѣ присвоиваетъ и которое снисходительно признается за нею—вотъ задачи этой борьбы! Успѣхъ ея весьма возможенъ, и мы давно наслаждались бы уже многими полезными его плодами.

Но если не возможно образумить всю интеллигенцію; если съ нею, какъ со всякою партіею, слѣдуетъ бороться, то не слѣдуетъ отвергать искреннихъ союзниковъ, хотя бы они шли даже изъ враждебнаго стана. Выходъ изъ партіи одиночныхъ ея членовъ — обыденное явленіе въ ея жизни. Но выходить слѣдуетъ безвозвратно, не оставляя себѣ, помощію разныхъ уловокъ, возможности сохранить связи со старымъ гнѣздомъ, изъ котораго спасаются въ слѣдствіе сознанныхъ наконецъ, присущихъ ему, міязмовъ. Искренно вышедшіе изъ партіи люди словомъ и дѣломъ должны показать себя непримиримыми противниками той лжи, отъ которой пожелали освободиться.

По этому, вмѣсто того, чтобы писать хвалебные гимны государственнымъ людямъ, которыхъ въ Польшѣ никогда не было, образумившіеся Поляки оказали бы несомнѣнную услугу и своему отечеству и всему просвѣщенному міру, раскрывъ тѣ пагубныя козни Латинской Церкви, съ которыми знакомо и остальное Европейское Католичество, но которыя въ Польшѣ получили полное примѣненіе и развитіе. Такое разоблаченіе способствовало

бы къ очищенію той удушливой атмосферы, въ которую заключена Польская интеллигенція; оно способствовало бы многимъ изъ ея членовъ взглянуть на движеніе исторіи не сквозь искажающую призму своихъ исконныхъ учителей, отцевъ Езуитовъ, а глазами всего просвѣщеннаго міра; оно помогло бы имъ войти въ общечеловѣческую семью и сдѣлаться полезными вкладчиками гражданственности и науки. Сама интеллигенція, столь далеко отошедшая отъ остальнаго просвѣщеннаго міра въ воззрѣніяхъ на Государство и Церковь, столь превратно понимающая прошлое и будущность Славянства, къ подобному труду не способна. Это сословіе окаменѣвшее на извѣстной, искаженной преступными руками, степени развитія, и по тому осужденное на вымираніе. Задача государственныхъ дѣятелей въ отношеніи его должна состоять не въ попеченіяхъ объ искуственномъ продленіи его существованія, а въ ускореніи его послѣдняго издыханія, до нынѣ поддерживаемаго различными мѣрами.

Къ этому должны быть направлены усилія и тѣхъ членовъ этой партіи, которые изъ нея выйдутъ. Но для этого не слѣдуетъ благодушествовать гдѣ либо въ Нѣмецкой Швейцаріи, или на берегу Комскаго озера, а перенестись на мѣсто борьбы и принять въ ней дѣятельное участіе. Такимъ, искренне оставившимъ свою партію, членамъ нашлась бы полезная дѣятельность между Австрійскими Славянами, встрѣчающими, со стороны высшихъ Польскихъ сословій, ожесточенное сопротивленіе въ своихъ законныхъ домогательствахъ.

Не слѣдуетъ также придавать какое либо значеніе запугиванію, будто Польская шляхта съ отчаянія можетъ броситься въ чужія руки: судьба Польши и Славянства уже не въ ея рукахъ. Куда она ни бросилась бы съ отчаянія, или фанатизма, къ Прусскимъ, или Австрійскимъ, Нѣмцамъ, къ Мадьярамъ, или Туркамъ, это дѣло ея разсчета и вкуса. Ни ея дружба и вѣрность, ни ея вражда и измѣна, немного могутъ значить для Россіи. И когда она была вѣрна ей, эта шляхта, когда не измѣняла? Въ вѣчнопамятномъ 1812 году, въ Угріи, Крыму, при дворахъ Восточныхъ и въ юртахъ кочевниковъ, всюду видимъ мы завзятыхъ сыновъ этой касты, пытающихся подкопаться подъ Россію своими пигмейскими усиліями. Всюду разгаданная и всѣми отвергаемая, партія эта готова бы нынѣ повторить пріемъ, однажды уже едва было не удавшійся: втиснуться въ ряды дѣтей того государства, погибель котораго составляетъ завѣтную задачу ея въ

продолженіе стольких столѣтій, и таким путемъ вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей.

Но она забываетъ при этомъ, что въ то время, когда, бѣснуясь, въ безсильномъ раздраженіи, она искала средствъ къ продленію своего, никому ненужнаго, существованія, и думала найти ихъ въ жалчайшихъ соображеніяхъ, внушаемыхъ ей отчаяніемъ, она забываетъ при этомъ, что другіе, тѣ именно, кого она желала бы обратить въ послушное свое орудіе, успѣли уже ясно выразумѣть историческія задачи своего отечества. Будетъ съ нихъ и того, что Польша надѣлила ихъ крѣпостнымъ состояніемъ, столь долгое время останавливавшимъ между ними всякое развитіе; будетъ съ нихъ и того, что эта партія усиливалась въ недавнее время внести смуту въ ихъ общество. И въ какое время? Когда Милосердый Господь, устами милосердаго Царя, призывалъ ихъ къ дружному движенію по пути разумнаго совершенствованія.

Братски принимая всѣхъ выходящихъ изъ партіи членовъ ея, оставимъ же попеченіе о выборѣ пути самой партіи. Кажется, Россія даже выгадаетъ, если ее минуетъ такое, по взгляду Польской партіи, приращеніе силъ. Разбирая невыгоды соединенія Поляковъ съ Пруссаками, Г. Крживицкій сравниваетъ въ этомъ случаѣ Польшу съ организмомъ, заливаемымъ чрезъ всевозможные каналы другимъ, чуждымъ организмомъ. Дѣйствительно, за этимъ должны послѣдовать или полнѣйшее вырожденіе, или смерть. Какъ же Г. Крживицкій не замѣтилъ, что, предлагая Польской партіи и намъ сліяніе во едино, и допуская его не иначе, какъ подъ условіемъ заливанья Россіи черезъ всѣ каналы Польщизной, онъ, не извѣстно по чему, считаетъ его чѣмъ-то высшимъ, предназначеннымъ къ нашему обновленію? Напротивъ, нѣтъ ни одного Русскаго, который не признавалъ бы истиннымъ бѣдствіемъ для своего общества водворенія въ немъ идей и ученій Польскихъ. И до чего доходитъ Г. Крживицкій въ своемъ омраченіи! Между тѣми благами, которыми онъ собирается наградить насъ при посредствѣ Польской образованности, онъ помѣщаетъ и подлѣйшій, омерзительнѣйшій, видъ шпіонства, наслѣдованный Поляками отъ Езуитовъ. Что за понятія, что за вкусъ, что за самообольщеніе и ослѣпленіе!

А. Х.

ПОЛЬША И РОССІЯ

ВЪ

1872 году.

I

Со времени перваго раздѣла Польши истекаетъ сотый годъ. Кто же станетъ отрицать, что весь періодъ этого времени не былъ для насъ непрерывною нитью пораженій, разочарованій, жестокихъ общественныхъ и личныхъ страданій? Подведя итогъ безплодно потраченнымъ въ это время силамъ, трудамъ и жизни, мы задаемъ себѣ вопросъ: «Не уже ли и преемники наши, по прошествіи новой сотни лѣтъ, очутятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ мы находимся, или въ положеніи очень схожемъ съ нашимъ?»

Не думаю, чтобы заслуживалъ порицанія тотъ, кто отвѣчалъ бы на него, что отъ насъ зависитъ приготовить имъ лучшую будущность.

И за тѣмъ, спрошенный нами: «Что мы можемъ сдѣлать для этой цѣли, мы, въ настоящее время столь безсильные, разрозненные, оставленные всѣмъ міромъ?» онъ, по всей вѣроятности, отвѣчалъ бы намъ: «Разсмотрите внимательно тѣ мнѣнія, которыми руководствуетесь, надежды, которымъ вы всегда готовы были пожертвовать всѣмъ самымъ дорогимъ для васъ, и вы узнаете, отъ чего вы нынѣ и такъ безсильны, и такъ разрознены, и такъ оставлены всѣмъ міромъ.»

Провѣрка означенныхъ мнѣній и надеждъ нашихъ не составляетъ очень трудной задачи; всѣ онѣ, сколько ихъ ни было въ ходу между нами, сводятся къ одному: у насъ должна быть независимая Польша въ тѣхъ границахъ, которыя были у нея сто лѣтъ назадъ, и что отъ этой надежды не должно отказываться ни одно честное Польское сердце.

Такая привязанность къ прошлому есть чувство весьма есте-

ственное и ежечасно повторяющееся въ исторіи. Чувство это дѣйствительно весьма похвально, на сколько, впрочемъ, оно проистекаетъ изъ высшихъ нравственныхъ побужденій.[1] Но коль скоро является вопросъ о проведеніи въ жизнь хотя бы то и самыхъ завѣтныхъ идей, означенное чувство, какъ и всякое другое, должно подлежать неумолимой провѣркѣ разсудка.

Въ этомъ случаѣ прежде всего слѣдуетъ расчитывать, и притомъ разсчитывать весьма строго. Каковы наши силы, какого рода встрѣтимъ мы преграды въ совершившихся событіяхъ? Вотъ вопросы, которые, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ разрѣшить прежде всего.

Принимая это за исходную точку, быть можетъ, для насъ было бы не излишне вникнуть въ то, не унаслѣдовали ли мы отъ нашихъ предшественниковъ извѣстныхъ цѣлей, столь высоко поставленныхъ, что осуществленіе ихъ превышаетъ всякія человѣческія силы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится нашъ край со времени своего паденія?

Наконецъ, по чему же не сознаться со смиреніемъ, что, быть можетъ, стремленія наши не вполнѣ согласуются съ волею Провидѣнія, раздающаго людямъ разныя предназначенія?

Въ числѣ лицъ, посвящавшихъ себя служенію нашему дѣлу, мы видѣли людей необыкновеннаго ума и характера. Отличныя качества этихъ дѣятелей были признаны даже чужими, а имена ихъ могли бы украсить любое общество. Кто же сталъ бы утверждать, что все, сдѣланное подобными людьми для нашего дѣла, лишено было всякаго значенія? Однако же, достовѣрно и то, что дѣла не запутались бы въ такой мѣрѣ, въ какой мы видимъ ихъ запутанными, и не пришли бы мы къ тому печальному положенію, въ какомъ нынѣ находимся, если бы мы во всякое время лучше умѣли отдавать себѣ отчетъ въ требованіяхъ положенія дѣлъ въ общемъ направленіи мировыхъ событій и въ силахъ своего народа, въ особенности же, если бы не смотрѣли столь высокомѣрно на совершившіяся уже историческія событія и лучше помнили бы о необходимости считаться съ ними.

Совершившіяся событія! Можно бы сказать, что въ механикѣ исторіи человѣчества они значатъ то же, что въ небесной механикѣ

---

[1] И не идетъ въ разрѣзъ съ истиною. Дѣло въ томъ, что истина въ этомъ случаѣ не на сторонѣ Поляковъ.

тѣ точки тяготѣнія, около которыхъ, и по отношенію къ которымъ, соразмѣряются міровыя движенія.

Не думаю, чтобы кто либо желалъ заподозрить меня въ томъ, будто я, избравъ подобную исходную точку, исключаю изъ исторіи идею справедливости и порицаю любовь къ отечеству.

Кто вознамѣрился бы исключить изъ исторіи идею справедливости, т. е., идею нравственнаго порядка, въ высшемъ значеніи этого слова, тотъ взялся бы за рѣшеніе задачи, равносильной тому, чтобы выбросить изъ міра идею матеріяльной силы. Обѣ этѣ идеи существуютъ одновременно, обѣ обладаютъ безспорными правами, въ силу которыхъ существуютъ и на основаніи которыхъ все себѣ подчиняютъ, но онѣ не всегда гармонируютъ между собою. Отъ чего? Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на который трудно дать удовлетворительный отвѣтъ, даже и тогда, когда бы я пожелалъ, оставивъ въ сторонѣ занимающій насъ предметъ, углубиться съ читателемъ въ непроходимые лабиринты философскихъ разсужденій о причинахъ, обусловливающихъ нравственное зло въ мірѣ. Исторія изобилуетъ явленіями самаго могущественнаго воздаянія правосудія и возмездія за низпровергнутый нравственный порядокъ. [2] Не смотря на это, нравственный порядокъ ежечасно нарушается, и въ то время, когда и неучъ и философъ, въ одинаковой мѣрѣ, чувствуютъ потребность вѣрить, что за это послѣдуетъ заслуженное наказаніе, сдѣлавшимся жертвою погрома предстоитъ со всѣмъ другая работа, и ужь, конечно, не та, чтобы ожидать, когда пробьетъ часъ историческаго правосудія. [3]

Что раздѣлъ нашего края былъ большою обидою, причиненною намъ сосѣдними съ нами государствами, того отрицать и изгладить никто не въ состояніи. [4] Люди высокаго ума и благороднаго сердца, и въ этихъ государствахъ всегда признавали и нынѣ признаютъ это. Если бы мы въ настоящее время находились въ положеніи нашихъ предковъ, сто лѣтъ тому назадъ, то было бы нашею обязанностію пролить послѣднюю каплю крови за оборону отечества. Все это справедливо. Однако же, событіе совершлось, и нынѣ намъ слѣдуетъ помышлять не о

---

[2] **Польша есть одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ этому.**

[3] **См. Предисловіе.**

[4] **Требуется доказать, и именно относительно Россіи, и по нынѣ не собравшей во едино своей исконной поземельной области. По Польскому обычаю, положеніе это предлагается принять на вѣру.**

томъ, что за сто лѣтъ тому назадъ могло составлять нашу обязанность и что предписывала намъ тогда справедливость, но о томъ, что дѣлать далѣе, на основаніи совершившагося событія. Безъ сомнѣнія, разборъ первой половины этого вопроса могъ бы послужить предложеніемъ для многихъ возвышенныхъ выводовъ по отношенію къ международной нравственности и искуству правленія. Но это ни къ чему не послужило бы; по тому что мы, въ настоящее время, занимаемся не международными отношеніями и не искуствомъ правленія.

Событіе совершилось. Время возмездія, безъ сомнѣнія, когда ни будь наступитъ; [5] быть можетъ оно, въ извѣстномъ отношеніи, уже и наступило.... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы воздаяніе историческаго правосудія приняло непремѣнно размѣры прежняго порядка вещей, уничтоженію котораго споспѣшествовали и даже подали главный поводъ тяжкія вины нашего же народа. Restitutio in integrum, въ смыслѣ значенія этого понятія въ частномъ законодательствѣ, не принадлежитъ къ числу факторовъ историческаго правосудія. Въ исторіи нѣтъ ни одного исчезнувшаго событія, не оставившаго послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Что совершилось однажды, то совершилось не безъ цѣли.

Исторія ежечасно представляетъ намъ зрѣлище того, какъ извѣстная собирательная единица бываетъ вынуждена приносить въ жертву прежнюю форму своего быта и принимать другую, и притомъ для того, чтобы образовать новое цѣлое, долженствующее исполнить новыя предназначенія. Собственно этому видоизмѣненію мы и обязаны возможностью постепенно высшаго историческаго развитія, постепенно высшихъ формъ собирательнаго быта и безконечнаго числа новыхъ благодѣяній для человѣчества. Такимъ путемъ исчезаютъ одни, возникаютъ другія, государства, какъ постоянно новыя формы общественнаго быта. Но въ то время, когда все движется, переходитъ въ другое, преобразуется, есть нѣчто такое, что остается постоянно неизмѣннымъ: сущность человѣческаго общества, не связанная географическими границами и названіемъ народовъ, его составляющихъ.

Народъ, теряющій отдѣльное существованіе, сливается съ новымъ собирательнымъ тѣломъ; въ немъ, отбросивъ внѣшнія и случайныя особенности, снова видитъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, человѣческимъ обществомъ. Если онъ съумѣетъ примириться съ сво-

---

[5] Не при помощи ли Орлеановъ, такъ какъ великій Наполеонъ III оказался негоднымъ?

имъ предназначеніемъ, относительно формы быта, и примириться искренно, ему немедленно же открывается путь ко всѣмъ благамъ, нераздѣльнымъ съ существованіемъ собирательнаго быта. Если онъ былъ менѣе образованъ, чѣмъ то общество, съ которымъ слился, въ такомъ случаѣ пользуется тѣмъ, чего ему прежде недоставало. Если же онъ приходитъ съ высшею гражданственностью, то становится, въ новомъ своемъ единеніи, орудіемъ нравственнаго улучшенія, принимаетъ на себя роль миссіонера гражданственности.

Предполагаемъ, что народъ, подвергающійся перемѣнѣ бытовыхъ формъ, искренно примиряется съ своимъ предназначеніемъ. Въ противномъ случаѣ онъ вступаетъ въ область внутреннихъ потрясеній; переживаетъ рядъ тяжкихъ страданій и, по прошествіи болѣе, или менѣе, продолжительнаго времени, не измѣнивъ ни въ чемъ предназначенной ему судьбы, подпадаетъ закону необходимости, отъ котораго ни кому не удается избавиться.

Несомнѣнно, что какъ ни велика економическая и человѣчная польза, ожидающая извѣстный народъ отъ включенія его въ новый политическій строй, однако же утрата прежней самобытности останется для него событіемъ самымъ болѣзненнымъ. Безъ той доли принужденія, которую неисповѣдимое предназначеніе дѣлаетъ пособникомъ исторіи человѣческаго рода, у насъ не было бы ни одного изъ тѣхъ Европейскихъ народовъ и государствъ, которые сдѣлались горниломъ современной гражданственности, возникнувъ на развалинахъ другихъ народовъ и противъ ихъ воли.

Напрасно было бы разсуждать о томъ, откуда возникаетъ привязанность народовъ къ отдѣльному существованію. Она составляетъ такой же законъ природы, какъ и всякая другая привязанность къ самоличному существованію; подобно сему послѣднему, она заключена въ опредѣленный для нея кругъ, внѣ котораго рука времени спокойно оканчиваетъ свое твореніе.

Отсюда ведетъ начало старая, какъ міръ, но постоянно забываемая, истина, что отъ времени до времени необходимо, при посредствѣ смерти, восходить къ новой жизни, и на этомъ переходѣ испытывать всѣ томленія кончины.

Мы, Поляки, представляли себѣ до сихъ поръ отечество не иначе, какъ въ извѣстной, исторически выдѣленной, формѣ отдѣльности отъ другихъ народовъ, какъ будто бы на свѣтѣ могутъ существовать какія либо вѣчныя формы и отдѣльности.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ надѣяться, [6] что со временемъ, когда страсти улягутся и мы предстанемъ на судъ невозмутимой исторіи, наши судьи, даже чужіе, не окажутся къ намъ слишкомъ жестоки; въ особенности же тѣ, посвященные въ тайны жизни, благородные умы, которые не привыкли приписывать всякое увлеченіе сердца его испорченности; все же я сильно опасался бы, чтобы тѣ же судьи, въ извѣстномъ случаѣ, не произнесли приговора, будто сами же мы были виновны въ продленіи страданій нашего народа за обыкновенный предѣлъ. Не въ меньшей мѣрѣ опасался бы я осужденія и за то, что мы, не желая подчиниться высшимъ предначертаніямъ исторіи, и упорно отвергая болѣе обширныя ея цѣли, затормозили на время гармоническое развитіе другихъ соплеменныхъ намъ народовъ, мы, едва ли не первые призванные [7] Провидѣніемъ къ доблестному нравственному труду ихъ совершенствованія.

Бросимъ взглядъ на ходъ главнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ продолженіе истекающаго со времени раздѣла столѣтія. Сколько усилій, вызванныхъ желаніемъ воскресить независимое отечество! И какой конецъ каждаго изъ нихъ! Можно бы сказать, что послѣ каждаго раза, мы собственными же руками раздвигали еще больше пропасти, отдѣляющія насъ отъ той формы быта, которой такъ горячо желали. Возможно ли относить событіе, такъ упорно повторявшееся въ нашей исторіи въ продолженіе ста лѣтъ, единственно къ числу ошибокъ при осуществленіи плановъ, которые будто бы, во всякомъ другомъ случаѣ, были удобоисполнимы? Не является ли тутъ невольно мысль, что, независимо отъ нашихъ ошибокъ, которыя, безъ сомнѣнія, были велики и многочисленны, самыя намѣренія наши не могли соотвѣтствовать тайной волѣ судебъ?... Пусть читатель самъ отвѣтитъ на это, но предварительно пусть онъ подвергнетъ основательному анализу самаго себя: дѣйствительно ли онъ вѣритъ, что Провидѣніе правитъ исторіею человѣчества?...

Обыкновенно не съ разу удается народамъ, какъ и единичнымъ людямъ, найти свойственные имъ пути, опредѣлить соотвѣтственную цѣль, и узнать волю Предопредѣленія. Нужно долго искать, и пріобрѣтенный опытъ искупить рядомъ многихъ бѣдствій и тяжкихъ страданій. Каждый, кто жилъ и трудился, хорошо это знаетъ. А что и съ народами случается то же самое, для этого найдутся, если понадобится,

---

[6] **Нельзя надѣяться.**

[7] **Призывало васъ Провидѣніе, и отбросило за негодностью.**

примѣры въ исторіи. Правило это относится и къ нашему народу: исключенія мы не составляемъ.

Нѣкоторые опасаются, что чувство любви къ отечеству можетъ погибнуть, если станутъ все подчинять одному холодному разсудку, готовому постоянно считаться лишь съ совершившимися событіями. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что самое достойное любви человѣка, въ каждой формѣ общественнаго или политическаго быта, именно нравственная сторона этого быта, никогда не подлежитъ уничтоженію, развѣ кто либо самъ отречется отъ нея, или, правильнѣе говоря, окажется недостойнымъ ея. Намъ, вынужденнымъ историческою необходимостію, отказаться отъ политической самобытности, ни что не препятствуетъ, и не можетъ воспрепятствовать, внести въ новое собирательное тѣло, котораго нераздѣльною частицею должны мы сдѣлаться, то, что составляетъ нравственную нашу природу. Напротивъ, нравственными идеями нашей Польской народности, на сколько онѣ находятся у насъ, на сколько съумѣли мы неповрежденно сохранить ихъ въ себѣ, [8] мы должны обогатить нашъ новый политическій строй. Это не значитъ отказываться отъ прошлаго: напротивъ, это будетъ продолженіемъ, въ новыхъ формахъ, цивилизующей его дѣятельности, чего требуетъ правильно понятая вѣрность преданіямъ, свободная отъ всякихъ увлеченій, и по тому представляющая полнѣйшее ручательство прочности и постоянства. Прискорбнѣе всего видѣть людей упрямо гоняющихся за призраками предметовъ, и въ то же время отвергающихъ ихъ сущность. Какая польза отъ того, что кто либо назовется пылкимъ патріотомъ: я спрошу у него: какова его жизнь?.. Человѣкъ вездѣ и всегда, какъ существо нравственное, мыслящее и дѣйствующее на свой страхъ, составляетъ предметъ первой важности. Быть человѣкомъ—вотъ первая задача каждаго. Древніе говорили, что люди не родятся, но вырабатываются. И они были правы: къ сожалѣнію, можно родиться, жить и умереть, и ни на одну минуту не быть человѣкомъ. Къ какой бы кто народности ни принадлежалъ, будь онъ Французъ, Нѣмецъ, Русскій, или Полякъ, въ одномъ стремленіи онъ сходится со всѣми народностями, а именно въ томъ, чтобы быть человѣкомъ. Лишенные политической самостоятельности, въ этомъ именно стремленіи и можемъ мы найти для себя естественное убѣжище и пріютиться въ немъ на извѣстное время, пока это же время не изгладитъ, не облегчитъ скорби,

[8] Да есть ли онѣ? Требуется доказать.

свойственной всякому переходному состоянію изъ одной политической связи въ другую. Въ этой, такъ сказать, неутральной и столь возвышенной сферѣ исключительныхъ людскихъ цѣлей и трудовъ, мы найдемъ достойное пристанище, пока достаточно охладимся отъ прошлой жизни и сдѣлаемся способными къ новой, во всей ея полнотѣ. Требовать отъ насъ, чтобы мы и въ чувствахъ мгновенно перестали быть тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и сдѣлались тѣмъ, чѣмъ должны быть въ будущемъ, значило бы требовать невозможнаго, т. е., прыжковъ въ природѣ, а не свойственнаго ей медленнаго постепеннаго развитія. И такъ мы видѣли, что переходъ возможенъ и какимъ именно путемъ. Этого для насъ достаточно. Что по природѣ своей представляется для насъ не возможнымъ, то для дѣтей нашихъ сдѣлается возможностью, а для нашихъ внуковъ даже необходимостью. Несомнѣнно, что на извѣстное время мы должны умѣрить въ себѣ то, что вообще, и даже отчасти и мѣстно, называется любовью къ родинѣ. Но умѣрить для того, чтобы облегчить послѣдующимъ поколѣніямъ сблизиться сердцемъ съ тѣми горнилами любви, которыя, при посредствѣ новаго порядка дѣлъ, возгорятся на нашемъ пеплѣ.

На это мнѣ могутъ возразить, что это весьма печальная необходимость.

Печальна ли она, или нѣтъ, какъ быть, если такова необходимость, если, на сколько запомнитъ исторія, такова колея человѣческихъ дѣлъ.

Не мы первые и не мы послѣдніе подчиняемся подобной очереди судьбы. Всѣ народы—одни раньше, другіе позже, испытали, или испытаютъ, подобную судьбу.

Когда для извѣстнаго народа ударитъ часъ неизбѣжной утраты самостоятельности, въ то время ему слѣдуетъ заботиться лишь о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ не пересталъ составлять человѣческое общество, достойное этого наименованія, т. е., общество, способное выставлять истинныхъ людей и вести ихъ къ осуществленію всецѣлаго человѣческаго предназначенія. Какъ только бытъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, то онъ, не смотря на политическую зависимость, составляетъ величайшее благо, о какомъ только можно мечтать народу, обреченному на утрату самостоятельности; благомъ, пренебреженіе которымъ никогда ни остается безнаказаннымъ: ни одинъ народъ не можетъ ставить себѣ болѣе возвыщенную цѣль, чѣмъ совершенствованіе человѣка; ни одинъ даже изъ тѣхъ, которые наслаждаются самою блестящею самостоятельностію. Всѣ формы собирательнаго быта, начиная съ семьи и

оканчивая человѣчествомъ, существуютъ единственно для воспитанія людей и доставленія имъ возможности достигать болѣе высшаго нравственаго совершенства. Безъ семьи, безъ отечества, безъ человѣчества, человѣкъ никогда бы не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь, и чѣмъ еще явится въ будущемъ. И только для этого на свѣтѣ необходимы семья, отечество и человѣчность.

И такъ отечество, лишенное историческаго обаянія, есть, въ сущности, извѣстная форма быта, дающая мнѣ возможность быть истиннымъ человѣкомъ. Милосердное Провидѣніе всегда оставляетъ человѣку, если только онъ самъ пожелаетъ узнать его, отечество труда, отличное отъ отечества сердца, чарующаго преданіями минувшаго, сіяющаго его блескомъ. Съ теченіемъ же вѣковъ то, что для прадѣдовъ было только отечествомъ труда, для правнуковъ содѣлается, своею чередою, отечествомъ сердца... Новая жизнь возникаетъ только изъ гроба, а дѣла премудраго Творца всегда одинаково чудесны.

Къ подобнымъ размышленіямъ слѣдуетъ намъ обращаться въ минуты тяжкаго сомнѣнія и тѣхъ жестокихъ испытаній ума и воли, когда намъ кажется, что всѣ силы насъ оставляютъ и уже нѣтъ передъ нами никакой дороги.

Замѣчательно одно весьма отрадное явленіе: и въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ и въ частныхъ разговорахъ все чаще и чаще начинаютъ проявляться между нами мнѣнія, что слѣдовало бы бросить цѣли, превыщающія наши силы; стараться, вмѣсто этого, ввести въ будущемъ жизнь въ области тѣхъ условій, какія представляетъ намъ исторически выработанное положеніе: не желать свыше того, что заключаетъ въ себѣ настоящее, при чемъ глубоко исчерпывать и обращать въ собственную пользу [9] все то, что оно съ собою приноситъ.

Это значитъ поставить вопросъ на дѣйствительно практическую почву.

Заслуженно, или нѣтъ, но мы пришли теперь къ тому состоянію, въ которомъ находимся. Несправедливость ли сосѣдей, или историческая необходимость, наши ли собственныя ошибки, или же все это, вмѣстѣ взятое, обусловили утрату отдѣльнаго нашего существованія: [10] что же намъ дѣлать съ собою, и при томъ безотлагательно, сегодня, завтра, послѣ завтра, по тому что міръ и время не стоятъ на одномъ

---

[9] **При помощи, на примѣръ, Русо-Полоно-Жидовъ, выдающихъ себя за поборниковъ Русскаго дѣла?**

[10] **Безъ сомнѣнія, послѣднее.**

мѣстѣ ни одной минуты: волею, неволею, и мы должны итти съ ними. Выжидали же мы сто лѣтъ помощи народовъ и политическихъ системъ; чего же дождались?

Жить въ тѣмъ условіяхъ, какія мы находимъ въ современномъ положеніи дѣлъ, и умѣть, при этихъ условіяхъ, занять путемъ мирной, выдержанной и законной [1] дѣятельности возможную полноту и просторъ общественнаго и самоличнаго, матеріяльнаго и нравственнаго быта. Всякое человѣческое существо получило изъ рукъ самаго Творца неоспоримое право стремиться къ этому. Вотъ, по моему мнѣнію, единственный отвѣтъ, какой можно дать на выше означенный вопросъ.

Въ виду поставленной такимъ образомъ цѣли, и отъ избраннаго пути никто уже не въ силахъ будетъ оттолкнуть насъ, по тому что, если мы будемъ слѣдовать имъ безъ уклоненій и колебаній, на нашей сторонѣ будетъ могущественный союзник —самая природа вещей. По этому самое важное для насъ въ настоящее время состоитъ въ ясномъ пониманіи того, гдѣ и каковы условія нашего быта. Перейдемъ же къ разсмотрѣнію ихъ.

Но прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшему изложенію предмета, мы должны выговорить себѣ одинаковую съ прежнимъ свободу слова даже и тогда, когда случится коснуться самыхъ болѣзненныхъ мѣстъ. Тѣхъ особъ, которыя почтутъ своимъ вниманіемъ наше сочиненіе, мы не оскорбимъ предположеніемъ, будто откровенность, съ которою приступили мы къ изслѣдованію истины, можемъ быть, въ какомъ бы то ни было случаѣ, поставлена намъ въ вину. Всѣ мы, безъ сомнѣнія, убѣждены въ томъ, что принести полезные плоды и быть достойнымъ душъ смѣлыхъ, можетъ одно безпристрастное изслѣдованіе правды, направленное къ существу и основѣ предмета.

II.

Было у насъ отечество, заключавшееся въ весьма обширныхъ предѣлахъ. Мы лишились его по недостатку оборонительныхъ силъ въ то время, когда ударилъ часъ рѣшительной борьбы за независимость. Между нами въ ходу избитая формула, будто недостатокъ означенныхъ силъ былъ слѣдствіемъ продолжительной неурядицы. Но эта

---

[1] Legalnéj akcyi. Какъ эта легальность понимается—дѣло хорошо извѣстное.

формула не вполнѣ исчерпываетъ предметъ. Сознаемся лучше, что недостатокъ этотъ происходилъ отъ недостатковъ политическаго строя, не соотвѣтствовавшаго требованіямъ времени. Организмы съ высшимъ развитіемъ всегда возмутъ верхъ надъ организмами менѣе совершенными; это событіе оправданное вѣками, потворяющееся какъ въ сферѣ общественной дѣятельности, такъ и въ физическомъ мірѣ. Органическихъ недостатковъ нельзя долгое время возмѣщать, хотя бы и самою сильною мощію. Что сосѣди воспользовались нашимъ безсиліемъ, это вопросъ другого рода, поясняющій только ходъ совершенія событія, но не существенную его природу. Послѣдняя, повторяю, заключается въ томъ, что когда нагрянула буря, у насъ не стало силъ для перенесенія ея ударовъ; мы обрушились въ пропасть.

Пришли ли къ намъ эти силы съ теченіемъ времени? Это было бы особенное чудо. Не озаботившись провести сильную организацію во время нашей независимости, включенные, съ утратою ея, въ составъ другихъ собирательныхъ тѣлъ, мы тѣмъ самымъ лишились возможности организоваться по своимъ началамъ и согласно съ нашими потребностями. Тѣ изъ современныхъ иностранныхъ государственныхъ людей и публицистовъ, которые не безъ горечи укоряютъ насъ въ недостаткѣ жизненныхъ общественныхъ силъ, на сколько неоспоримо правы относительно дѣйствительной истины, на столько же, съ другой стороны, забываютъ, что если бы ихъ собственное общество очутилось въ положеніи, подобномъ нашему, т. е., лишено было возможности организаціи, то въ скоромъ времени и оно испытало бы такой же недостатокъ силъ: могущественныя общественныя силы вырабатываются и питаются столь же могущественными общественными организаціями. Но самое событіе неоспоримо: намъ недостаетъ силъ точно также, какъ недоставало ихъ и сто лѣтъ назадъ, съ тою лишь огромною и убыточною для насъ разницею, что въ то время мы нуждались только въ оборонительныхъ силахъ, для защиты отечества, теперь же, для возстановленія утеряннаго, намъ понадобились бы и наступательныя. По несчастію, мы никогда не желали представить себѣ вразумительно такое положеніе дѣлъ. Вотъ чѣмъ объясняется вѣра наша въ самоличную мощь, въ самоотверженіе, въ чудесныя послѣдствія любви къ отечеству, а слѣдствіемъ подобной увѣренности былъ рядъ непростительныхъ политичетскихъ ошибокъ. Смѣшивая средства миссіонерства съ средствами политики, мы предполагали, что тѣми же пріемами, какими распространяются религіи, одерживаются и политическія побѣды.

Два движенія, въ большомъ размѣрѣ, 1830 и 1863 годовъ, самымъ очевиднымъ образомъ доказали, что, предоставленныя самимъ себѣ, мы не въ состояніи выдержать борьбы хотя бы даже съ однимъ изъ государствъ, раздѣлившихъ нашъ край. Послѣ 1863 года силы наши еще болѣе уменьшились. Что преобразованія, испрошенныя въ эту пору у Престола трудами одного изъ тѣхъ нашихъ государственныхъ людей, который, какъ оказалось въ послѣдствіи, лучше всѣхъ понималъ тогдашнія потребности края и предѣлъ уступокъ со стороны Россіи; что преобразованія эти, повторяю, не нашли въ нашемъ краѣ не только прочной поддержки, но даже и надлежащей оцѣнки, уже одно это, говоря откровенно, свидѣтельствуетъ о необыкновенной ломкости матеріяловъ, которыми могли мы распоряжаться въ то время для исправленія нашего политическаго зданія. Знаю, что столь тяжеловѣсная ошибка, относительно поведенія нашего къ означеннымъ преобразованіямъ, составляетъ въ настоящее время одно изъ чувствительнѣйшихъ мѣстъ нашего самолюбія; что мы желаемъ, какимъ бы то ни было образомъ, увѣрить самихъ себя въ нашей неповинности; что передъ своею же совѣстью мы рады бы прикрыться чужою виною... [12] Несомнѣнно, что провинились и другіе, и даже немало, но и мы не оказались ли легковѣрными, позволяя чужимъ провести себя? Будемъ же на столько рѣшительны, чтобы высказать себѣ сущую правду; это будетъ похвально и въ нравственномъ отношеніи. Въ достопамятномъ 1862 году мы не стояли на высотѣ мысли, руководившей тогдашними соображеніями, съ которыми навсегда будутъ связаны въ исторіи имена Императора Александра II, Великаго Князя Константина, Маркграфа Велёпольскаго, и тѣхъ достойнѣшихъ Русскихъ государственныхъ людей, которые, пользуясь довѣріемъ Монарха и народа, охотно оказали намъ горячее сочувствіе при осуществленіи порядка вещей, могшаго, какъ тогда надѣялись, примирить два разрозненные братскіе народы.

Къ величайшему и неописанному несчастію, благороднѣйшія намѣренія пали, а съ ними исчезла и послѣдняя для насъ надежда хотя полусамостоятельнаго народнаго быта, Неполнота означенной самобытности вознаградилась бы съ другой стороны тѣмъ, что съ сего времени намъ предстояло бы раздѣлить долю, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, не съ чуждымъ, а родственнымъ намъ, по крови и языку, народомъ.

---

[12] Такъ въ подлинникѣ.

Съ тѣхъ поръ, если, съ одной стороны, то есть, со стороны политической зрѣлости, мы сдѣлали коекакіе успѣхи, что, съ точки зрѣнія пройденныхъ нами тяжкихъ испытаній, весьма правдоподобно, за то, повторяю, съ другой стороны, мы потеряли весьма много изъ той крохи матеріяльной силы, которою располагали до 1863 года.

Въ численномъ и економическомъ отношеніи упали мы такъ низко, что не могли, какъ собирательный дѣятель, выполнить ни одной матеріяльной задачи, слѣдовательно, застращать кого либо собою, какъ этого и теперь еще нѣкоторые требуютъ, а, по недостатку такта, лишены и малѣйшей возможности [13] привлечь кого либо на свою сторону. Економическій упадокъ самъ бросается въ глаза; о численномъ же сокращеніи нашихъ силъ мы не всегда хорошо помнимъ. Крестьянинъ, по свойству своей природы, всегда и вездѣ видитъ свое отечество не далѣе родной избы. Въ 1859 г., когда чужеземныя арміи сражались съ Австрійцами на поляхъ Ломбардіи за Итальянскую независимость, Ломбардскій крестьянинъ велъ себя весьма страдательно, по тому что у него не было повода роптать на Австрійское правительство, или ожидать ухужденія своей доли подъ властью новаго правительства. [14] Вотъ чего, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, повторяю благопріятнѣйшихъ, мы могли бы ожидать отъ нашихъ крестьянъ, въ случаѣ новаго столкновенія матеріяльныхъ силъ, вызваннаго какимъ бы то ни было образомъ, или пришедшихъ извнѣ, съ цѣлію придать нашему политическому зданію новую форму. Крестьяне Царства Польскаго получили изъ рукъ настоящаго правительства столько, что никакое другое не могло бы дать имъ больше. Разумѣется, что я оставляю въ сторонѣ соціяльныя теоріи, въ той увѣренности, что, говоря вообще, никому изъ насъ не придетъ въ голову стать въ ряды современной космополитической революціи. Впрочемъ, крестьянинъ обыкновенно обладаетъ такимъ запасомъ врожденнаго здраваго разсудка, и такими инстинктами поземельной собственности, что слѣдуетъ сомнѣваться, чтобы приманки даже соціяльныхъ теорій могли когда либо составить для него столько же прелести и обаянія, сколько для

---

[13] А застращиванье, значитъ, имѣло силу въ 1862 году?

[14] Это несправедливо. Мы сами видѣли въ Одессѣ Итальянскихъ матросовъ, бросившихъ корабли и спѣшившихъ пополнить собою ряды Сардинской арміи. «Прежде мы сражались за чужое дѣло, говорили они намъ, а теперь будемъ сражаться за свои души.» Иное дѣло крестьянинъ Польскій, непримиримый врагъ шляхты. Съ чего бы онъ сталъ ратовать за своихъ всегдашнихъ утѣснителей?

городской голи. Я знаю, между нами начинаетъ входить въ моду разсужденіе (къ сожалѣнію, и разсужденія имѣютъ свои моды), будто крестьяне, именно по тому, что получили все, чего только могли желать, въ случаѣ нужды станутъ на нашу сторону, и это по тому, что ихъ соединяетъ съ нами единство вѣры, преданія и языка. Призракъ, чистѣйшій призракъ! Въ преданіяхъ, выражаясь мягко, есть много горькаго; вѣра въ простомъ народѣ, какъ политическое орудіе, иногда направляется болѣе ловкою рукою, часто весьма непредвидимымъ образомъ. Остается единство языка, т. е., почти ничего. За чѣмъ мы такъ легко забываемъ Галицкія происшествія 1846 года на клочкѣ земли, упитанной въ то время нашею кровью? Вѣра и языкъ соединяли простой народъ съ высшимъ сословіемъ, а что случилось? Они были жертвою обмана, могутъ сказать мнѣ. Нѣтъ! Скажемъ болѣе опредѣленно: ими отлично воспользовались негоднымъ образомъ, съ адскою ловкостью, но ловко. Во время послѣдней войны Франціи съ Нѣмцами, мы не видѣли, чтобы общность языка съ сими послѣдними въ состояніи была вырвать оружіе изъ рукъ Эльзасцевъ, не смотря на то, что Нѣмцы приходили далеко не съ тѣмъ обаяніемъ силы, съ какимъ бы мы могли явиться къ нашимъ крестьянамъ. Откуда же мы почерпаемъ убѣжденія наши въ чародѣйственной силѣ общности языковъ?

Итакъ, отчисливъ крестьянъ, въ странѣ, существующей только земледѣліемъ и не съумѣвшей, или не могшей, во время свого существованія, образовать среднее сословіе, что же останется для составленія, въ случаѣ нужды, матеріяльной защиты дѣла той, или другой, народной идеи? Горсть обѣднѣвшей шляхты и мѣщанъ: по истинѣ ужасающее множество!

Да соблаговолитъ читатель замѣтить, что мы исчисляемъ здѣсь однѣ матеріяльныя наши силы. Что же касается силъ высшаго разряда, силъ нравственныхъ, или умственныхъ, не спорю, онѣ у насъ найдутся, даже въ томъ же соотношеніи къ массѣ, какъ и у другихъ народовъ. Не спорю, что и эти силы нѣчто значатъ, что ихъ тоже нужно принимать въ разсчетъ; будемъ же считать тѣ и другія, но не станемъ ихъ смѣшивать: иначе счетъ ни къ чему не пригодится. Величайшій геній требуетъ матеріяльной силы для того, чтобы онъ могъ воплотиться и проявиться въ дѣйствіи. Если бы мы были самымъ геніяльнымъ народомъ, безъ сильнаго матерьяльнаго основанія, самобытно мы ничего не значили бы ни на свѣтѣ, ни для свѣта. Прошу замѣтить: я не говорю, чтобы мы безусловно

ничего не значили, но самобытно мы не были бы въ состояніи совершить ни одного историческаго дѣянія, тогда какъ въ соединеніи съ другимъ народомъ, изоболующимъ источниками неисчерпаемой матеріяльной силы, а по племенному родству представляющимъ намъ болѣе доступное и желательное ручательство единенія, мы могли бы выражаясь по просту, дѣлать чудеса.

Вотъ по чему я рѣшился обратить вниманіе читателя на то, что, приступая къ расчисленіямъ (а постоянно разсчитывать долженъ каждый, кто желаетъ съ увѣренностію дѣйствовать на этомъ свѣтѣ, сотворенномъ тоже по разсчету и мѣрѣ), мы всегда должны держать передъ собою открытыми два отдѣла, одинъ для силъ матеріяльныхъ, другой для силъ высшаго порядка. Для успѣшнаго и важнаго предпріятія небходимо, чтобы одинъ отдѣлъ находился въ равновѣсіи съ другимъ. Худо, и весьма худо, если на сторонѣ высшихъ силъ оказывается минусъ; невыразимо худо, если на сторонѣ матеріяльныхъ силъ приходится въ итогѣ ставить нуль.

Мы видимъ (по тому что не видѣть не можемъ), какъ мы слабосильны матеріяльно въ отношеніи даже однаго Русскаго народа. Между тѣмъ для возрожденія Польши въ томъ видѣ, какою мы ее потеряли, слѣдовало бы вести три войны, навязать нашу волю тремъ первостепеннымъ государствамъ, и въ послѣдствіи быть въ состояніи удерживать въ постоянномъ страхѣ трехъ могущественныхъ и крайне приниженныхъ нами сосѣдей для того, чтобы насъ опять не разобрали. Это было бы самымъ колоссальнымъ подвигомъ, о какомъ когда либо повѣствовала бы исторія человѣческаго рода; мы помрачили бы, смѣло можно было бы сказать, славу Александровъ и Цезарей, по тому что у нихъ было, на что опереться, а мы доказали бы міру, что для насъ не нужно и точки опоры.

Къ нашему несчастью, по мнѣнію, державшемуся между многими изъ насъ, въ особенности между молодыми людьми, Франція должна была въ неопредѣленное время совершить за насъ и для насъ это, превышающее человѣческія силы, назначеніе.

Франція провозглашала себя непобѣдимымъ народомъ; намъ же нравилось повѣрить ей на слово, не смотря на то, что достаточно было заглянуть въ любой историческій учебникъ, чтобы припомнить себѣ, какъ ея войска были поражаемы въ разныя времена разными народами; достаточно было привести на память рѣки собственной нашей крови, пролитой рядомъ съ ея орлами, когда они, въ 1812 г., вынуждены были бѣжать опрометью съ полей Россіи.

Вѣра во Францію основывалась, однако жь, и на другихъ, глубокихъ и лестныхъ для насъ, причинахъ, а не на одномъ легкомысліи, въ которомъ укоряютъ насъ, съ полною свободою ума, иностранные писатели, и въ которомъ сознаются и нѣкоторые изъ нашихъ писателей съ не менѣе удивительнымъ смиреніемъ и соболѣзнованіемъ къ къ намъ. Эти Французскіе орлы, хотя въ сущности были только хищными и кровожадными птицами, по тому что одно холодное себялюбіе вождя гнало ихъ передъ собою на поля, покрытыя людскими костями, но вылетали они изъ того гнѣзда, въ которомъ, на глазахъ всего міра, бились пламенныя сердца за идеи, за возвышеннѣйшія идеи человѣческаго достоинства, за общественное и духовное совершенствованіе; въ которомъ, если въ теченіе совершившихся происшествій правосудіе и попиралось, но не было, однако жь, никогда произнесено кощунственное слово, будто правосудіе—бездѣлица; въ которомъ, напротивъ, самая блестящая изъ магистратуръ новаго свѣта краснорѣчиво поучала народъ и все человѣчество воздавать уваженіе правосудію, уваженіе, столь возвышающее человѣка и столь для него благодѣтельное!

Слѣдовательно, нечего стыдиться нашихъ сочувствій къ одному изъ благороднѣйшихъ и, можетъ быть, и несчастнѣйшихъ народовъ, равно какъ и того, что мы въ немъ, а не въ другомъ, видѣли всѣ наши самыя завѣтныя надежды. [14] Не хорошо, что мы сочувствіямъ нашимъ придали характеръ обожанія, по тому что только Богъ непоборимъ. Не хорошо, что мы, кромѣ себя и Бога, разсчитывали еще на другихъ. Безмѣрное и принадлежащее къ числу рѣдкихъ историческихъ примѣровъ пораженіе Франціи, должно было охладить и тѣхъ изъ насъ, которые упорно питали въ своихъ умахъ надежду о могущемъ когда либо, и всегда въ самомъ непродолжительномъ времени, воспослѣдовать вмѣшательствѣ этого государства въ нашу пользу. [15] Всѣ убѣдились уже въ томъ, что Франція, въ продолже-

---

[14] **Вельможи и шляхта пристали къ Наполеоновской Франціи не за ея цивилизаціонныя идеи, а по исторически сложившемуся между этою кастою убѣжденію въ собственномъ безсиліи и въ вытекавшей изъ него необходимости искать пособника, стать за чужія плечи. Эта позорная интеллигенція не изъ за высокой ли цивилизаціи приставала къ Турціи, къ Угріи? Всюду она искала плечъ, и всѣхъ губила своими сочувствіями: такъ она погубила и Наполеона I, и унизила теперешнюю Францію. Быть можетъ, она ее и погубитъ окончательно.**

[15] **Охладѣли къ Наполеону, и стали отзываться о немъ съ площадною бранью послѣ 1863 года. Не ужь то это Г-ну Кржнвицкому не извѣстно?**

ніи многихъ лѣтъ, не въ состояніи будетъ выработать для себя какую либо первостепенную самостоятельную роль Европейской политики. Если уже Франція, на верху могущества, не могла ничего сдѣлать для насъ, то какимъ же образомъ она на низшей ступени своей доли можетъ съ успѣхомъ заняться нами?

Итакъ, мы совершенно одиноки между тремя могущественными государствами, подчинившими насъ своему скипетру; безъ матеріяльной опоры въ основаніи, на которую мы могли бы ежечасно разсчитывать, безъ сильнаго городскаго сословія, безъ денегъ, безъ представителей народной мысли, и, слѣдовательно, безъ благонадежнаго руля и въ тѣхъ горнихъ сферахъ идеи, откуда неоднократно нисходили животворящія силы на упадающіе народы.

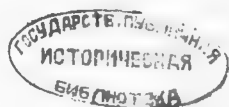
Въ такомъ-то положеніи начинаемъ мы второй вѣкъ нашей загробной жизни!

Повторяю: безъ руководителей народной мысли, окруженныхъ всеобщимъ неоспоримымъ вліяніемъ; по тому что нѣтъ у насъ недостатка въ людяхъ науки и въ литературныхъ талантахъ, между которыми найдется почтенное число такихъ, которые справедливо могутъ считаться украшеніемъ нашего общества, трудамъ которыхъ слѣдуетъ воздать тѣмъ большую благодарность, что ихъ призваніе, среди столь разбитаго общества, более чѣмъ гдѣ либо окружено терніемъ. Но эти самые люди, столь славные умомъ и сердечными качествами, будучи, такъ сказать, прицѣплены къ собирательному тѣлу, лишенному всякой организаціи, могутъ ли дѣйствовать на него органически? По этому-то они витаютъ надъ нимъ, подобно блестящимъ метеорамъ отлично освѣщаютъ, украшаютъ и совершенствуютъ самолично, но не въ состояніи вести къ великимъ общественнымъ цѣлямъ.

Стало быть, остается во всей силѣ то, что мы выше сказали о нашей совершенной безпомощности.

Объ этомъ лишеніи мы можемъ смѣло и громко говорить между собою, по тому что не знаемъ его только мы сами. Чужіе знаютъ это въ совершенствѣ, и въ этомъ отношеніи ничего новаго изъ нашей исповѣди не узнаютъ, развѣ только то, что мы начинаемъ понимать себя, серьезно считаться съ собою и старательно взвѣшивать вещи; а это не только не унизитъ насъ въ ихъ глазахъ, но, можетъ быть, не одного изъ нихъ заставитъ и призадуматься.

Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что сознаніе полной безпомощ-

511009.

ности, въ виду великой опасности, пробуждаетъ въ угрожаемомъ не извѣстную до того времени мощь, и тѣмъ самымъ становится началомъ благопріятнаго поворота въ его положеніи. По этому и мы въ настоящее время могли бы съ нѣкоторымъ правомъ ожидать для себя чего либо подобнаго; но именно въ то время, когда, съ дымомъ несчастныхъ Французскихъ пожарищъ, улетали послѣднія наши надежды на ожидаемую оттуда помощь, особенно по какой-то завистливой къ намъ судьбѣ, возникли между нами и книгою предназначеній нашихъ новые, равнымъ образомъ фантастическіе и небезопасные, призраки о спасеніи при помощи Австріи и, воздержите смѣхъ, о боги Валгалы, даже самой Нѣмецкой Имперіи!

III.

Мы пришли, въ нашемъ выводѣ, къ тому мѣсту, откуда расходятся многочисленыя дороги. Нужно избрать одну изъ нихъ, и избрать такъ, чтобы въ послѣдствіи не жалѣть; по тому что въ исторіи возвратиться къ невнимательно отброшенной исходной точкѣ столь же не возможно, какъ въ жизни человѣческой не возможно возвратиться къ прожитымъ годамъ.

Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ мы должны раздѣлиться на группы и временно разлучиться другъ съ другомъ точно также, какъ раздѣлила и разлучила насъ судьба, подчинивъ разнымъ скипетрамъ. Отнесемся съ должнымъ вниманіемъ и къ государственному закону, и къ законамъ мысли: первый изъ нихъ требуетъ отъ насъ уваженія къ установленымъ властямъ; вторые, чтобы мы, говоря о чемъ либо, отдавали себѣ ясный отчетъ, о чемъ и о комъ именно говоримъ.

Итакъ заявляю, все послѣдующее будетъ относиться только къ Полякамъ, которыхъ Провидѣнію угодно было соединить съ Русскимъ народомъ. Поляки, обитаюшіе въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и Королевствѣ Галиціи, не могутъ руководствоваться моимъ мнѣніемъ. я самъ не рѣшился бы давать имъ какіе либо совѣты. Ихъ положеніе совершенно другое. [16] Однихъ необходимость заставляетъ основывать свои надежды на Австріи, другихъ— искать средствъ возможно полезнаго установленія отношеній къ Прусскому правительству. Нѣтъ ничего естественнѣе этого, но

---

[16] Дѣйствительно, другое. Нѣмцы знаютъ, что дѣлать съ Поляками, и твердо идутъ къ цѣли. Тутъ никакія внушенія не помогутъ. У другихъ не то.

для всякаго въ свойственной ему одному сферѣ. Намъ, жителямъ Конгресоваго Королевства и Русской Имперіи, назначена судьбою другая исходная точка. Мы должны держаться на этой почвѣ, если не желаемъ вдругъ очутиться въ самомъ ложномъ положеніи. Если воля Провидѣнія такова, что пути наши когда либо сольются въ одинъ, то, по всей вѣроятности, это осуществится въ то время, когда мы, Поляки, соединенные съ Русскимъ народомъ, не смотря на наше миролюбіе и уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ, вызванные сосѣдями на борьбу, должны будемъ перевести на Славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы современныхъ Нѣмецкихъ государственныхъ людей, афоризмы, по которымъ недавно рѣшена была участь Эльзаса и Лотарингіи.

Однако же, я уклонился отъ предмета; да, все это—предположенія отдаленной будущности, о которой я никогда не позволилъ бы себѣ говорить здѣсь, если бы могъ найти лучшій способъ точнаго выраженія моей мысли по отношенію къ настоящему. Но, позаимствовавшись на минуту свѣтомъ, ударяющимъ изъ означеннаго положенія, я полагаю, что этимъ самымъ сразу успѣлъ указать читателю со всею силою и то, о чемъ я говорилъ въ настоящемъ сочиненіи, и первый общій очеркъ того, о чемъ еще буду говорить. Подобнымъ образомъ мы лучше поймемъ другъ друга. Одобрятъ ли меня, или осудятъ, объ этомъ я не забочусь, такъ какъ я занятъ только тѣмъ, чтобы меня поняли.

Обратимся къ настоящему.

Въ царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ Губерніяхъ Русской Имперіи мы считаемъ себя въ своей [17] сферѣ. Въ этой сферѣ намъ слѣдуетъ призадуматься надъ путями, которые открываются передъ нами, и избрать между ними тотъ, который признаемъ мы болѣе соотвѣтствующимъ, чтобы не идти въ послѣдствіи ощупью, и въ этомъ шествіи не уклоняться поминутно то вправо, то влѣво.

Здѣсь мы прежде всего должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ послѣднее время, по мѣрѣ убѣжденія, съ каждымъ днемъ возрастающаго, въ невозможности возвратиться когда либо къ самобытности, брошенная Наполеономъ III мысль о большихъ соединеніяхъ (агломерціяхъ) народовъ, какъ болѣе правдоподобнаго положенія будущаго строя Европы, начинаетъ и въ нашемъ обще-

---

[17] Конечно, рѣчь идетъ о послѣднихъ годахъ.

ствѣ находить многочисленныхъ поклонниковъ. До настоящаго времени это явленіе не представляетъ еще ничего неестественнаго. Однако же найдутся и уклоненія (аномаліи). Вмѣсто того, чтобы вникнуть, къ какому именно соединенію сама природа указываетъ намъ стремиться, нѣкоторые желали бы оставить свою мысль, такъ сказать, качающеюся между Россіею, Нѣмецкою Имперіей и Австріей, какъ представительницею охранительнаго соединенія ипотечной агломераціи Южнославянскихъ народовъ. Это должно, будто бы, выражать самую тонкую политику выжиданія; говоря же откровенно, это есть выраженіе невыразимой слабости воли, не предвѣщающей ничего хорошаго для подчинившихся ей. Было бы самымъ большимъ несчастіемъ, если бы подобное безсиліе воли овладѣло большинствомъ народа. Плаваніе между двумя струями рѣдко когда приносило кому пользу: а что же сказатъ о плаваніи между тремя?

Рядомъ съ этою системой выжиданія, и отчасти изъ собственныхъ ея зародышей, началъ по немногу развиваться планъ соглашенія съ Россіею, при помощи разныхъ угрозъ. Весь этотъ планъ можно выразить слѣдующею формулой: «Не дадите намъ самоуправленія, пристанемъ къ Австріи, или къ Нѣмцамъ, хотя бы пришлось намъ сдѣлаться Мадьярами, или онѣмечиться.» Это, будто бы, должно называть политикой выгодъ, замѣняющей прежнюю сантиментальную политику. [18]

---

[18] «Мы не сомнѣваемся, сказано въ извѣстномъ, недавно оглашенномъ, сочиненіи, въ томъ, что Русское просвѣщенное сословіе найдетъ въ себѣ достаточно, силы и рѣшимости, чтобы поднять починъ соединенія съ Польшею. Безъ проведенія этого соединенія Поляки, руководясь уже собственной пользой, какъ одинъ человѣкъ (!!!) станутъ на сторонѣ Нѣмцевъ противъ Россіи (!!!). На насъ лежитъ обязанность, развивая эту мысль, выказать... по чему пользы Поляковъ велятъ имъ бороться за Нѣмцевъ (!!!) и драться противъ Русскихъ, въ случаѣ, если бы соединеніе Польши съ Россіей не осуществилось и не предупредило Нѣмецко-Русской войны. Ибо Поляки, умудренные опытомъ, рѣшились (!!!) бросить сантиментальную политику и въ будущемъ поддерживать единственно свои выгоды; по чему, при каждомъ удобномъ случаѣ, они станутъ не на сторонѣ болѣе сочувственной для нихъ, но на той, которая выкажетъ имъ большую готовность (дѣло только въ готовности?) обезпечить самоуправленіе и Польскую народность (самоуправленіе и народность, какъ въ В. К. Познанскомъ?). Ибо, не воспользовавшись первою войной между Россіею и Нѣмцами, въ ожиданіи чего либо лучшаго, мы доказали бы нашу неосмотрительность (?) и недостатокъ политическаго такта(?). По этому Поляки рѣшились (!!!) стать на сторонѣ того государства, которое въ обезпеченіи народнаго самоуправленія ихъ края опередитъ другія госу-

Разумѣется, что извѣстнаго рода выгоды и тутъ затронуты, и, слѣдовательно, въ извѣстномъ отношеніи позволительно и это назвать политикой интересовъ. Но что за жалкая политика не менѣе жалкихъ интересовъ!

Жалкая политика: тѣ, съ которыми мы желали бы поторговаться, хорошо знаютъ, чего стоятъ наши угрозы и, въ концѣ концовъ, дадутъ только то, что захотятъ, и столько, сколько захотятъ дать.

Жалкіе интересы: если мы сами о себѣ проповѣдуемъ, будто готовы бросить ихъ, какъ только торгъ не состоится, и перейти хоть бы на сторону Нѣмцевъ. [19]

Понимаю и я политику выгодъ, и никакой иной не понимаю, но выгодъ великихъ, истинныхъ, которыхъ не позволяется бросить, выгодъ, которымъ не измѣняютъ, а скорѣе служатъ съ самоотверженіемъ; выгодъ, плоды которыхъ созрѣваютъ въ буду-

---

дарства (что-то въ родѣ аукціона!!!). Въ этомъ отношеніи Польша похожа на дѣвицу (!!!), впервые вступающую въ свѣтъ и готовую (!!!) довѣриться и привязаться (!!!) къ тому, кто первый (!!!) заговоритъ къ ея сердцѣ и успѣетъ увѣрить ее въ заботливости объ житейскомъ пути. Итакъ, мы можемъ сказать въ интересахъ Славянства: «Не дай Богъ, чтобы Россія обратилась къ Полякамъ тогда, когда они будутъ уже на другой сторонѣ (слѣдовательно, противъ Славянства?). Въ настоящее время Польша находится въ состояніи выжиданія, и въ этомъ станетъ ожидать будущаго хода событій и столкновеній между Россіею и Нѣмцами (!!!).»

[19] «Другое предположеніе (по словамъ того же сочиненія) относится снова къ тому соображенію, при посредствѣ котораго Нѣмцы, отобравъ у Россіи Польшу, отдали бы ее Габсбургскому Дому. Тогда образовалось бы Польско-Чешско-Угорское Королевство. Существуетъ, впрочемъ, между Нѣмцами мнѣніе, желающее, чтобы Габсбургскій Домъ возвратилъ Нѣмецкой народности перевѣсъ и управленіе монархіей, и чтобы народность эта, почерпая силу и рѣшимость изъ Берлина, сдѣлалась «передовою страною для Нѣмецкаго племени, съ цѣлію заселенния ею Славянскихъ земель.» Осуществленіе такого соображенія воспрепятствовало бы образованію помянутаго Польско-Чешско-Угорскаго государства, и самостоятельность Галиціи и Польскихъ земель, которыя были бы къ ней присоединены, не переступили бы уже границъ внутренняго управленія края (!!!). Но и въ такомъ случаѣ Поляки пріобрѣли бы уваженіе народности (какъ же это?) и, въ случаѣ отдачи Польскихъ земель подъ заселенія Нѣмецкаго племени, вѣры, языка, обычаевъ... Но и въ то время перемѣну въ настоящемъ государственномъ складѣ Австріи можно бы сформулировать такимъ образомъ, что, «вмѣсто равноуправленія всѣхъ народностей, одна изъ нихъ, Нѣмецкая, нашла бы

щихъ поколѣніяхъ; которыя становятся основою великихъ событій въ исторіи человѣчества, порукою нравственнаго преуспѣянія для возможно большаго числа человѣческихъ существъ, но вовсе не выгодъ такого рода, отъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно и отречься,

Что же сказать о томъ, если выгоды большаго значенія приносятся въ жертву выгодамъ меньшаго значенія, и при томъ только для того, что плоды первыхъ ожидаютъ нашихъ дѣтей, или внуковъ, а польза вторыхъ, хоть и мелкая, недалека и ощутительна? Дѣйствительно, и та, столь извѣсная въ исторіи Израильтянъ, продажа первенства за тарелку похлебки, тоже не была дѣломъ сентиментальной политики; однако же, намъ говорили въ дѣтствѣ, и здравый разсудокъ то подтверждаетъ, что поступившій такимъ образомъ совершилъ сдѣлку, вовсе недостойную подражанія.

Теорія большихъ соединеній, высказанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Императоромъ Наполеономъ III, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ мѣткое опредѣленіе человѣческихъ страстей, обнаруживающихся, съ возрастающею быстротою, въ настоящую пору. Но соединенія могутъ быть различныя: одни съ великою будущностью, другіе съ уродливою. Слѣдовательно, не все равно, къ которой изъ нихъ присоединиться, и, дѣлая между ними выборъ, слѣдуетъ обращать вниманіе не на какія ни будь ничтожныя уступки, представляющіяся съ перваго раза.

Или мы признаемъ себя принадлежащими къ Славянской отрасли, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мы должны ясно и утвердительно сказать себѣ, что, при невозможности для насъ отдѣльнаго народнаго существованія, все, что намъ остается, все, что можемъ мы сдѣлать, не разрывая узъ съ прошедшимъ и не отрекаясь отъ предковъ и

государственную поддержку достаточною (!!!) для заселительской цѣли» (!!!) для отрасли столь трудолюбивой, какова Нѣмецкая (!!!).

«Менѣе всего было бы желательно для Поляковъ соображеніе, въ которомъ Нѣмецкій народъ, не послѣдовавъ ни одному изъ овначенныхъ предположеній, рѣшился бы довольствоваться «новымъ разграниченіемъ съ Россіею.» Въ этомъ предположеніи Поляки сдѣлались бы «подданными Нѣмецкаго Императора», и не могли бы ожидать правъ лучше тѣхъ, которыя предоставлены В. К. Познанскому. «Однако же, и это соображеніе мы сочли бы теперь счастливымъ для себя событіемъ (!!!). Такъ тяжела жизнь Поляка подъ Русскимъ правленіемъ.»

крови нашей, состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ возможно скорому осуществленію обширнаго Славянскаго отечества, и не только обширнаго, но сильнаго, надѣленнаго высокимъ совершенствомъ организаціи, и по тому способнаго развернуть огромное могущество въ войнѣ и мирѣ, дающаго всевозможныя ручательства для постепенно возрастающаго успѣха въ просвѣщеніи, нравственности, правосудіи; отечества, которое было бы обширнымъ полемъ для всякаго рода труда, истинной святыней почитанія Бога въ дѣлахъ человѣка. Во второмъ случаѣ, т. е., если мы не чувстуемъ въ себѣ никакого родства со Славянствомъ, не будемъ, по крайней вѣрѣ, говорить о немъ, перестанемъ декламировать, будто не одна Россія помнитъ о немъ, приготовимся окончательно къ борьбѣ на жизнь и смерть съ природою вещей, къ борьбѣ, въ которой и самъ не желалъ бы участвовать, и другихъ не сталъ бы уговаривать къ ней. [20]

На нашихъ глазахъ совершилось объединеніе Нѣмцевъ. Между южною и сѣверною частями ихъ находятся извѣстныя противоположности въ вѣрѣ, нравахъ и даже въ языкѣ. Швабскаго нарѣчія, употребительнаго на югѣ, никто изъ насъ,да же говорящихъ отлично по Нѣмецки, не пойметъ, не изучивъ его особенно. Не будемъ говорить, будто нарѣчіе это грубо, необработанно, безграмотно. Во времена Гогенштауфеновъ оно могло бы сдѣлаться языкомъ Нѣмецкаго образованія; нарѣчіе это обладаетъ почтеннымъ числомъ эпическихъ и лирическихъ поэтовъ: на немъ написаны Нибелунги; въ немъ остались памятники, и въ наше время доставлющіе любителямъ Нѣмецкой литературы высшее наслажденіе. Но въ XVI вѣкѣ оно должно было уступить мѣсто Саксонскому нарѣчію, по той причинѣ, что на немъ говорила та часть Нѣмцевъ, въ которой начали вырабатываться истинныя идеи новаго строя всего Германизма и восходить первыя сѣмена новой гражданственности этой отрасли человѣчества. Что же бы мы сказали, если бы южные Нѣмцы, воспользовавшись запутанностію обстоятельствъ въ 1870 г. между Сѣвернымъ Союзомъ и Франціею, и видя невозможность отдѣльнаго существованія, пришли къ такому соображенію, что въ

---

[20] «Пусть также Русское образованное сословіе пойметъ, что не одна Россія сознаетъ обязанности свои къ Славянамъ; что и Польскій народъ, принадлежащій тоже къ Славянской отрасли, хотя и скованъ рабскими оковами, не потерялъ, однако же, полнаго сознанія своихъ обязанностей, и знаетъ, чего вправѣ ожидать отъ него другія славянскія народности» (Упомянутое выше сочиненіе «Do «Intellig. Ross.,» въ заключеніи).

виду противорѣній, раздѣляющихъ ихъ съ сѣверною вѣтвью, для нихъ будетъ гораздо полезнѣе подумать о соединеніи съ Франціею, къ которой могло тогда привлекать ихъ и единство вѣры, и чрезвычайное богатство хорошо воздѣланныхъ земель, и военное могущество, на ряду съ признанною всѣми блестящею гражданственностью? Какъ посторонніе свидѣтели и, слѣдовательно, способные къ безпристрастному суду, мы сказали бы, что они затѣваютъ уродливое дѣло, которое не возможно ни исполнить ни прочно повести впередъ, по тому что оно идетъ въ разрѣзъ съ послѣдовательностію племенной исторіи, по тому что оно противуестественно. Къ этому мы бы присовокупили, что не они поворотятъ колесо историческаго шествія, но сами будутъ имъ раздавлены и по ихъ хребту пройдутъ неотвратимыя судьбы племенной вѣтви и человѣчества, для дальнѣйшаго развитія котораго необходима могущественный строй Германизма.

То же самое, слово въ слово, сказалъ бы и о насъ безпристрастный посторонній судья, о насъ, Полякахъ, соединенныхъ съ Русскимъ народомъ узами общественнаго права, гораздо сильнѣйшими, чѣмъ тѣ, которые выработаны договорами взаимной обороны, съ 1870 года, соединающими Южныхъ Нѣмцевъ съ Сѣвернымъ Союзомъ, если бы мы принимая во вниманіе единственно противоположности въ вѣрѣ, преданіяхъ и языкѣ, которыя, безъ сомнѣнія, отличаютъ насъ отъ нашего Сѣвера, сказали себѣ, что намъ лучше быть съ Австріей, къ которой влечетъ насъ тождество вѣры и постоянно открытый рынокъ для торговъ по части «Аусглейховъ», или, наконецъ, хотя бы въ формѣ самой покорной ленной зависимоси съ Нѣмецкою Имперіею, столь богатой въ економическомъ отношеніи, столь прекрасно управляемой и столь могущественно представляемой извнѣ. Если бы мы, въ свою защиту, стали доказывать нашему судьѣ, что разсуждать такимъ образомъ заставляетъ насъ политика выгодъ, повѣрьте, онъ внутренне разсмѣялся бы, если бы даже самъ былъ Нѣмецъ. По этому я крѣпко убѣжденъ, что если бы настоящія мои слова были переведены на Нѣмецкій языкъ и прочитаны Нѣмецкими государственными людьми, то они, безъ сомнѣнія, сказали бы промежъ себя: «Этотъ человѣкъ правъ!» но пусть бы и Поляки сказали, что: «Онъ говоритъ неправду,» не мѣшало бы коечто шепнуть имъ объ этомъ, но, говоря между нами, этотъ человѣкъ правъ.

Во времена Герцогства Варшавскаго нельзя было у насъ называть Императора Наполеона иначе, какъ Наполеонъ Великій; во времена Второй Имперіи неприлично было написать политическую кни

жонку, не ударивъ челомъ, по крайней мѣрѣ, три раза, въ началѣ, серединѣ и концѣ, передъ геніемъ могучаго повелителя и политическаго знатока, правящаго изъ Тюльери судьбами всего міра. Въ настоящее же время вошло въ моду, послѣ каждыхъ десяти словъ о политикѣ, упомянуть, по крайней мѣрѣ, разъ о государственномъ мужѣ, могущественно правящемъ дѣлами Нѣмцевъ. Многимъ кажется, будто достаточно только произнести эту освященную формулу, чтобы и самому тотчасъ же сдѣлаться государственнымъ мужемъ, показать свѣту, что онъ тоже принадлежитъ къ числу людей, глубокомысленно разсуждающихъ объ интересахъ Европейскихъ государствъ и, въ случаѣ надобности (по чему жь бы и не такъ?), прибрать въ могучія руки кормило этихъ же интересовъ. Пусть же подобные дипломаты позволятъ замѣтитъ имъ, что для служенія политикѣ интересовъ недостаточно одной готовности поступить на службу къ кому бы то ни было, съ единственнымъ условіемъ не служить даромъ. Если безпрекословно слѣдуетъ воздавать честь человѣку, правящему въ настоящее время дѣлами Нѣмцевъ, то безмѣрно большая честь Нѣмецкому народу, такъ трезво и основательно понимающему племенной интересъ, народу, способному, для высшихъ цѣлей, отказаться отъ вѣковыхъ привычекъ къ извѣстнымъ особямъ политическаго быта, съ которыми онъ былъ такъ слитъ всѣмъ своимъ существомъ, что до послѣдняго времени всѣ сомнѣвались, чтобы когда либо могъ онъ стать выше ихъ уровня. И прежде у Нѣмцевъ были весьма знаменитые государственные люди. Не смотря на то, дѣло объединенія не клеилось до тѣхъ поръ, пока не созрѣлъ самъ народъ, пока отдѣльныя племена, его составляющія, не прониклись до глубины убѣжденіемъ, что одному изъ своей среды они должны предоставить первенство, собраться около него, для освобожденія отъ извѣстнаго рода подчиненности, въ которой издревле удерживали ихъ лучше устроившіеся сосѣдные сосѣди, парализируя тѣмъ самыя жизненныя силы всей племенной отрасли.

Въ силу этого я рѣшился подать пишущимъ у насъ политическія статьи мысль говорить намъ какъ можно больше не о государственныхъ людяхъ, но о томъ разумномъ Нѣмецкомъ народѣ, который въ настоящее время сталъ такъ высоко, благодаря лишь собственному постоянному труду надъ самимъ собою. Кто научилъ бы насъ подражать этому народу, тому, полагаю, стоило бы воздвигнуть памятникъ изъ бронзы и мрамора. Найдутся и въ Славянствѣ знаменитые государственные люди: слѣдуетъ только подготовить для нихъ хорошую почву, такую, на которой они могли бы стать незы-

блемо. Это зависитъ отъ насъ и составляетъ нашу обязанность; остальное предоставимъ Провидѣнію, на которое можемъ смѣло положиться.

Какъ бы предупреждая послѣдовательное развитіе настоящаго сочиненія, я вынужденъ былъ здѣсь же высказать нѣкоторыя мысли, которыя умѣстнѣе было бы развить въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Но мнѣ казалось, что, не отодвинувъ теперь же до извѣстной степени завѣсу отъ образа, въ какомъ представляется моей мысли наша будущность, я не могъ бы изобразить всѣхъ уродливостей тѣхъ Прусскихъ, Австрійскихъ соображеній, которыми иногда такъ легковѣрно забавляются между нами нѣкоторые составители проектовъ, и которые, если бы, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ пришлись по вкусу нашему народу, то по истинѣ принесли бы ему кровавые плоды. Когда же, наконецъ, захотимъ мы понять, что бывшія до сихъ поръ распри наши съ Русскимъ народомъ приносятъ пользу только кому либо третьему, именно тому государству, для котораго мы должны бы менѣе всего трудиться, но тому что оно было, и въ истину и нынѣ остается, естественнымъ нашимъ врагомъ. Оно задумало раздѣлъ Польши, и заработало на немъ больше всѣхъ. Для него составляетъ интересъ первой важности какъ можно болѣе [21] поддерживать то раздражительное состояніе между Польскимъ и Русскимъ народомъ, при помощи котораго оно старается обезсиливать слишкомъ грознаго для себя сосѣда. А мы такъ простодушно идемъ въ ловушку! Признаюсь, я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что извѣстныя иноземныя руки, привыкшія дѣйствовать съ неизъяснимою ловкостію, способствовали и въ 1862—63 годахъ уничтоженію, въ самомъ зародышѣ, нашего соглашенія съ Россіею, въ то время столь возможнаго и самой Россіей столь желаннаго. Умѣли они, для своего интереса, своевременно воспользоваться завзятостію нашею противъ всякаго соглашенія съ Россіею точно также, какъ, назадъ тому сто лѣтъ, поживились нашею страстною привязанностью къ внутренней безурядицѣ нашей. Разумѣется, доказательствъ у меня на это нѣтъ; подобную работу нельзя поймать съ поличнымъ; тысячи завѣсъ скрываютъ ее отъ глазъ, не посвященныхъ въ тайны; но за меня говорятъ исторія, логика и опытъ ежедневной жизни. Остережемся же, чтобы тѣ же руки, тѣми же средствами и благодаря тѣмъ же недостаткамъ нашимъ, не провели снова насъ.

---

[21] Мысль эта принадлежитъ А. П. Ермолову. См. его «Записки о войнѣ 1812 года,» помѣщенныя въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1864—1866, и особо.

При этомъ прошу принять во вниманіе, что, при изложеніи настоящаго сочиненія, не руководитъ мною какая либо ненависть, или нерасположеніе, къ Нѣмецкому народу. Я далекъ отъ того, чтобы умалять огромныя достоинства этого племени, равно какъ и необъятныя услуги, оказанныя имъ человѣчеству. Напротивъ, я исполненъ уваженія къ трудамъ этого благороднаго племени на поприщѣ науки, поэзіи и искуства, къ общественнымъ учрежденіямъ, которыя онъ умѣлъ развить у себя, къ возвышеннымъ понятіямъ о государствѣ, обществѣ, семьѣ и отдѣльной человѣческой личности, которыя онъ умѣлъ создать себѣ; къ тому трудолюбію, семейной жизни и глубинѣ религіозности, которыми онъ такъ достойно отличается среди всѣхъ другихъ племенъ. При томъ я соединенъ съ избранными членами этого народа и личными чувствами дружбы, знакомства, общности воззрѣній и привычекъ въ извѣстныхъ сферахъ умственной жизни. Мнѣ дороги также и воспоминанія лѣтъ, прожитыхъ въ средѣ этого, столь высоко образованнаго Нѣмецкаго общества.

Но все это само по себѣ, а Славянскій вопросъ, т. е., вопросъ о жизни, не для меня лично, по тому что много ли мгновеній отдѣляетъ меня отъ гроба! но для моего сына, но для нашихъ сыновей, для свободно развивающейся жизни, а не для самаго худшаго изъ всѣхъ родовъ подданства,—закрѣпощенія племенымъ подданствомъ. Это такой вопросъ, ради котораго, въ случаѣ необходимости, слѣдуетъ пролить послѣднюю каплю крови. И въ этомъ положеніи я не увлекаюсь мечтаніемъ, или навѣтами родовой ненависти, но высказываю убѣжденіе, основанное на причинахъ, которыя будутъ выяснены въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Убѣжденіе это пріобрѣтено мною послѣ многолѣтнихъ размышленій надъ судьбою нашего народа, въ особенности въ то время, когда я съ удивленіемъ присматривался въ близи къ Нѣмецкому народу.

Пусть читатель войдетъ въ химическую лабораторію, и велитъ подать себѣ два тѣла, не имѣющія между собою никакого сродства; пусть вложитъ ихъ въ реторту, поставитъ на самый сильный огонь, пропитываетъ сильнѣйшими кислотами,—ничего изъ этого не выйдетъ. Нужно будетъ все выбросить за окно, или же одно изъ тѣлъ уничтожить окончательно, чтобы и слѣда его не осталось въ ретортѣ, въ добавокъ, вытереть ее.

Въ началѣ настоящаго отдѣла было сказано, что мы дожили до того мѣста, отъ котораго расходятся разныя дороги: одну изъ нихъ нужно избрать рѣшительно.

Въ главныхъ чертахъ мы уже видѣли, какія именно это дороги. Онѣ ведутъ:

Одна къ Нѣмцамъ.
Другая въ Австрію.
Третья въ Россію.

Разберемъ теперь подробно каждую изъ нихъ.

IV.

Достаточно присмотрѣться на картѣ къ границѣ между владѣніями Нѣмецкой Имперіи и землями, подвластными Русскому скипетру, чтобы убѣдиться, что на этихъ равнинахъ будутъ еще рѣшаться великія судьбы. Столкновеніе интересовъ и, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, вспышка самыхъ народныхъ инстинктовъ, могутъ сдѣлаться знакомъ пожара, размѣровъ котораго, хода и окончательныхъ послѣдствій заблаговременно исчислить не возможно. Счастье можетъ послужить Прусскимъ орламъ и въ этой четвертой войнѣ; но мы можемъ дождаться и втораго изданія битвы подъ Гринвальдомъ. Судьба войны перемѣнчива. Однако же, нѣтъ недостатка и въ такихъ головахъ, которыя готовы впадать въ идолопоклонство: какъ прежде Французы, такъ теперь Пруссаки, для нихъ непобѣдимы. Отсюда выводится заключеніе, что будь только война, Пруссаки побѣдятъ Россію; а такъ какъ на свѣтѣ даромъ не дерутся, то непремѣнно коечто урвутъ и у Россіи, а это коечто и будетъ Польша, быть можетъ, только до Вислы, а то и до Нѣмана. «Можетъ ли это огорчать васъ?» шепчутъ намъ въ уши какіе-то, наполняющіе воздухъ, голоса?» Можетъ ли это огорчать насъ? Ни сколько! отвѣчаемъ мы на этотъ вопросъ. «Если не можемъ сдѣлаться Поляками, будемъ Нѣмцами. За то у насъ будутъ: Европейская образованность, хорошія училища, безопасность личная и имущественная, а Россія получитъ возмездіе за наше угнетеніе.»

Все это умствованіе проникаетъ меня глубочайшею горестью, по тому что это отчаяніе въ формѣ силлогизма.

Во первыхъ, можетъ пройти много лѣтъ, пока дойдетъ до предполагаемаго столкновенія. Это значитъ откладывать окончательное устройство своей судьбы на неопредѣленное время.

Во вторыхъ, когда приблизится столкновеніе, итогъ его можетъ выпасть въ пользу Россіи, а не Пруссіи. Подобнымъ же образомъ случилось и въ 1812 году, хотя Наполеонъ I и не принадле-

жалъ, кажется, къ дюжиннымъ полководцамъ. Это значитъ искать себѣ спасенія въ своего рода лотереѣ.

Въ третьихъ, если бы даже Прусаки одержали верхъ, то они ни въ какомъ случаѣ не могли бы отнять у Россіи всей бывшей Польши. Мы опять были бы раздѣлены: одни подчинены Прусскому владычеству, а другіе остались бы при Россіи. Между тѣмъ, будучи на сторонѣ Россіи, мы могли бы надѣяться, и далеко не безплодно, возсоединить со временемъ, хотя, быть можетъ, и въ отдаленной только будущности, и остальныя части нашего отечества, перешедшія въ чужія, не Славянскія, руки, и такимъ образомъ снова соединить нашъ трудъ и долю, къ чему стремиться предписано намъ нашими преданіями и интересомъ всего Славянскаго племени.

Въ четвертыхъ, въ какой бы мѣрѣ Россія ни потерпѣла пораженіе, достовѣрно то, что стойкій и готовый на великія жертвы Русскій народъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы отрѣшить себя отъ Славянскаго предназначенія (миссіи). При всякой случайности онъ возвращался бы къ борьбѣ, для возвращенія оторванныхъ у него областей. И такъ нашъ край сдѣлался бы театромъ постоянныхъ военныхъ столкновеній, землею, въ которой, даже въ промежуткахъ мира, стратегическіе вопросы долгое время первенствовали бы надъ всякими другими интересами, а во время открытой борьбы кровь нашихъ дѣтей всегда бы лилась обильнѣе, и наши имущества дѣлались бы первою жертвой. Каковы виды!

До сихъ поръ мы смотрѣли на вещи съ той стороны, съ какой онѣ могутъ быть поставлены стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ безъ всякаго участія съ нашей стороны. Но при этомъ, по крайней мѣрѣ, не могло быть рѣчи о нравственной отвѣтственности нашей объ угрызеніяхъ собственной совѣсти и строгомъ судѣ грядущихъ поколѣній.

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Предположимъ, что мы сами облегчили бы Прусакамъ покореніе извѣстной части нашего края въ надеждѣ получить за это ручательство высшаго образованія и лучшаго економическаго быта. Предположивъ это, зададимъ себѣ вопросъ: «Что же, по всей вѣроятности, послѣдовало бы послѣ, и что мы заработали бы на нашемъ предпріятіи?»

Не подлежитъ сомнѣнію, что Прусское правительство, располагая необъятными образовательными средствами, а въ настоящее время столь же огромными и денежыми, немедленно озаботилось бы о

водвореніи въ отнятыхъ отъ Россіи областяхъ наилучшаго порядка въ управленіи и судѣ, снабженіи училищъ отличными наставниками, о сообщеніи земледѣлію и промышленности великаго движенія. Въ слѣдствіе этого все, что въ нашемъ краѣ составляетъ движеніе, трудъ, економическую и умственную жизнь, было бы окружено какъ нѣкоею новою атмосферою. Все это справедливо. Но такое возрожденіе вытекало ли бы изъ насъ самихъ органическимъ путемъ, какимъ только и совершается истинное общественное возрожденіе? Ни сколько! Собственно говоря, насъ ожидало бы не возрожденіе, но залитіе сверху и при посредствѣ всѣхъ внутреннихъ поръ, куда только можно проникнуть, элементомъ выше насъ образованнымъ, который столь же намъ несвойственъ и столь же не нуждается въ насъ, какъ и тѣ тѣла, не имѣющія между собою никакого химическаго сродства, о которыхъ говорили въ предыдущемъ отдѣлѣ. Мы тотчасъ же увидѣли бы тьму чуждыхъ людей въ управленіи, судѣ и общественномъ воспитаніи дѣтей, дѣйствительно почтенныхъ, обладающихъ высокимъ общечеловѣческимъ и профессіяльнымъ образованіемъ, но чуждыхъ, совершенно чуждыхъ, намъ по языку, обычаямъ, привычкамъ и по преданіямъ прошлаго и по видамъ въ будущемъ, приходящихъ къ намъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ о своемъ племенномъ превосходствѣ и возникшею въ послѣднее время теоріею, будто мы не въ силахъ съ ними сравняться, какъ низшая порода, менѣе способная къ гражданственности, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и совсѣмъ къ ней неспособная. Сначала намъ дѣйствительно было бы хорошо жить подъ властью столь разумныхъ и усердныхъ вожаковъ, но, если можно употребить такое сравненіе, мы были бы стадомъ подъ хорошими загонщиками. На долго ли мы въ состояніи довольствоваться подобнымъ положеніемъ дѣлъ?

Правда, промышленность въ краѣ развилась бы. Но сдѣлался ли бы отъ этого нашъ ремесленникъ болѣе искуснымъ въ своемъ промыслѣ, обстоятельнѣе въ жизни, болѣе проникнутъ высшими понятіями о предназначеніи и обязанностяхъ труженика? У него, доведеннаго въ короткое время до послѣдней нищеты превосходствомъ соперничества чужеземнаго промышленника, недостало бы и времени, необходимаго для преобразованія своихъ нравовъ. Мы безотлагательно увидѣли бы наши города, наполненные проходимцами разныхъ професcій, снабженныхъ всевозможными средствами производства, какъ въ отношеніи капитала, такъ и въ смыслѣ знанія и опытности. Эти гости показались бы намъ сперва очень милыми и полезными. Но, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, они стали бы между нами устрои-

вать отдѣльные кружки и общества, и мы не успѣли бы оглянуться, какъ эти люди заняли бы, въ отношеніи нашей общественности, положеніе явнаго контраста, какъ элементъ, имѣющій исключительное право на будущность.

Что касается земледѣлія, разумѣется, нельзя утверждать, будто насъ, туземцевъ, можно тотчасъ поставить на одну черту съ краснокожими Американцами. Но достовѣрно и то, что, по прошествіи извѣстнаго времени, мы съ удивленіемъ замѣтили бы, что ряды наши что-то сильно начали рѣдѣть, и при томъ такъ, что мы долгое время и не замѣчали, какъ насъ по немногу убывало бы. Удивленіе наше было бы тѣмъ болѣзненнѣе, что мы не могли бы сказать, будто отъ того потерпѣла вообще обработанность нашего края; напротивъ, мы должны были бы сознаться, что въ то же самое время земледѣліе начало процвѣтать и очевидно вступило въ область рѣшительнаго развитія.

Край нашъ еще весьма мало населенъ. На протяженіи 2215 кв. миль, составляющемъ поземельную область Королевства, въ непродолжительномъ времени могло бы поселиться, сравнительно съ нынѣшнимъ, въ два раза большее число жителей. Въ пограничной нынѣ Силезіи считалось въ 1867 году на 731 кв. милю 3,586,000 жителей; слѣдовательно, въ такой же пропорціи въ нашемъ Королевствѣ могло бы ихъ быть 10,866,000, тогда какъ въ 1866 году у насъ не было ихъ болѣе 5,319,000. До какого числа можетъ достигать населеніе при хорошихъ условіяхъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, осуществленіе которыхъ не превышаетъ способностей Нѣмецкаго племени, доказываетъ намъ, не слишкомъ отдаленное отъ насъ, Королевство Саксонское, въ которомъ на 272 кв. миль насчитываютъ 2,423,000 жителей, по 8,910 на 1 кв. милю. Достаточно сказать, что одна теперешняя Варшавская Губернія занимаетъ пространство, равное пространству всего Саксонскаго Королевства, тогда какъ все населеніе ея составляетъ не болѣе 816,000 человѣкъ, включая сюда и Варшаву съ 180,000 жителей. [22] Разсчитывая по Саксонской мѣркѣ, у насъ могло бы быть до 20 милліоновъ населенія!

Мы видимъ, какъ много у насъ мѣста для тѣхъ, кто пожелалъ бы прійти къ намъ и поселиться между нами. Не понимаю, отъ чего бы Пруссіи, по достиженіи округленія своихъ границъ на востокѣ,

---

[22] G. Kolb Handbuch der vergleichenden Statistik. 4 Auflage. Leipzig, 1871.

чего она издавна желала въ тихомолку, не употребитъ всѣхъ тѣхъ средствъ заселенія, какими она располагаетъ въ настоящее время, стоя во главѣ всѣхъ Нѣмцевъ. Не забудемъ, сколько въ настоящее время выѣзжаетъ ежегодно Нѣмецкихъ выселенцевъ въ Америку. Въ одной Нью-Іоркской пристани высадилось ихъ: въ 1866 году 106,000; въ 1867 году 117, 591; въ 1868, 101,989; въ 1869 101,571. И съ какими трудностями и опасностями сопряжено столь отдаленное путешествіе! На 500 отплывающихъ обыкновенно одинъ умираетъ въ пути. А скольких еще это, столь трудное и опасное, плаваніе воздерживаетъ отъ переселенія! Принявъ въ соображеніе означенныя числа, можно, полагаю, опасаться, чтобы области, отдѣленныя отъ Россіи, доставшись однажды въ Прусскія руки, не сдѣлались поприщемъ быстраго и чрезмѣрно мощнаго заселенія для чуждаго, но сильнаго, элемента, съ цѣлію обезпечить въ нихъ на всегда Нѣмецкое владычество, которое немедленно же было бы провозглашено стратегическою линіей, столько же важной для Имперіи на востокѣ, какъ Эльзасъ и Лотарингія на западѣ. Настоящее положеніе дѣлъ въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ можетъ дать только слабое понятіе о томъ, что насъ могло бы ожидать въ будущемъ. Можно скорѣе сказать, что оно не дастъ намъ никакого понятія, по той причинѣ, что правительство, столь разумное и осторожное, каково Прусское, навѣрное еще не разоблачило въ Познанской области тѣхъ батарей онѣмеченія, которыя оно держитъ въ запасѣ про тотъ случай, когда силою, или ловкимъ поворотомъ, оно подведетъ насъ подъ ихъ вѣрный огонь.

Мы видимъ, къ какому знаменателю приводится то, столь справедливо желательное для насъ, Европейское образованіе, которое Прусаки непремѣнно принесли бы къ намъ, только, къ несчастію, не для насъ. Мы видѣли бы его вокругъ себя; на каждомъ шагу у насъ была бы возможность ощутительно оцѣнять его достоинства и пользу; но, какъ племя, мы были бы только зрителями его, а не участниками. Прошу обратить вниманіе: я говорю, что въ этомъ положеніи мы были бы какъ племя: безъ сомнѣнія, извѣстному числу самоличностей, отдѣльно взятыхъ, могло бы быть въ этомъ новомъ порядкѣ вещей очень хорошо, даже какъ нельзя лучше; но изъятія не опредѣляютъ истиннаго характера событій. Какъ племя, повторяю, и какъ племя Польское, мы удостовѣрились бы въ самомъ непродолжительномъ времени, что, какъ прежде не было уже для насъ мѣста въ, такъ называемомъ, Европейскомъ концертѣ, такъ и впредь не будетъ его

и въ человѣчествѣ. Самое лучшее въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Американскихъ краснокожихъ, и—вымереть какъ можно скорѣе.

Быть можетъ, кто либо укоритъ меня въ томъ, что я преувеличиваю. Въ такомъ случаѣ я предложу ему проѣхаться по нѣкоторымъ, прежде бывшимъ, Славянскимъ землямъ, населеннымъ теперь Нѣмецкимъ племенемъ и напоминающимъ одними названіями нѣсколькихъ мѣстностей прежнюю свою къ намъ принадлежность. Пусть взглянетъ онъ хотя бы на Вендовъ, господствовавшихъ когда-то надъ Лабою, а теперь, въ прежнихъ своихъ Драждянахъ, нынѣшнемъ Дрезденѣ, пользующихся всего четырьмя проповѣдями въ годъ на своемъ языкѣ.[23]

Не огорченіе подсказываетъ мнѣ настоящія мысли. Я далекъ отъ того, чтобы упрекать Нѣмцевъ за окончательное подавленіе народности у означенныхъ Славянъ; далекъ также и отъ того, чтобы читать имъ наставленіе за готовность ихъ при случаѣ сдѣлать и съ нами то же самое. Процессъ этотъ такъ естественъ въ исторіи человѣчества, какъ въ физическомъ мірѣ любой процессъ химическаго разложенія. Болѣе сильное племя приходитъ къ племени менѣе сильному: съ этой самой минуты начинается между обоими борьба за существованіе, борьба глухая, невидимая, возникающая весьма естественно, безъ вызова, безъ хвастовства, и, что всего замѣчательнѣе, безъ жесткости въ сердцахъ, хотя иногда и это случается. Она бываетъ болѣе, или менѣе, продолжительна и завершается, какъ всякая борьба за существованіе, возникающая въ различныя геологическія эпохи между разными существами и новыми условіями жизни на землѣ: поборются нѣсколько съ ними, и наконецъ навсегда распрощаются съ землею. Впрочемъ, неблагоразумно и роптать на то, что составляетъ естественный процессъ. На столько, однако же, неблагоразумно

---

[23] **Быть можетъ, не всякому читателю извѣстно, какимъ Польскимъ языкомъ въ Восточной Пруссіи обращаются теперь къ народу газеты, назначенныя для сего употребленія. Вотъ нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ «P r u s k i e g o P r z y j a c i e l a L u d u,» издающагося еженедѣльно въ Кенигсбергѣ.** «Na żąlanie ministra wojskowego, od ministra od handlu w Berlinie wydano, że gdy teraz rekruci do wojska osadzącego Francyi mają być prowadzeni, tedy nie mają używać wozów, któremi zwyczajnie wożeni będą; ale wszystkie wozy mają być jak one wozy, któremi podróżnych na trzeciéj klassie wożeni bywają. Zostało to dla zimna urządzone; be one wozy dla wojska są nie jak wozy, któremi się dóbr wozi, tylko że w nich ławki są.“ (Królewiec, Piątek, 12 Januara, 1872 roku, No 2. Przyjaciel Ludu wychodzi w Piątek, połarkusza tęgi (**этѣмъ хотѣлъ сказать:** «ein starker halbe Bogen»). **Газета печатается Готическими буквами.**

и подготовлять добровольно почву для такихъ событій, въ слѣдствіе которыхъ означенный естественный процессъ неминуемо долженъ начаться. Усматривая изъ исторіи, что Нѣмцы, гдѣ бы они ни были между Славянами, истребляли послѣднихъ въ конецъ, я не могу такъ далеко простирать предразсудковъ собственной родовой привязанности, чтобы не признать, что Нѣмецкое племя въ борьбѣ за существованіе несомнѣнно превышаетъ насъ. По этой причинѣ я не перестаю уважать это племя, не перестаю цѣнить его услугъ по отношенію къ человѣчеству, но говорю самому себѣ, что намъ, Славянамъ, было бы чистымъ съумасшествіемъ и непростительною дерзостію стремиться подъ его владычество, а не пролить скорѣе послѣднюю каплю крови, для спасенія отъ него, пока еще возможно, послѣдующихъ поколѣній. Мы можемъ быть болѣе слабымъ племенемъ; предположимъ, что мы именно таковы; но слабѣе ли мы, или равны, мы всегда въ правѣ оборонять нашъ бытъ и, на сколько можемъ, оборонять его должны.

Правда, что совершающееся въ химическомъ процессѣ мгновенно, въ процессѣ историческомъ осуществляется цѣлыми вѣками. Однако же, считаю излишнимъ доказывать, чтобы это могло поколебать значеніе выше приведенныхъ основаній, и что предоставить себя процессу неизбѣжнаго уничтоженія, хотя бы оно могло воспослѣдовать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ той надеждѣ, что наши преемники какъ ни будь выпутаются изъ этой опасности, было бы дѣйствіемъ столь же безразсуднымъ, какъ и умышленное вложеніе руки въ зубчатое колесо дѣйствующей машины, въ той надеждѣ, что какою ни есть случайностію удастся вынуть ее невредимою. Когда съумасбродный разсчетъ не осуществится, на кого же тогда пенять: на машину, или на себя?

Предвижу еще одно возраженіе. «Напрасно, могутъ мнѣ сказать, напрасно сочинитель доказываетъ намъ необходимость потери народности подъ главенствомъ Нѣмецкаго племени. Мы знаемъ это; но, выбирая между потерею народности въ Русскомъ направленіи и въ направленіи Нѣмецкомъ, мы выбираемъ обдуманно послѣднюю. Мы примемъ Нѣмецкую образованность какъ превосходящую всѣ другія въ настоящее время, и будемъ ею довольны.»

Если бы меня спросили, что я отвѣчу на это, я началъ бы отрицаніемъ того, чтобы на одни вѣсы можно было класть потерю народности въ Нѣмецкомъ направленіи съ утратою ея въ направленіи Русскомъ. Первое изъ нихъ составляетъ дѣйствительную опасность, угрожающую каждому Славянину, при извѣстномъ стеченіи изложен-

ныхъ выше обстоятельствъ. Второе есть не иное что, какъ то, что въ логикѣ называется сущностью мнимою (être de raison). Этому безсодержательному предположенію разума ни что не соотвѣтствуетъ въ природѣ, по тому что Русская и Польская народности суть двѣ отрасли одного Славянскаго племени; слѣдовательно, между ними находится столько сродства, столько общихъ соковъ; что онѣ ежеминутно могутъ одна съ другою соединяться, не насилуя своей природы. Примѣры этому мы видимъ на каждомъ шагу, или на Русскихъ, проживших между нами извѣстное время, или на Полякахъ, брошенныхъ судьбой въ сплошное Русское населеніе. Въ насильственномъ принужденіи одной изъ этихъ народностей къ принятію извѣстныхъ особенностей другой нѣтъ ничего общаго съ процессомъ естественныхъ, не вынужденныхъ, совокупленій между ними. На сколько принудительныя средства возбуждаютъ на этомъ поприщѣ отвращеніе и раздраженіе, на столько же, въ согласіи съ законами природы, дѣло осуществляется кротко и незамѣтно. Въ собственной нашей исторіи есть подобный примѣръ. Когда Литва соединилась съ Польшею, въ первой изъ нихъ былъ въ общемъ употребленіи Русинскій [24] языкъ, составляющій, какъ извѣстно, среднюю отрасль между Русскимъ и Польскимъ. Минуло нѣсколько вѣковъ, и вся Литва говорила уже по Польски. [25] Можно ли назвать это утратою народности Литвы? Если бы Литва соединилась въ то время не съ Польшею, а съ Москвою, то, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, точно также и Литва говорила бы по Русски; или же высшее Русское общество по Русински, смотря по тому, на которой сторонѣ изъ этихъ двухъ обществъ былъ бы перевѣсъ. Положа руку на сердце, скажемъ: можно ли назвать это утратою народности Литвы, или Россіи, въ томъ, однако же, предположеніи, что процессъ совершился бы тоже естественно, непринужденно, по собственному влеченію, [26] какъ между Литвою и Польшею? Но предположимъ, что Литвою овладѣли бы Крестоносцы, какъ это

---

[24] Отъ чего же не Польско-Русскій, какъ выражается о Бѣлорусскомъ нарѣчіи Литовская шляхта? Но и это невѣрно, по тому что языкъ этотъ—языкъ книжно-Русскій того времени и той среды, въ который со временемъ стали примѣшивать изъ Польскаго тѣ изъ писателей, кто желалъ блеснуть знаніемъ послѣдняго, или же ополячивавшіеся по немногу.

[25] Примѣръ выбранъ очень дурно: приличнѣе было сослаться на Эльзасъ, а не на Литву, ополяченье которой совершилось рядомъ неслыханныхъ обмановъ и насилій.

[26] Извѣстно, каково это естественное влеченіе Литвы къ Польшѣ.

могло быть въ XIII, или XIV, вѣкахъ. Въ такомъ случаѣ высшее Литовское общество приняло бы Нѣмецкую образованность, а низшія сословія низошли бы на степень какихъ ни будь Кашубовъ и были отрѣзаны отъ высшихъ общественныхъ слоевъ и, слѣдовательно, отдѣлены непроходимою пропастью и отъ всего міра. Пусть читатель сообразитъ, былъ ли бы подобный оборотъ дѣлъ полезенъ для Литвы? [27]

Нѣтъ ничего хуже, когда высшее сословіе дѣлается представителемъ образованности, не имѣющей ничего общаго съ образованностью низшихъ сословій. Тогда является у общественнаго тѣла недостатокъ тысячи проводниковъ, при посредствѣ которыхъ живительные соки могли бы проникать изъ однихъ слоевъ въ другіе, приносящіе сверху постоянно большій лоскъ низшимъ, и въ то же время доставляя снизу неистощимый запасъ естественной свѣжести и здоровья высшимъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ въ Литвѣ и на Руси высшее сословіе говорило по Польски, а низшее по Русински. Ни одинъ добросовѣстный судья не скажетъ, что такое положеніе [28] дѣлъ было неправильно и вредно образованію. Посмотримъ же на Балтійскія Губерніи. Тамъ мы видимъ земледѣльческое населеніе, состоящее на половину изъ Эстовъ, а на половину изъ Латышей; сверху дворянство и мѣщане, какъ представители исключительно Нѣмецкой образованности; въ срединѣ же пропасть и, къ несчастію, пропасть постоянно расширяющаяся. Раздраженіе, споры, постоянное опасеніе: вотъ внутреннее состояніе этого общества! Какая же отъ этого польза образованію и человѣчеству? И что выгадало это несчастное сельское населеніе отъ порабощенія его племенемъ, пришедшимъ въ страну съ несомнѣнно высшимъ образованіемъ, и сперва заведшимъ въ ней безспорно лучшее устройство, а въ настоящее время оставшимся тѣмъ же, чѣмъ оно было во время завоеванія, т. е., высшимъ и чуждымъ? Какая же польза отъ того, что Нѣмецкая образованность заключаетъ въ себѣ неисчерпаемыя сокровища для образованія человѣческихъ обществъ и отдѣльно каждаго человѣка, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, когда нѣтъ тѣхъ путей и каналовъ, при посредствѣ которыхъ она могла бы проникать въ нижніе слои?

---

[27] Подъ Литвою тутъ, выше и ниже, слѣдуетъ вездѣ разумѣть не собственную Литву, а Великое Княжество Русско-Литовское.

[28] Положеніе было и неправильное и вредное, по тому что Русскіе, Бѣлоруссы и Литвины, были обращены Поляками въ хозяйственныя орудія, подобно тому, какъ Нѣмцы обратили въ такихъ же безсловесныхъ животныхъ обитателей Балтійскаго побережья.

Собственно у Нѣмцевъ самое существованіе племеннаго общенія низшихъ сословій съ высшими, при распространенной нынѣ грамотности, даетъ во всякое время крестьянину доступъ къ богатствамъ отечественной литературы и, такъ сказать, удерживаетъ его въ настоящемъ единеніи съ народнымъ духомъ. Но что было бы съ несчастнымъ Польскимъ, народомъ, и вообще со Славянскимъ простолюдиномъ, если бы на него нагрянулъ сверху совершенно чуждый ему элементъ? Мнѣ кажется, изъ того, что большая, или меньшая, частичка насъ, принадлежащихъ къ образованному разряду, легко могла бы (да и легко ли еще?) соединиться съ Нѣмецкимъ племенемъ, какъ представителемъ образованности, которой мы такъ жаждемъ, что изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы образованность вообще выиграла, и чтобы мы своимъ переходомъ къ онѣмеченію оказали ей большую услугу. Напротивъ, пріобрѣтая личную умственную и економическую пользу измѣной интересу сословій низшихъ, естественными защитниками котораго Провидѣніе насъ поставило, мы оказали бы весьма горькую услугу постепенному облагороженію массъ, дѣлу, во стократъ болѣе важному въ економіи развитія человѣчества, чѣмъ всякое личное исключительное совершенствованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, образованность принадлежитъ къ высшимъ цѣлямъ, составляющимъ предметъ любви и служенія человѣка. Но именно по тому, что, будучи истиннымъ благомъ, слѣдовательно, тѣмъ, чего предвѣчная Благость никого не лишаетъ, она не можетъ, не должна, быть добываема съ очевидною обидою человѣчества вообще; а будучи пріобрѣтена лично, цѣною отступничества отъ дѣла массъ, она перестаетъ быть даже нравственною заслугою.

Въ началѣ настоящаго отдѣла мы указали, какимъ образомъ и изъ какихъ причинъ возникли въ нашемъ обществѣ извѣстныя Прусскія вліянія. Пусть же нынѣ каждый, имъ сочувствующій, самъ цѣнитъ ихъ по достоинству!

V.

Переходя, по очереди, къ разбору предположенія или, правильнѣе говоря, нѣсколькихъ предположеній, построенныхъ на основаніи присоединенія нашего, со временемъ, къ политическому хаосу, волнующемуся пока надъ Лейтой, я долженъ предупредить, что мы вступаемъ въ тѣ сферы, на порогѣ которыхъ невольно сталкиваешься съ вопросомъ: «Есть ли это произведеніе холоднаго разсудка, или одной фантазіи?» Ежеминутно будемъ мы испытывать здѣсь непріятное ощущеніе

ускользающей изъ подъ ногъ земли, хожденія какъ бы по облакамъ, носящимся въ неясныхъ направленіяхъ и принимающихъ постоянно новыя формы.

То, что манитъ насъ въ ту сторону, представляется нашему воображенію то подобіемъ какой-то миніатюрной Польши съ Габсбургами на престолѣ, то зарею политическихъ созданій совершенно новаго рода, т. е., соединенія народовъ, на первое время тройственнаго, Польско-Чешско-Угорскаго союза, то, наконецъ, какъ тѣло соединившихся Славянскихъ народовъ, но съ Нѣмецкою душою, изъ Вѣны дающею повелѣнія разноязычной периферіи. Твореніе это должно получить предназначеніе, не составляющее ни для кого тайны, даже для самихъ Славянъ, движенія Нѣмецкаго племени на Востокъ. [29]

Уже одна послѣдняя перспектива, одна тѣнь подобія, что, въ данномъ случаѣ, можетъ осуществиться такое предположеніе, въ которомъ насъ ожидала бы простая роль кондотьеровъ въ службѣ чуждаго племени, должна быть достаточною для того, чтобы мы съ отвращеніемъ отвернули глаза отъ проектовъ, могущихъ такимъ образомъ затормозить наше будущее. Такъ, безъ сомнѣнія, и случилось бы, если бы насъ, такъ сказать, не околдовали двѣ весьма знаменательныя идеи, ради которыхъ мы легко забываемъ о прочемъ. Идеи эти уваженіе къ вѣрѣ и уваженіе къ народности. Мы говоримъ себѣ: «Россія не уважаетъ у насъ ни той, на другой, а можно надѣяться, что и та и другая будутъ уважаемы со стороны Австріи; приступимъ же,—какъ быть!—приступимъ съ горя, хотя бы и къ такому Австро-Славянскому наслоенію (агломераціи), въ которомъ Славянство останется при Австро-Нѣмецкомъ корнѣ.» Въ какой степени подобное умствованіе можетъ выдержать критику, мы это сейчасъ же увидимъ.

Что касается самобытной Польши, но въ миніатюрѣ, то мы должны отдать себѣ справедливость, что вообще призрачныя мечты этого соображенія не слишкомъ отуманиваютъ наши головы. Напротивъ, кажется, всѣ мы болѣе, или менѣе, не безъ извѣстнаго тревожнаго чувства, думаемъ о политической и економической будущности, которая ожидала бы это микроскопическое произведеніе. Что мы всегда были бы на чужой милости; что мы ежеминутно, противъ нашего желанія, могли быть втянуты въ интересы могущественныхъ

---

[29] См. выше на 21-й страницѣ во 2-мъ (19-мъ) примѣчаніи.

сосѣдей, въ слѣдствіе чего снова поплатиться нашимъ политическимъ бытомъ; что, при отсутствіи какого либо значенія извнѣ, у насъ были бы даже во внутренней политикѣ нашей постоянно связаны руки тѣми отношеніями, какія мы обязаны были бы сохранять съ нашими сосѣдями, въ особенности тѣми, у которыхъ остались частицы нашего прежняго отечества; что намъ ежечасно приходилось бы испытывать униженіе; что мы не всегда, быть можетъ, умѣли бы снести его согласно съ мирнымъ, обязательнымъ для насъ, положеніемъ, а, слѣдовательно, могли бы повергнуть нашъ край превышающимъ наши силы бурямъ, во всемъ этомъ у насъ убѣждено большинство. Если бы кто до настоящаго времени и глядѣлъ еще въ этомъ отношеніи на дѣла и не такъ мрачно, тотъ, прочитавъ недавно обнародованныя записки Нѣмцевича относящіяся къ временамъ Герцогства Варшавскаго, конечно, мысленно сказалъ себѣ: «Вотъ та доля, которая болѣе, или менѣе, ожидала бы и нынѣ миніатюрную самобытную Польшу!» У нея, поставленной между тремя такими военными силами, каковы: Россія, Австрія и Сѣверная Германія, какъ нѣкогда Герцогство Варшавское, непремѣнно былъ бы покровитель, отъ котораго она не могла бы избавиться, если бы даже и пожелала; судьба его, въ особенности судьба злосчастная, отражалась бы и на ней. Впрочемъ, для полноты картины положенія, слѣдуетъ присовокупить, что будущность нашего, хотя и небольшаго, края, представляется иногда нѣкоторымъ изъ насъ въ совершенно другихъ краскахъ. Ни что такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ названіе предметовъ, въ особенности, когда эти названія переносятся съ однихъ на другіе. Такъ какъ мы были бы малы, то и говоримъ себѣ иногда, что мы были бы второю Бельгіею; а такъ какъ Бельгія, хотя и мала, безспорно пользуется большимъ благосостояніемъ, то, слѣдовательно, и мы были бы счастливы. Это всесторонняя ложь. Чтобы сдѣлаться Бельгіею, недостаточно быть малымъ. Нужно обладать подобнымъ же географическимъ положеніемъ, доступомъ къ Океану и всѣми данными, необходимыми для извлеченія пользы изъ этого доступа. Нуженъ такой же покровитель, какимъ для Бельгіи до сихъ поръ была Англія, на бдительность котораго можно бы всегда полагаться и дурныхъ намѣреній котораго никогда не слѣдовало бы опасаться; нужно бы превосходить страну, отъ которой мы отдѣлились, населеніемъ и вообще матеріальными силами, въ такой, по крайней мѣрѣ, саразмѣрности, въ какой Бельгія превосходитъ Голландію (по переписи 1859 г.: въ первой находится 4,800,000, а во второй 3,200,000 жителей). Между тѣмъ малая Польша была бы болѣе, чѣмъ въ десять

разъ слабѣе того государства, отъ котораго отложилась бы, по стечецію какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ, противъ его воли, и даже съ униженіемъ народной его гордости. Итакъ это сопоставленіе съ Бельгіей скорѣе можно назвать мечтою, чѣмъ хладнокровнымъ расчетомъ. Тотъ оскорбилъ бы нашу народную мысль, кто предполагалъ бы, что слабость означеннаго сравненія не извѣстна ей въ большей части очень хорошо. Стало, существенное въ глубинѣ этой мысли, если выбросить изъ нея болѣе, или менѣе, мечтательная предположенія и надежды, можно очертить однимъ словомъ: боязнь. Не смотря на это, небольшой, окруженный тысячами опасностей, но собственный, кусокъ земли не перестаетъ быть желаннымъ для насъ исходомъ изъ настоящаго положенія, по тому что мы говоримъ себѣ также точно, какъ и тогда, когда думаемъ о скученіи Славяно-Австрійскомъ. Будемъ, по крайней мѣрѣ, на этомъ маломъ кускѣ земли обладать обезпеченною вѣрою и народностью; что окончательно, по этой одной причинѣ, мы довольствовались бы и наименьшею, лишь бы своею собственностью. Нужно основательно разобрать стремленія и надежды наши, если желаемъ ясно видѣть, куда мы идемъ и чего ищемъ. Въ своемъ мѣстѣ мы подробно разсмотримъ вопросъ касательно религіознаго спокойствія и народности; теперь же намъ остается просить читателя оставить пока въ сторонѣ составленіе окончательнаго мнѣнія и относительно вопроса, о которомъ мы разсуждали съ нимъ здѣсь.

Остается третье соображеніе, состоящее, какъ мы видѣли, въ слѣдующемъ: союзъ (федерація) Польско-Чешско-Угорскій, или вообще союзъ Юго-Западныхъ Славянъ между собою и Уграми, подъ общимъ скипетромъ Габсбургскаго Дома. Это соображеніе, кромѣ того что, подобно двумъ предыдущимъ, не возмущаетъ насъ въ отношеніи вѣры и народности, привлекательно для насъ, съ одной стороны, тѣмъ еще въ особенности, что напоминаетъ наше соединеніе съ Литвой, осуществившееся нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, съ другой же открываетъ передъ нами въ будущемъ совершенно новую перспективу. Однихъ невольно, безсознательно, влечетъ прелесть новизны и большаго сближенія съ Западомъ; другіе, глубже вникая въ дѣло, видятъ его гораздо подробнѣе. Передъ ихъ глазами снуютъ величественные образы международныхъ съѣздовъ, совѣщаній, постановляющихъ приговоры о судьбахъ Славянства, постоянно возрастающее могущество соединенныхъ народовъ относительно остальнаго міра, слѣдовательно, и постепенно возрастающее вліяніе на всѣ дѣла земнаго шара; представляются выплывающіе изъ пристаней Адріятическаго моря Славянскіе

флоты и нахолящееся съ нимъ въ связи економическое движеніе на всемъ пространствѣ края до отдаленнѣйшихъ уголковъ его. По истинѣ величественные виды! И кто осмѣлился бы утверждать, что это просто вздоръ достойный лишь дюженнныхъ за ней; кто сталъ бы поддерживать положеніе, будто однѣ благородныя души въ состояніи полюбить столь возвышенныя надежды? Что касается меня, сознаюсь, что хотя я во всемъ этомъ вижу, по несчастью, однѣ надежды, не могу, однако же, не воздать надлежащей дани высоконравственнымъ соображеніямъ, которыя одни могли возбудить ихъ. Если бы я не былъ убѣжденъ, на основаніи другихъ источниковъ, что подобная блестящая добыча можетъ ожидать насъ только на пути искренняго соединенія нашего съ Россіею, я самъ бы подчинился обаянію будущности, являющейся въ такихъ образахъ.

Обращаю вниманіе читателя на то, что здѣсь я буду осуждать не выборъ цѣлей, но единственно недостатокъ расчета: есть ли какая либо возможность достигнуть этихъ цѣлей, расчитать не трудно: достаточно подвести итогъ двумъ колосальнымъ затрудненіямъ.

Затруднительность отнятія отъ Россіи если не всей, то большей части ея Славянскаго призванія (миссіи), затруднительность тѣмъ большая, что нельзя было бы и нравственно достаточно оправдать ея, потому что изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ одна Россія по настоящее время ощущала въ себѣ постоянство въ этомъ призваніи.

Затруднительность удержанія надолго натянутаго и весьма щекотливаго устройства, каковымъ былъ бы даже при нашей жизни выше упомянутый союзъ народовъ, какъ это будетъ доказано ниже.

Итакъ изъ всего предыдущаго оказывается, что какой бы видъ ни приняли соображенія, склоняющія насъ на сторону Австріи, то, чѣмъ онѣ насъ привлекаютъ, сводится къ тремъ большимъ побужденіямъ, каковы:

Убѣжденіе, что вѣра наша будетъ уважаема.

Убѣжденіе, что на столько же и народность наша будетъ уважаема.

Надежда, что союзническія формы дадутъ намъ возможность еще разъ сыграть блестящую роль въ исторіи человѣчества.

Не остается ни чего болѣе, какъ подробно разобрать каждое изъ етихъ побужденій, и убѣдиться, какое представляется правдоподобіе для осуществленія надеждъ, заключающихся въ каждомъ изъ нихъ; ибо отъ степени ихъ правдопобія зависитъ вполнѣ и степень логическаго оправданія всякаго съ нашей стороны сочувствія къ Австріи.

Послѣдуемъ этому плану.

Начну съ уваженія религіи.

Если мы не желаемъ отуманивать самихъ себя шумными словоизраженіями, то слѣдуетъ начать съ опредѣленія, что мы понимаемъ подъ этимъ уваженіемъ: свободу ли совѣсти, или невозмутимую гармонію между гражданскимъ правительствомъ и духовною властію; или то и другое вмѣстѣ, если и на сколько таковыя могутъ согласоваться между собою.

Свобода совѣсти есть, безъ сомнѣнія, наибольшее благо человѣка, и для него онъ можетъ все принести въ жертву. Въ настоящее время значеніе этого блага пріобрѣтаетъ болѣе обширное и основательное значеніе какъ между государственными людьми, такъ и между народами, стремящимися къ преуспѣянію; можно сказать утвердительно, что за нѣсколько лѣтъ въ Европѣ не будетъ мѣста, гдѣ бы означенная свобода не была принята подъ покровительство общественнаго закона. Подождемъ немного: свобода совѣсти будетъ для насъ и въ Россіи, хотя, быть можетъ, она уже была бы у насъ, если бы мы сами, постояннымъ стремленіемъ разорвать соединяющія насъ узы, не помѣшали спокойному развитію общественной жизни въ этомъ государствѣ. Наилучшимъ доказательствомъ тому служитъ обнаруживающееся въ средѣ самихъ Русскихъ стремленіе къ устраненію исключительныхъ для ихъ вѣры гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, какъ не соотвѣтствующихъ Евангельскому духу ихъ Церкви. Любопытный читатель можетъ найти по этому предмету весьма важныя подробности въ недавно изданномъ сочиненіи одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ Русскихъ писателей, Г. Самарина, подъ заглавіемъ: «Окраины Россіи. Серія первая. Русское Балтійское Поморье,» [30] которое предлагаю его вниманію. Въ этомъ сочиненіи читатель найдетъ самое лучшее доказательство того, какіе необыкновенные успѣхи въ политическомъ просвѣщеніи дѣлаетъ этотъ родственный намъ народъ съ той поры, какъ воля великодушнаго Монарха вывела его на дорогу приснопамятныхъ преобразованій. Кромѣ извѣстныхъ ограниченій свободы совѣсти, [31] существуютъ еще въ Россіи, въ особенности съ 1864

---

[30] Берлинъ, 1871.

[31] Кажется, рѣчь идетъ о служебныхъ преимуществахъ, какими пользуются у насъ привилегированныя сословія. Но сочинитель забываетъ, что почти все шляхта, и даже титулованная, сама сфабриковала себѣ документы и, при помощи ихъ, готова залить всѣ служебныя отрасли

года, извѣстныя распоряженія, лишающія исповѣдующихъ Римско-Католическую вѣру Поляковъ нѣкоторыхъ политическихъ и гражданскихъ правъ. Болѣзненно испытывая ихъ тяжесть, мы, по обыкновенію, относимъ ихъ тоже къ числу преслѣдованій религіи, которымъ подвергаемся. Огорченіе лишаетъ насъ возможности различать въ этомъ, какъ бы слѣдовало, послѣдствія отъ цѣли. Въ сущности означенныя распоряженія дѣйствительно направлены у насъ противъ Католиковъ, но задача ихъ преслѣдовать не Католиковъ, а Поляковъ,[32] какъ стихію, упорно непріязненную цѣлости Имперіи. Ни въ одномъ здоровомъ обществѣ правительство не любезничаетъ съ отщепенцами (сепаратистами), отступниками (сецесіонистами) и не усыпаетъ имъ пути цвѣтами. Если бы мы были послѣдователями Буддизма, или поклонниками огня, а не Католиками, тѣ же распоряженія, которыя мы видимъ направленными теперь противъ Католиковъ-Поляковъ, были бы направлены и противъ Польскаго поклоненія огню, или Польскаго Буддизма, а Католицизмъ, какъ не находящійся ни въ никакомъ соотношеніи съ Полонизмомъ, былъ бы оставленъ въ покоѣ. Слѣдовательно, собственно мы, нашими политическими заблужденіями, навлекаемъ преслѣдованіе на Католицизмъ въ Россіи. Для положенія преграды этому гнету нѣтъ надобности обращать наши вздохи къ Австріи: достаточно было бы искренне примириться съ Россіею, представивъ ей дѣйствительное ручательство, что съ настоящаго времени мы не хотимъ и помышлять о другой будущности, кромѣ общей для обоихъ народовъ. Это гораздо скорѣе и вѣрнѣе привело бы къ цѣли.

Итакъ замѣтимъ, что свободы совѣсти можно бы достигнуть и не подъ Австрійскимъ только скипетромъ; что основаніе ея находится въ воздухѣ современной гражданственности, и что на проведеніе ея въ жизнь въ Россіи мы сами могли бы вліять въ значительной мѣрѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ мы этого такъ горячо и такъ искренне желали, какъ и желать стоитъ. При этомъ мы могли бы откровенно признаться, почему ея у насъ до сихъ поръ нѣтъ.

Что касается гармоніи между свѣтскимъ правительствомъ и духовною властью, то прежде всего мы приходимъ къ тому заключенію, что какъ всякая вообще гармонія, такъ и эта, можетъ быть слѣдствіемъ единственно обоюдной доброй воли и благопріятныхъ обстоятельствъ. Ни одно государство въ свѣтѣ не въ состояніи поручиться

---

[32] **И, можетъ быть, поддѣльщиковъ.**

за ненарушимое сохраненіе, въ одинаковой степени, тѣхъ отношеній, которыя, по своей природѣ, могутъ быть ежедневнымъ слѣдствіемъ ежедневныхъ же отношеній заинтересованныхъ сторонъ. Гармонія между гражданскою и духовною властями, существующая сегодня въ извѣстномъ государствѣ, завтра можетъ, въ слѣдствіе тѣхъ, или другихъ, обстоятельствъ, измѣниться въ дисгармонію, а послѣ завтра обратиться снова въ гармонію. Есть примѣры, что некатолическія правительства живутъ въ найлучшемъ согласіи съ Католическою Церковью; есть также примѣры гражданскихъ правительствъ, стоящихъ во главѣ Католическихъ народовъ, нерѣдко впадающихъ въ непріязненное отношеніе, даже очень рѣзкое, или къ мѣстной Епископской власти, или же, соединясь съ нею, къ Римской Куріи. Такъ было во время извѣстнаго въ исторіи оповѣщенія (декларации) Галликанскихъ Епископовъ, оповѣщенія, въ которомъ, въ пользу гражданскаго правительства, игралъ весьма дѣятельную роль самъ Боссюетъ, ревностнѣйшій и краснорѣчивѣйшій защитникъ Католицизма, какъ догмата и ученія, противъ возникавшаго въ то время отступничества отъ Католичества. Наконецъ, за чѣмъ ходить далеко? У насъ есть подъ рукою примѣръ, въ той же Австріи, на которой нѣкоторые основываютъ свои надежды. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вѣнскій Кабинетъ не задумался уничтожить соглашеніе (конкордатъ) съ Римомъ, какъ только ему показалось, что этого требуетъ польза государства. Онъ рѣшился скорѣе стать въ открытое разногласіе съ мѣстною Епископскою властью и съ Римомъ чѣмъ отказаться отъ извѣстныхъ средствъ, которыя, справедливо, или нѣтъ, признавались необходимыми для того, чтобы вывести страну изъ тогдашняго затруднительнаго положенія. Правда, кто либо можетъ замѣтить мнѣ, будто извѣстно, что Австрія только временно идетъ по этому пути.....[33] А что же въ политикѣ, спрошу я въ свою очередь, что и гдѣ не есть только временное?

Слѣдовательно, мы видимъ, какъ по немногу разсѣевается и сводится къ болѣе скромнымъ размѣрамъ шумное ученіе объ обезпеченіи (гарантіи) религіознаго спокойствія; ученіе, употребляемое поклонниками Австріи, какъ орудіе для привлеченія нашихъ сочувствій на ея сторону. Смотря хладнокровно на вещи, мы видимъ, что одна половина означеннаго спокойствія въ каждомъ человѣческомъ обществѣ зависитъ отъ хода событій, другая же отъ общаго направленія образованія. Что могло бы ожидать насъ, въ случаѣ приступленія нашего къ

[33] Точки въ подлинникѣ.

соединенію съ Австріей, сказать трудно, равно какъ и что то ожидаетъ насъ по отношенію къ событіямъ, въ настоящемъ соединеніи нашемъ съ Россіею. Что же касается успѣховъ просвѣщенія и обезпеченія намъ плодовъ его, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести и уваженіе правъ совѣсти, уваженіе каждаго соотношенія между Богомъ и человѣкомъ, да позволено мнѣ будетъ сказать всю правду: за этимъ нечего бѣгать къ другимъ; это пріобрѣтается у себя, дома, собственнымъ продолжительнымъ и усидчивымъ трудомъ.

Перейдемъ къ уваженію народности.

Всегда поражаетъ меня величайшимъ удивленіемъ та форма увѣренности, какую нѣкоторымъ нравится придавать положенію, яко бы Австрія, по крайней мѣрѣ, уважаетъ нашу народность, и въ то же время допускать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что все это соображеніе можетъ окончиться главенствомъ Нѣмецкаго племени, заправляющаго изъ Вѣны Славянскою периферіею. Казалось бы, что въ этомъ случаѣ было бы далеко не излишнимъ принять въ расчетъ и Нѣмецкія пожеланія, могущія исподоволь выработаться въ Вѣнѣ, пожеланія по тому правдоподобныя, что задача такого рода соображенія состоитъ, по мнѣнію самыхъ же поклонниковъ ея, въ движеніи на Востокъ Нѣмецкаго племени, т. е., преобразивъ эту нѣсколько неполную формулу въ точную прозу: заселенія въ обширныхъ размѣрахъ Славянскихъ земель Нѣмцами. Что Вѣнское правительство не установитъ денежныхъ взысканій за употребленіе Польскаго языка, съ этимъ я могу согласиться. Не стану спорить и о томъ, чтобы оно могло когда либо воспретить ношеніе народной одежды. Допустимъ все это. Однако же, я рѣшаюсь утверждать, что для хорошо понятаго интереса нашей народности, не столь опасны денежныя взысканія за употребленіе въ общественныхъ мѣстахъ Польскаго языка, какъ длинные ряды фургоновъ, перевозящихъ Нѣмецкихъ переселенцевъ въ нашъ край, переселенцевъ, какъ доказываетъ опытъ, никогда уже не возвращающихся оттуда, куда они однажды забрались. Но объ онѣмеченіи нашего края и всякаго рода послѣдствіяхъ его мы въ предыдущемъ отдѣлѣ уже столько говорили, что было бы совершенно излишне входить здѣсь въ новыя по сему предмету разсужденія. Я обращу вниманіе читателя единственно на то, что изъ всѣхъ путей, которые въ настоящее время предстоятъ Австріи, Нѣмецкое верховенство едва ли не единственное средство спасенія для этого, разстроеннаго въ самой основѣ, государства. Легко можетъ случиться, что Вѣнское правительство, опершись, съ одной стороны, на

Нѣмецкую Имперію, а съ другой на Угрію, наконецъ скажетъ самому себѣ, что Славянъ слѣдуетъ взять въ ежевыя рукавицы: предоставить одну ихъ часть на жертву Мадьярамъ, другую же, на сколько можно большую, преподнести Нѣмцамъ. Подобно тому, какъ были Западная и Восточная Римская Имперія, можетъ возникнуть Западное и Восточное Нѣмецкія Государства, съ союзникомъ на окраинѣ, Мадьярскимъ народомъ.. [34] Не станемъ же сами, по крайности, помогать этому.

Въ иныхъ соображеніяхъ соединенія нашего съ Австріей, опасеніе онѣмеченія теряетъ свое значеніе; за то выступаютъ на сцену Русины. По чему бы они не могли выступить съ своими заявленіями относительно народности, и при томъ тогда, когда дѣло завершилось бы Славяно-Угорскою конфедераціею? Гдѣ конфедерація народовъ, тамъ и выслушиваніе пожеланія каждаго изъ нихъ. Предоставимъ ли мы дѣло голосованію? Можемъ не получить большинства голосовъ; а если и получили бы, то и въ такомъ случаѣ не послѣдуетъ соглашенія между двумя станами; напротивъ, при первой же случайности споръ возобновится. Въ федераціи, навѣрное, не мы, слабые, будемъ составлять краеугольный камень. Мы забываемъ, что въ наши времена конфедерація отдѣльныхъ самостоятельныхъ обществъ, возможная только при особенныхъ обстоятельствахъ, подготовленныхъ самою исторіею тѣхъ обществъ, и тутъ еще допускаетъ не иначе осуществить себя, съ помощію признанія главенства за однимъ изъ сконфедерованныхъ народовъ, или правительствъ, какъ это Нѣмцы и сдѣлали; или, по крайней мѣрѣ, при помощи такого рода устройства, какому подчинились Швейцарскіе кантоны по усмиреніи Зондербунда. Если бы могла образоваться какая ни будь конфедерація Угро-Славянская, главенство союза досталось бы Мадьярамъ. Депутаты, избираемые непосредственно въ федеративную палату, на всемъ пространствѣ союза, вѣроятно, должны были бы съѣзжаться въ Пештъ, такъ же какъ теперь Нѣмецкіе депутаты съѣзжаются въ Берлинъ. Но эти послѣдніе хотя и съѣзжаются съ разныхъ сторонъ: изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена и т. д., собравшись вмѣстѣ, не встрѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, ни какихъ язычныхъ затрудненій. Всѣ они Нѣмцы, имѣющіе одинъ общій языкъ Нѣмецкій, благодаря своевременному забвенію особыхъ его нарѣчій. Мы же, собравшись въ Угорской столицѣ изъ Польши, Чехіи, Сербіи, Хорватіи,

[34] Точки въ подлинникѣ.

Далматіи, Болгаріи и Богъ вѣсть еще откуда, быть можетъ, также изъ Румыніи, мы не видѣли бы себя дажо въ исключительно Славянской средѣ, и не могли бы вести между собою разговора на какомъ ни будь общемъ племенномъ языкѣ. Ни одного еще изъ отдѣльныхъ нарѣчій нашихъ мы не умѣли, или судьбѣ не угодно было, поднять на высоту общаго Славянскаго языка. На какомъ же языкѣ велись бы наши совѣщанія въ Пештѣ? На первое время, вѣроятно, на различныхъ.... [35] Но этотъ многоязычный хаосъ, рано, или поздно, надоѣлъ бы всѣмъ донельзя, въ особенности Мадьярамъ, въ рукахъ которыхъ находилось бы кормило всѣхъ союзныхъ интересовъ.... [36] Тутъ нѣтъ другого исхода: или разбродъ безсвязныхъ и спорныхъ стихій, предполагая, что Мадьяры не были бы въ состояніи употребить силу для удержанія ихъ въ тискахъ, или омадьяренія.... [37]

Дѣйствительно, въ томъ и другомъ случаѣ для насъ незавидные виды.

Да не введетъ насъ, сохрани Богъ, въ соблазнъ примѣръ Швейцарскихъ кантоновъ, употребляющихъ также разные языки и, не смотря на это, живущихъ между собою въ согласіи! Во первыхъ, каждому живщему въ Швейцаріи болѣе продолжительное время, извѣстно, что и тамъ есть противодѣйствіе въ средѣ составныхъ народностей, противодѣйствіе, которое во всякомъ другомъ импровизованномъ политическимъ твореніи уже давно разбило бы цѣлость въ дребезги. Но въ Швейцаріи есть общее преданіе, считающее за собою уже нѣсколько вѣковъ, установшіяся самимъ временемъ отношенія однихъ кантоновъ къ другимъ, и установившіяся въ такую пору, когда народныя противоположности нигдѣ еще не были возбуждены, какъ нынѣ; наконецъ, самое географическое положеніепри водитъ въ этой странѣ къ тому, что привязанность къ общему политическому быту получаетъ перевѣсъ надъ многими естественными отвращеніями племенъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что все противодѣйствіе въ Швейцаріи проявляется только въ язычномъ отношеніи, т. е., между Французскимъ и Нѣмецкимъ языками. Итальянскій Король почти стушевывается въ рѣчи Швейцарскаго населенія рядомъ съ означенными двумя корнями. Между тѣмъ Славяно-Мадьярской федераціи пришлось бы вѣдаться съ какою ни будь

---

[35] Точки въ подлинникѣ.

[36] Тоже точки въ подлинникѣ.

[37] Тоже точки въ подлинникѣ.

дюжиною нарѣчій, при томъ такихъ, изученіе которыхъ, кромѣ прагматической пользы, по причинѣ существованія союза, въ смыслѣ образованія ничего бы не значило. Если каждый болѣе просвѣщенный Швейцарецъ старается знать, какъ Французскій, такъ и Нѣмецкій, языки, то изъ этого онъ извлекаетъ пользу не только въ своихъ домашнихъ Швейцарскихъ условіяхъ, но и въ отношеніи къ остальному образованному міру. Мы же, если бы вынуждены были учить нашихъ дѣтей Мадьярскому, Чешскому, Сербскому и другимъ нарѣчіямъ, не могли бы довольствоваться этимъ лишь, и не учить ихъ Нѣмецкому, или Французскому, языкамъ. А на все это, столь ненужное и въ такомъ большомъ объемѣ, ученіе, не стало бы у насъ и времени. Изъ этого мы видимъ, какая неосуществимая мечта не только конфедерація Мадьяровъ съ Славянами, но даже однихъ Славянъ, безъ принятія одного какого ни будь языка всеобщимъ, правительственнымъ, а, слѣдовательно, и обязательнымъ въ училищахъ на пространствѣ всего союза.

Въ одномъ случаѣ оказалось бы возможнымъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ, въ случаѣ возрожденія самобытной Польши, водвореніемъ въ ней монархическаго правленія. Оно одно было бы въ состояніи предписать категорически, на какомъ языкѣ должны производиться общественныя дѣла, недовольнымъ вмѣнить молчаніе въ строгую обязанность, и такимъ образомъ положить конецъ ненавистнымъ спорамъ. Но, повторяю, для этого мало было бы одной самостоятельной Польши: потребовалось бы еще самодержавное Польское правительство—два предположенія, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, принадлежитъ къ области мечтаній: а что сказать о той и другомъ въ совокупности! [38]

Обращаюсь теперь къ послѣднему вопросу:«Возможна ли и практична ли для насъ федерація съ Мадьярами и Южными Славянами

---

[38] Какъ мало еще развиты въ нашемъ обществѣ правительственные инстинкты, доказывается одною, недавно изданною на нашемъ языкѣ, книжицей. Хотя сочинитель ея и старается трезво смотрѣть на дѣло, но, коснувшись возможности возстановленія самобытной Польши, и признавая, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы оставить въ ней правленіе, облеченное диктаторскою властью онъ присовокупляетъ: «на какіе ни будь 10 лѣтъ!» Десять лѣтъ! Едва ли и во сто лѣтъ окажется возможнымъ, и то при чрезмѣрной послѣдовательности, привить къ понятіямъ народа какое либо начало общественнаго порядка такъ прочно, чтобы оно съ того времени перешло какъ бы въ кровь народа и способно было постоять за себя.

сама по себѣ? «Федерація народовъ, слово, исполненное обаянія! Читатель уже знаетъ, какъ я уважаю столь обширные и основанные на этомъ гаданіи предначертанія; по тому не стану больше говорить относительно сихъ послѣднихъ. Вмѣсто того я исключительно займусь слѣдующимъ вопросомъ: «Возможна ли и прочна ли означенная федерація, долженствующая повести къ осуществленію стольких заманчивыхъ плановъ, взятая, какъ сказано мною выше, сама по себѣ?» Какая же польза отъ увѣренности достигнуть блестящихъ плодовъ, въ случаѣ проведенія извѣстнаго соображенія, если холодный разсудокъ сперва долженъ сказать, что мы именно не въ состояніи осуществить этого соображенія?

Признаюсь, я долго колебался и долго соображалъ, пока пришелъ къ окончательному заключенію такого рода: ни врожденныя племенныя свойства характера, ни степень политическаго и вообще человѣческаго образованія, не дѣлаютъ насъ въ настоящее время способными вынести означенную форму правленія. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ такомъ случаѣ у насъ была бы самая изысканная политическая организація, какую только въ состояніи понять человѣческій разумъ. Всѣ мы знаемъ, что какъ въ развитіи органической жизни физическаго міра, такъ и въ развитіи формъ, принимаемыхъ съ теченіемъ времени политическими тѣлами, ѐсть извѣстная послѣдовательность закона, разрушить который никто не въ правѣ. Если всякій переходъ общественной власти изъ состоянія менѣе опредѣленнаго къ состоянію болѣе опредѣленному свидѣтельствуетъ о чрезмѣрномъ успѣхѣ извѣстнаго общества въ политическомъ образованіи, то что же мы скажемъ о томъ совершенствѣ политическаго быта, когда уже не только внутреннія отношенія, но и отношенія внѣшнія, нѣсколькихъ обществъ вмѣстѣ взятыхъ, входятъ въ область самаго точнаго опредѣленія? Именно такая усовершенствованная форма политическаго быта есть, или правильнѣе говоря, должна быть, федерація народовъ, если она не будетъ принадлежать къ разряду тѣхъ произведеній минутнаго увлеченія, которыя не могутъ выдержать искуса времени. Представимъ себѣ собирательное тѣло, политическій организмъ, въ которомъ все держится однимъ высокимъ тактомъ составныхъ частей, покоится на хладнокровно условленныхъ, осторожно взвѣшенныхъ, вѣрно и съ умѣньемъ сохраненныхъ, уступкахъ, гдѣ на каждомъ шагу, дѣйствуя при посредствѣ представителей, слѣдуетъ держаться постановленннаго ими болѣе, чѣмъ своего собственнаго, сужденія, гдѣ восторженности предпочатается хладнокровіе и наущенію страстей испытанное преданіе, гдѣ дисциплина, въ

самомъ обширномъ значеніи этого слова, не только административная, но и политическихъ партій, дисциплина самоличной мысли играетъ еще бо́льшую роль, чѣмъ въ обыкновенныхъ не конфедеративныхъ политическихъ организмахъ. Представимъ себѣ, говорю, собирательное тѣло такого рода, и спросимъ себя, могли ли бы мы добросовѣстно дѣйствовать въ его сферѣ, и долго ли мы выдержали бы эту роль? Наконецъ, если федеративная система, разсматриваемая сама по себѣ, примѣняемая съ умѣньемъ, безспорно должна быть отнесена къ числу возвышеннѣйшихъ построеній политическаго разума, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, она не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить поворотъ къ возрастающему сосредоточенію власти въ тѣхъ краяхъ, въ которыхъ еще недавно все клонилось къ чистой федераціи, у Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Кто въ состояніи поднять многочисленныя завѣсы, закрывающія отъ насъ весьма далекое будущее, тотъ можетъ утверждать, что федеративныя формы подготовляются уже и для насъ гдѣ-то, за одною изъ этихъ завѣсъ, на лонѣ времени, предназначенныя къ тому, чтобы разрождаться все болѣе и болѣе и, когда человѣчество достаточно для того созрѣетъ, соединить братскими узами всѣ просвѣщенныя правительства и народы, придавая высшее освященіе общественной жизни на нашемъ шарѣ. Не стану спорить я съ этимъ. Но это будетъ уже философія, а не политика. Будемъ уважать и ту и другую, но не станемъ смѣшивать ихъ, такъ какъ это вѣрнѣйшій путь къ невѣжеству въ области мысли и къ погибели въ области дѣла.

Намъ, Полякамъ, вынужденнымъ какъ можно скорѣе избрать дорогу, и при томъ безотлагательно, если можно, еще сегодня, нѣтъ времени упражняться въ умственныхъ измышленіяхъ болѣе совершенныхъ формъ политическаго быта. Для насъ должно быть рѣшительнымъ событіе то, что въ настоящее время, гдѣ только политическая жизнь проявляется въ большей полнотѣ, дѣла склоняются не къ федераціи. О Швейцаріи и Нѣмцахъ уже была рѣчь. Взглянемъ на Австрію. Она не можетъ выбраться изъ той путаницы, въ которой очутилась по милости преждевременныхъ федеративныхъ стремленій, да едва ли и выдерется, если не распростится съ означенными стремленіями. Итальянцамъ была предложена федерація, даже предписана договоромъ, закончившимъ походъ 1859 года, которому завѣренія и подписи двухъ Императоровъ придавали, казалось, освященіе. Во что же обратилось это соглашеніе? Что же сдѣлалось съ

этою федераціею, въ слѣдствіе какого-то предопредѣленія, ясно высказавшагося въ послѣдующихъ событіяхъ?

Къ тому же, да позволено мнѣ будетъ сказать, что я не могу вѣрить, и не вѣрю, въ возможность, и въ особенности въ живучесть, Мадояро-Славянской федераціи, придуманной нѣкоторыми изъ насъ, о которой столь многіе разсуждаютъ.

Въ возможность ея я не вѣрю по той причинѣ, что, для осуществленія ея необходимо, чтобы Австрія побѣдила Россію и отняла у нея, какъ сказано выше, не только бывшія Польскія области, но и Славянское ея назначеніе; необходимо, чтобы Австріи помогла въ этомъ Нѣмецкая Имперія; необходимо, чтобы Австрія отблагодарила Нѣмецкую Имперію уступкой настоящихъ своихъ Нѣмецкихъ владѣній; необходимо, чтобы Габсбургскій Домъ подумалъ о выходѣ изъ своего наслѣдственнаго гнѣзда: предположенія, одно другого несбыточнѣе!

Въ живучесть федераціи тоже не вѣрю, по тому что если бы она какимъ ни будь чудеснымъ образомъ и осуществилась, то, по причинамъ, изложеннымъ мною выше, не выдержала бы продолжительнаго искуса и въ скоромъ времени сдѣлалась бы позорищемъ домашней неурядицы и даже кровавыхъ столкновеній, предвѣщающихъ каждому политическому тѣлу вѣрную погибель.

Въ подобнаго рода стремленіяхъ нельзя видѣть ничего иного, кромѣ естественнаго, хотя и болѣзненнаго, послѣдствія длиннаго ряда бѣдствій и тяжкихъ разочарованій нашихъ. Убѣдившись въ невозможности для насъ отдѣльнаго существованія, мы хватаемся за подобнаго рода сочетанія, какъ утопающій за соломинку. При этомъ мы совершенно упускаемъ изъ виду, что вопросъ, подобнымъ образомъ упрощенный, былъ бы только наружно исцѣленною раною, готовою ежеминутно раскрыться: что, обезпечивая, при помощи подобныхъ средствъ, по большей мѣрѣ, одну минуту спокойствія, лично для себя, мы навѣрное приготовимъ нашему потомству самую невѣрную, самую бурную, будущность. Изъ всѣхъ родовъ себялюбія это былъ бы самый безнравственнѣйшій. Какой же отецъ семейства могъ бы спокойно закрыть глаза, сознавая, что онъ спасалъ единственно самого себя?

VI.

Итакъ, изо всѣхъ путей, какія, за минуту передъ симъ, видѣли мы передъ собою, остается намъ всего одинъ. По этому пути, каковы бы ни были до сихъ поръ наши сочувствія, или несочувствія,

раньше, или позже, охотно, или противъ воли, мы должны будемъ пойти. Таинственная рука, правящая судьбами народовъ, кажется, издавна ведетъ насъ къ этой дорогѣ, низпосылая на насъ одни бѣдствія, какъ только мы затѣвали, хотя бы и съ лучшими намѣреніями, что ни будь такое, что могло бы возвратить намъ прежнюю самобытность.

Эта единственно оставшаяся намъ дорога есть соединеніе съ Россіею, а при посредствѣ Россіи—со всѣмъ Славянствомъ. Цѣль соединенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ—осуществленіе высокихъ задачъ гражданственности.

Я очень хорошо зню, что Славянскія сочувствія не простираются еще такъ глубоко въ нашемъ народѣ, [39] чтобы надежда образованія будущаго обширнаго Славянскаго союза могла уже въ настоящее время утѣшить насъ, послѣ утраты послѣдней надежды возстановленія той формы отдѣльнаго существованія, которою предки наши пользовались съ перемѣннымъ счастіемъ.

На это нѣтъ другого средства, какъ только сказать себѣ: «Необдимость, воля предназначенія.»

Я ошибся: есть еще другое средство: не забывать, что и Славянство есть одна изъ формъ, низпосланная намъ извнѣ обстоятельствами, стеченіемъ общихъ событій, потребностями другихъ народовъ, и тому подобными историческими силами, которыми овладѣть мы не въ состояніи и которымъ должны подчиниться; однако же, отъ насъ самихъ зависитъ внести въ эту форму быта такое содержаніе, такую внутреннюю жизнь, какая, по нашему разумѣнію, лучше всего соотвѣтствуетъ предназначенію каждаго человѣческаго общества. Отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы мы, въ этой новой формѣ собирательнаго быта, нашли и справедливые законы, и честное управленіе, и отличныя училища, и надлежащую помощь для всякаго полезнаго труда, и попеченіе, гдѣ таковое понадобится, о найвозможно большемъ просвѣщеніи, правосудіи, нравственности, хозяйствѣ, свободѣ, духѣ предпріимчивости и самой высшей привязанности къ общественному благу.

«Возможно ли, могутъ сказать, возможно ли, въ виду Россіи, мечтать объ осущественіи благъ такой важности, намъ, которыхъ эта же Россія устраняетъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ и старается привести въ состояніе чуть не Индійскихъ парій?

---

[39] Какое сознаніе! Вспоминаются слова Петровскаго законодательства: «Сознаніе виноватаго лучше свидѣтельства цѣлаго міра.»

Возможно, отвѣчу я.

Если, до настоящаго времени, соединеніе съ Россіею не приноситъ намъ ничего, кромѣ гнета, мы должны приписать это не самой природѣ соединенія, но собственному нашему поведенію въ отношеніи къ нему. Неслѣдуетъ забывать, что мы всегда относились къ этому соединенію какъ непріязненная первичность; что явною и сокровенною цѣлью всѣхъ нашихъ дѣяній и помысловъ было не тѣсное сплоченіе съ цѣлостью, но отпаденіе, выдѣленіе и возвратъ къ прежней независимости. Занявъ такое мѣсто, мы какъ бы сами положили въ основу тѣ данныя, изъ которыхъ логически должна была возникнуть для насъ доля, почти что отрѣшенной отъ воды и огня горсти завзятыхъ противниковъ въ средѣ общества, отплачивающаго намъ ненавистью за ненависть. Отдадимъ же себѣ разъ ясный отчетъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Россіи. Подвластные ея скипетру,—справедливо, или нѣтъ,—мы обязаны были:

Или освободиться изъ подъ ея владычества, для чего у насъ не было и, какъ полагаю, не будетъ, достаточной силы.

Или искренно съ нею примириться, для чего недоставало намъ достаточно холоднаго еще разсудка.

Или приготовиться на всякаго рода политическія бѣдствія, и не считать ихъ ни чѣмъ другимъ, какъ плодомъ нашихъ же поступковъ.

Всякое другое политическое цѣлое, поставленное къ намъ въ то же соотношеніе, какъ и Россія, безъ сомнѣнія, употребило бы противъ насъ столь же суровыя мѣры, если бы мы о томъ только и думали, какъ бы отъ него отдѣлиться. Быть можетъ, кому либо угодно будетъ возразить мнѣ, что, даже и въ послѣднемъ случаѣ, другія государства гораздо бы человѣчнѣе обошлись съ нами: спорить объ этомъ не стану. Дѣло не въ большей, или меньшей, степени строгости, но въ самой сущности событія. Сущность же его такова: всякое политическое цѣлое, имѣя право оборонять свою нераздѣльность, употребляетъ, для обузданія непріязненныхъ въ своей средѣ стихій, такія средства, какія оно признаетъ болѣе дѣйствительными.

Изъ этого же положенія слѣдуетъ и обратный выводъ: что если бы мы, разъ навсегда, отказались отъ непріязненной роли въ составѣ Русскаго государства, то въ ту же минуту потеряло бы всякое разумное значеніе направленія противъ насъ возмездныхъ мѣръ; напротивъ, мы пріобрѣли бы тогда неоспоримое право домогаться, чтобы эти мѣры, во имя справедливости и просвѣщенія и хорошо понятаго государственнаго интереса, безотлагательно были устранены.

Изъ преслѣдуемыхъ мы сразу сдѣлались бы дѣятельными, истинными, гражданами страны.

Замѣтимъ, что какъ только послѣдуетъ примиреніе съ Россіею, государство это дѣлается нашимъ союзникомъ, не только ни въ чемъ не уступающимъ другимъ государствамъ, но, напротивъ, болѣе другихъ полезнымъ по слѣдуюшимъ причинамъ:

Во первыхъ: соединеніе съ Россіею принадлежитъ къ числу такихъ, которыя не потребуютъ ни новыхъ потоковъ крови, ни многолѣтняго выжиданія, ни скитанья по свѣту съ просьбою о помощи.

Во вторыхъ: въ этомъ соединеніи преемники наши найдутъ столь обширное поприще для разнообразной дѣятельности, котораго они напрасно искали бы въ другомъ мѣстѣ. Для подкрѣпленія этого убѣжденія достаточно принять во вниманіе, сколько государственныхъ, нравственныхъ и економическихъ задачъ будетъ со временемъ рѣшаться на обширномъ пространствѣ Русскихъ владѣній, какіе неистерпаемые источники физическаго и нравственнаго могущества человѣка жаждутъ тамъ его мысли и рукъ!

Все это вещи столь ясныя и очевидыя, что каждый изъ насъ издавна долженъ бы признать ихъ непреложными. Между тѣмъ страсти, пробужденныя раздѣломъ нашего края, и съ тѣхъ поръ поддерживаемыя рядомъ общественныхъ и частныхъ огорченій, тормозятъ это дѣло. Кромѣ того, мы до смѣшного простираемъ наше ложное понятіе о томъ, будто Русское племя ниже, чѣмъ племя Польское, что, однако же, ни сколько не мѣшаетъ намъ негодовать на Нѣмцевъ, за ихъ увѣренность въ племенномъ превосходствѣ ихъ надъ нами. Мы любимъ также говорить о какомъ-то варварствѣ Русскаго языка, что опять не препятствуетъ намъ мало заботиться о своемъ языкѣ и обычаяхъ.

Я знаю Русское общество, знаю и наше, знаю Петербургъ и Варшаву. Вездѣ найдутся благородные сердца и умы. Однако же, если бы мнѣ кто либо сказалъ, что онъ можетъ въ одну минуту сосчитать, сколько, относительно, въ каждомъ изъ этихъ двухъ обществъ есть характеровъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, я бы сталъ просить его и заклинать, чтобы онъ оставилъ насъ въ покоѣ и не считалъ. Подобныя выкладки небезопасны, а высокомѣріе всегда должно окончиться стыдомъ. Для чего же постоянно слѣдуетъ напоминать народамъ такую обветшалую аксіому! Живя долго въ Русскомъ обществѣ, я могъ убѣдиться, что во внутреннихъ его отношеніяхъ, особенно въпредѣлахъ семейной жизни, есть много благородства, нѣжности,

даже и возвышеннаго. Набрасывая эти строки, я съ признательностію вспоминаю о дорогихъ для меня отношеніяхъ знакомства и дружбы, испытанной мною въ этомъ народѣ, пережившей даже наши послѣднія столкновенія. Въ этомъ сохраненіи довѣрія въ частныхъ отношеніяхъ, не смотря на горькій роковой разладъ, я вижу столь благородную черту Русскаго народа, что не могу воздержаться отъ признательности, вспоминая объ этомъ. Равнымъ образомъ я не знаю на свѣтѣ простого народа, одареннаго отъ природы лучшими инстинктами, какъ Русскій. Языкъ Русскій прекрасенъ и весьма способенъ къ совершенствованію. Въ области поэзіи, изящной словесности у Русскихъ есть истинно великія произведенія. Куда ни взгляну, нигдѣ я не вижу, чтобы Русскій народъ былъ менѣе насъ одаренъ отъ природы. Нѣтъ для народовъ болѣе вѣрнаго признака умственнаго упадка, какъ чувство личнаго самообожанія и презрѣніе всего окружающаго. Испанское племя, говорятъ, до сихъ поръ убѣждено въ томъ, что стоитъ во главѣ всего человѣчества; но это вызываетъ у насъ только улыбку. А развѣ чужеземцы не такъ же улыбаются, слыша, какъ мы иногда проповѣдуемъ о себѣ въ Варшавѣ?

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ между нами, сплошь да рядомъ, раздается восклицаніе: «Намъ ли, Полякамъ, соединяться съ Россіею! Что же станется съ нашею Западною образованностью, народностью, языкомъ?»

Въ особенности вопросъ объ языкѣ, подобно какой-то ракетѣ, сейчасъ же вылетаетъ, для воспламененія пороха подъ каждой начинающейся закладкой зданія для международнаго примиренія.

Въ одномъ изъ Библейскихъ преданій говорится о бѣдствіи, низпосланномъ на человѣческій родъ, въ видѣ тяжкаго наказанія, за тщеславныя намѣренія. Это бѣдствіе названо тамъ смѣшеніемъ языковъ

«Языки, языки, языки!» начали кричать со всѣхъ сторонъ.

Спрашивали уже не о томъ, каковъ человѣкъ, но какой его языкъ?

Не о томъ, какой изъ него вышелъ правитель, а каковъ его языкъ?

Не о томъ, какая наука, но на какомъ языкѣ она излагается?

Не о томъ даже, о ужасъ! какова молитва, но на какомъ языкѣ она произносится?

Можно себѣ представить, къ какому горькому исходу пришло человѣчество, если всѣ понятія до такой степени въ немъ извратились.

Не повторяются ли, съ удивительнымъ сходствомъ, эти прежнія

времена въ настоящее время? Стоило бы надъ этимъ призадуматься и не намъ однимъ.

Прошу у читателя извиненія за оступленіе отъ предмета; возвращаюсь къ дѣлу.

Мы говоримъ объ образованности Восточной и образованности Западной, объ образованности Латинской и образованнссти Нѣмецкой, и даже о Славянской, пока еще не существующей, какъ о какихъ-то разныхъ мірахъ, носящихся въвоздухѣ въ разнообразныхънаправленіяхъ, никогда между собою не встрѣчающихся, но забываемъ о томъ, что это только разныя выраженія одного и того же труда надъ образованіемъ нравственнаго существа человѣка въ народѣ и при помощи народа. По мѣрѣ большаго, или меньшаго, нравственнаго достоинства тружениковъ, самый этотъ трудъ развивается въ большой, или меньшей, полнотѣ. По этому мы встрѣчаемся здѣсь съ чѣмъ-то весьма измѣнчивымъ, ежедневно способнымъ принять новое направленіе, подвергнуться новому вліянію. За тѣмъ было бы смѣшно говорить о вступленіи въ область какой-то чуждой образованности, какъ бы о переселеніи на какую ни будь отдѣльную планету, при чемъ мы должны совсѣмъ распроститься съ тою, на которой жили до сихъ поръ. Всѣ образованности сходятся между собою въ томъ, что служатъ разрѣшеніемъ вопроса, при помощи государства, точно также, какъ и всѣ религіи сходятся между собою въ томъ, что разрѣшаютъ тотъ же вопросъ, при помощи Церкви. Естественно, что каждое государство разрѣшаетъ этотъ общечеловѣческій вопросъ свойственнымъ ему образомъ; равнымъ образомъ естественно и то, что въ каждомъ изъ нихъ новые дѣятели вліяютъ не только на способъ разрѣшенія, но даже на самый способъ постановки означеннаго вопроса.

Россія, подобно всякому другому государству, выполняетъ свою государственную задачу сообразно съ выработавшимися въ ней событіями и географическимъ положеніемъ. Не только столь колоссальное историческое событіе, которымъ будетъ когда-то, быть можетъ, даже въ недалекомъ будущемъ, дѣльное поднятіе Славянскаго вопроса, но уже искреннее прекращеніе вѣковаго нашего спора, не можетъ не повлечь за собою чрезвычайно многихъ перемѣнъ во всемъ политическомъ строѣ Россіи, съ которыхъ начнется и новая эра въ нашей общей съ нею образованности. Тутъ, безъ всякой уже надменности, мы можемъ сказать себѣ, что если мы останемся въ общемъ государственномъ строѣ приверженными къ цѣлому, то со временемъ можемъ достигнуть въ немъ весьма знаменательнаго вліянія.

Нужно только внести намъ сильныя нравственныя и политическія начала; ибо на этомъ поприщѣ побораетъ не численность, не физическая сила, но начала.

Поймемъ же, что у насъ будетъ такая образованность, какую выработаемъ себѣ сами.

Что касается вопроса объ языкѣ, то, чтобы выйти безъ ущерба изъ всей путаницы мнѣній, разнорѣчивыхъ притязаній, восклицаній, ссоръ и завзятыхъ столкновеній, къ которымъ подаетъ поводъ этотъ вопросъ въ настоящее время, я, съ позволенія читателя, отличу прежде всего языкъ въ смыслѣ орудія взаимнаго уразумѣнія въ данномъ собирательномъ тѣлѣ, отъ языка, какъ одной изъ существенныхъ отличій каждаго племени, тѣхъ отличій, которыя дѣлаютъ, что племя составляетъ нѣчто отдѣльное, не совсѣмъ схожее съ другими племенами.

Самый этотъ способъ двоякаго воззрѣнія на языки приводитъ насъ къ весьма важному заключенію. На сколько языкъ, разсматриваемый въ первомъ отношеніи, можетъ входить въ государственныя соображенія, на столько языкъ, въ смыслѣ естественнаго отличія, можетъ подчиняться однимъ законамъ природы. Между большими государствами я не вижу ни одного, въ которомъ не было бы, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ племенныхъ языковъ, тогда какъ языкъ правительственый вездѣ одинъ, кромѣ того политическаго хаоса, который называется Австріею, и гдѣ многоязычіе достигаетъ такихъ, на примѣръ, нелѣпицъ, какъ существованіе двухъ совсѣмъ отдѣльныхъ, и при томъ буквально отдѣльныхъ, политехническихъ школъ въ Прагѣ: Нѣмецкой и Чешской. Установленіе одного правительственнаго языка безспорно принадлежитъ къ числу хорошаго устроя государства. Чтобы мы сказали, если бы Эльзасцы домогались во Французской палатѣ права говорить по Нѣмецки, а Бретанцы своимъ нарѣчіемъ? Какъ посмотрѣли бы мы на домогательство извѣстныхъ обитателей Англіи, если бы парламентъ слушалъ ихъ рѣчи на Кельтскомъ языкѣ; и т. п? Будемъ же столь же безпристраны и въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о правительственномъ языкѣ, съ цѣлію соединенія нашего съ Россіею въ одно политическое цѣлое. Мы не умѣемъ по Русски? Слѣдуетъ выучиться: нѣтъ другого отвѣта на это возраженіе. Трудно? Во первыхъ, несправедливо, чтобы было очень трудно. Но предположимъ, что трудно: что же дѣлать, когда это необходимо? Не справимся сами, дѣти наши непремѣнно изучатъ Русскій языкъ въ той мѣрѣ, въ какой долженъ умѣть его каждый гражданинъ, сообразно съ родомъ будущей его дѣятельности; крестьянинъ—коечто, членъ сельской общины—болѣе;

чиновникъ—совершенно хорошо. Время и добрая воля въ особенности помогутъ намъ въ этомъ.

Но совсѣмъ другое дѣло съ языкомъ, когда онъ составляетъ отличіе, врожденное племени. Желать произвольно располагать имъ, значитъ насиловать природу. Не по тому, чтобы языкъ въ этомъ смыслѣ долженствовалъ быть чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ: подобно всѣмъ на свѣтѣ естественнымъ отличіямъ, то отличіе, которое мы называемъ языкомъ, подвергается постояннымъ, хотя медленнымъ и, на первое время, незамѣтнымъ, видоизмѣненіямъ. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, потомки часто съ усиліемъ читаютъ письменные памятники своихъ предковъ. Римлянинъ временъ Цицерона уже не могъ понимать языка поры Царей; не каждый Французъ въ состояніи читать теперь сочиненія Рабеле ни одинъ Англичанинъ не въ состояніи будетъ перевести намъ и двухъ строкъ, написанныхъ на прежнемъ Саксонскомъ языкѣ, если исключително не изучалъ его. Однако же, видоизмѣненія эти развиваются естественно, незамѣтно, не имѣя ничего общаго съ государственными установленіями.

Внѣ распоряженій, касающихся правительственнаго языка, оканчиваются преимущества законодателя. Всякое вмѣшательство публичной власти въ границы частнаго употребленія племенной рѣчи, какъ то: въ общественныхъ отношеніяхъ, письменности, молитвѣ и совершенно излишне съ точки зрѣнія государственнаго интереса, и безплодно въ своихъ послѣдствіяхъ; ибо это, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ людей, не въ состояніи принести государству никакой существенной пользы.

Предполагать, будто какой ни будь народъ можно лишить народности при посредствѣ порчи его народнаго языка, по тому что языкъ можно испортить, но не искоренить, мысль совершенно неосновательная. Языкъ составляетъ только одно изъ отличій народности, и даже, какъ легко удостовѣриться, не существеннѣйшее изъ нихъ. Пусть какой ни будь Англичанинъ не говоритъ по Англійски, Французъ по Французски. Перестанутъ ли они, въ нашихъ глазахъ, быть тѣмъ, чѣмъ они суть въ самомъ дѣлѣ: Англичаниномъ и Французомъ? [40] Сколько между нами такихъ, которые говорятъ по Французки и по Англійски такъ хорошо, что въ этомъ отношеніи ни сколько не уступаютъ настоящимъ Французамъ, или Англичанамъ? Но могутъ ли они по этому

---

[40] **А Кашубы, а Сербы Сѣверные?**

[41] **Конечно, перестанутъ. Все это разсужденіе—сильнѣйшая натяжка.**

считаться Французами, или Англичанами, если бы даже сами желали выдавать себя за нихъ? При томъ же, при надлежащей внимательности, мы увидимъ, что свойства, составляющія, по нашимъ понятіямъ, народную черту Англичанина, или Француза, получаютъ свое начало въ болѣе отдаленномъ прошедшемъ, чѣмъ языки того и другого, возникшіе во времена, относительно не слишкомъ давнія, въ слѣдствіе чрезвычайныхъ историческихъ погромовъ, извѣстныхъ намъ во всей подробности. Англичанина дѣлаютъ Англичаниномъ высокія качества прежняго Саксонца, которыхъ не въ состояніи были уничтожить видоизмѣненія въ языкѣ, созданіе новаго говора на основаніяхъ прежней отечественной рѣчи, по тому что эти свойства охранялись, и охраняются, несокрушимою стражей законовъ природы, которыхъ мы передѣлывать по своему не въ состояніи. То же самое можно сказать и о Французѣ, въ которомъ и по нынѣ живетъ и дѣйствуетъ древній Галлъ, не смотря на то, что надъ могилами, упокоившими кости его, прошло два потопа: Римскій и Нѣмецкій, оставляя послѣ себя столь объемистое наслоеніе язычныхъ осадковъ, что тому, кто пожелалъ бы на этой почвѣ доискаться прежняго Гальскаго начала, пришлось бы глубоко зарываться въ землю.

Извѣстныя нравственныя совершенства, претворяющіяся, съ теченіемъ времени, въ качества, переходящія съ кровью отъ отцовъ къ дѣтямъ, и охраняемыя первоначально пенатами, потомъ ангелами-стражами семейными; собственный болѣе, или менѣе, возвышенный способъ пониманія человѣческихъ обязанностей, гражданскихъ и семейныхъ отношеній къ Богу и свѣту; собственный способъ любви къ правосудію, правдѣ и труду; усвоеніе и дальнѣйшее развитіе въ жизни основныхъ понятій вѣры, философіи, наукъ и всякихъ искуствъ; собственная степень, и даже собственный родъ могущества воли; непреодолимое внутреннее влеченіе надѣленія общественныхъ и семейныхъ отношеній тѣми, а не другими, формами; извѣстный исключительный пріемъ обращенія не только съ людьми, но и животными, и даже съ безжизненной природой: вотъ изъ чего образуется неисчерпаемый даръ, получаемый каждымъ племенемъ изъ рукъ творческой природы. Въ какое время, спрашивать напрасно. Послѣ перехода изъ быта племеннаго въ бытъ народный, племя, сдѣлавшееся народомъ, переработываетъ въ себѣ означенные естественные дары подъ вліяніемъ народныхъ установленій, событій отечественной исторіи, изобилія, или скудости, богатства, или удобства, отечественной земли, суровости, или благорастворенности, отечественнаго климата. Можно бы сказать, что сама природа охраняетъ неприкосновенность своихъ да-

ровъ въ средѣ облагодѣтельствованныхъ ею; ибо не существуетъ бѣдствій, гнета, даже завоеваній, отъ которыхъ народъ не могъ бы уберечь означеныхъ даровъ, если только, по собственной нравственной винѣ, самъ не теряетъ къ нимъ привязанности.

Безполезно было бы утѣшаться мыслью, что, принудивъ какой либо народъ забыть свой языкъ, тѣмъ самымъ можно вычеркнуть его изъ историчекой сцены; но безполезно и огорчаться мыслію, что принадлежа къ народу, имѣвшему несчастіе подвергнуться такого рода опыту, человѣкъ будто бы идетъ къ неизбѣжной погибели. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы какой ни будь народъ палъ единственно отъ того, что онъ потерялъ свой языкъ, точно также, какъ въ исторіи медицины нѣтъ примѣра, чтобы кому либо изъ единичныхъ людей причинило смерть то обстоятельство, что его принудили забыть отечественную рѣчь. Охотно вѣрю, что подобный переходъ могъ быть болѣзненно прочувствованъ, но все же это не стоило ему жизни; въ душѣ же онъ, по всей вѣроятности, еще болѣе привязался къ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ, отличіямъ своего племени и народа.

Народы падаютъ въ слѣдствіе причинъ болѣе глубокихъ и основанныхъ окончательно на собственной, тяжкой нравственной, винѣ. [42]

Гдѣ нѣтъ этой вины, тамъ можетъ быть гнетъ, но упадка быть не можетъ.

Гнетъ, какъ все наружное, долженъ со временемъ миновать, и народъ выйдетъ изъ погрома съ языкомъ, хотя и носящимъ слѣды испытанныхъ превратностей, но въ сущности болѣе, чѣмъ прежде, окрѣпшимъ, развитымъ умственно, закаленнымъ нравственно.

Но горе—гдѣ есть нравственная вина!... Тамъ ничего не поможетъ и привязанность къ языку, если бы даже было справедливо и то, что, люди, испорченные нравственно, могутъ дѣйствительно питать привязанности къ какой ни будь не матеріяльннойпо требности, человѣческой и общественной.

Извѣстный народъ можетъ быть побѣжденъ другимъ, можетъ добровольно съ нимъ соединиться общимъ политическимъ звеномъ, какъ поступили, на примѣръ, Польскій и Литовскій народы. [43] Въ по-

---

[42] Эти совершенства, конечно, пріобрѣтаются наитіемъ свыше?

[43] Далось же сочинителю это, такъ называемое, добровольное соединеніе Литвы съ Польшею!

добныхъ случаяхъ измѣняются формы политическаго быта, но языкъ покореннаго, или присоединеннаго, народа не перестаетъ существовать въ немъ. Онъ отодвигается изъ правительственныхъ сферъ, а иногда и изъ частнаго употребленія въ предѣлахъ высшихъ слоевъ, но не перестаетъ жить въ массѣ народа, въ литературѣ—положимъ въ меньшей степени, чѣмъ прежде—въ поэзіи; другими словами: нѣтъ возможности ни истребить языкъ во всѣхъ слояхъ народа, ни удержать его на высшей степени развитія, вопреки ходу событій, рѣшающихъ судьбы народа: и то и другое превышаютъ разумъ и силы человѣка.

Что касается насъ, то, такъ какъ дѣла рѣшительно принимаютъ такой оборотъ, что мы должны стремиться, при помощи Россіи и подъ ея знаменемъ, къ Славянскому союзу, то разсудокъ велитъ намъ приготовиться заблаговременно къ введенію какого ни будь общаго правительственнаго языка, какъ орудія сношенія между собою всѣхъ нашихъ Славянскихъ отраслей. Не понимаю, по чему этимъ языкомъ долженъ бы слѣлаться нашъ, а не Русскій языкъ; напротивъ, далеко естественнѣе, кажется, желаніе тѣхъ, за которыхъ говоритъ сила чтобы языкъ ихъ первенствовалъ правительственно. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли выше, во времена реформаціи одно изъ Нѣмецкихъ нарѣчій, именно Саксонское, было поднято, силою самыхъ событій, на высоту языка общаго всему Нѣмецкому союзу, безъ искорененія остальныхъ, а только съ устраненіемъ ихъ въ глубь съ исторической сцены. Подобнымъ же образомъ и нашъ языкъ, по мѣрѣ развитія идеи Славянства, долженъ будетъ подвергаться, не постепенному уничтоженію, но по немногу отодвигаться въ глубину исторической сцены, что, въ извѣстной мѣрѣ, замѣчается уже и теперь. Если бы кто изъ Русскихъ потребовалъ отъ насъ больше, или кто либо изъ насъ согласился на меньшее, оба были бы виновны въ томъ и другомъ случаѣ, такъ какъ противъ обоихъ стоялъ бы естественный порядокъ дѣлъ, превышающій всѣ человѣческія пожеланія и въ концѣ концовъ все преодолѣвающій. Послѣ утраты политической отдѣльности, мы даже не можемъ и мечтать объ удержаніи нашего языка въ области правительственныхъ сношеній. Но лелѣять его у домашняго очага; на немъ наставлять дѣтей нашихъ въ истинахъ вѣры, правилахъ жизни, и раздѣлять, при посредствѣ его, сладостныя чувства; употреблять его въ пріятной бесѣдѣ съ друзьями и Музами; приносить на немъ благодарственныя молитвы Творцу и изливать тайныя скорби сердца; оканчивать съ нимъ поприще нашей труженической жизни, никто

намъ воспрепятствовать не можетъ, не долженъ и, дастъ Богъ, не будетъ.

Пусть только наступитъ искреннее примиреніе между нами и Русскимъ народомъ, тогда вдругъ исчезнетъ весь этотъ язычный гнетъ, который, какъ мы сказали выше, кромѣ тяжкаго огорченія милліоновъ народа, ни къ чему болѣе не ведетъ, глядя даже на дѣло съ чисто Русской точки зрѣнія.

Примиреніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, сдѣлаетъ насъ равноправными членами общаго союза; а кто же будетъ оспаривать у нихъ то, что имъ слѣдуетъ по правамъ природы?

Если бы кто желалъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что, не смотря на устраненіе всякаго гнета, который мы въ настоящее время испытываемъ въ отношеніи языка, уже тѣмъ самымъ, что языкъ нашъ перестанетъ быть правительственнымъ, со временемъ, по прошествіи нѣскольких, или нѣскольких десятковъ, лѣтъ, дѣло дойдетъ до того, что въ высшихъ сферахъ можно будетъ встрѣчать, на всякомъ шагу, Поляковъ, не употребляющихъ Польскаго языка, подобно тому, какъ мы видимъ теперь Литовцевъ, не употребляющихъ Русскаго языка, на которомъ говорили ихъ предки до соединенія съ Польшей,[44] на это отвѣчу ему, что самъ вполнѣ раздѣляю его предположеніе. Однако же, пусть онъ приметъ во вниманіе, что если подобныя событія воспослѣдуютъ совершенно естественнымъ путемъ, медленной, непринужденной, перемѣной, то, подобно всему, приходящему такимъ путемъ, они не должны возбуждать отвращенія.

Къ тому же, свѣтъ идетъ впередъ не людскими привычками, но неизмѣнными законами природы.

Но и тогда можно еще будетъ узнать Поляка, хотя и не говорящаго Польскимъ языкомъ: узнаемъ мы его по тому, что онъ также будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать, какъ думали, чувствовали и дѣйствовали, великіе его предки,[45] не тѣ, которые погубили отечество, но тѣ вѣчнопамятные, о которыхъ не выродившійся потомокъ будетъ слушать разсказы съ глубоко растроганнымъ сердцемъ, хотя и

---

[44] То есть, не природнихъ Литовцевъ, а Бѣлоруссовъ, или Черноруссовъ, которые, однако, и теперь говорятъ на своемъ языкѣ, собственно же Литовцы тоже говорятъ на своемъ. Но и тѣ и другіе не говорятъ уже на письменномъ Русскомъ языкѣ того времени, т. е., книжномъ.

[45] Упаси Боже!

забудетъ отечественный языкъ, [46] лишь бы только, по возможности, было больше такихъ Поляковъ мысли и дѣла; тогда повѣрьте, у преемниковъ нашихъ не будетъ справедливаго основанія слышкомъ роптать на судьбу. [47]

Таковъ, по моему понятію, будетъ правдоподобный исходъ нашего вопроса объ языкѣ, и такова окончательная его развязка.

Другой развязки не вижу, и весьма сомнѣваюсь въ томъ, чтобы могла быть другая. [48]

Наравнѣ съ этимъ несчастнымъ вопросомъ объ языкѣ, путается еще между нами вопросъ о формѣ, въ какой могло бы осуществиться соединеніе нашего народа съ Русскимъ. По мнѣнію многихъ, съ этимъ соединеніемъ нераздѣльны понятія о какихъ-то переговорахъ, уложеніяхъ, торжественныхъ актахъ и, если не формальныхъ договорахъ, то, по крайней мѣрѣ, своего рода прагматическихъ санкціяхъ и т. д. Мечты одна другой чудеснѣе, мечты вредныя, могущія сбить насъ съ единственнаго практическаго пути, который въ настоящихъ обстоятельствахъ остается еще намъ для осуществленія столь великаго дѣла!

Въ особенности кружатъ голову торжественные акты. Въ недавно оповѣщенномъ воззваніи: «Къ Русской интеллигенціи,» о которомъ я уже упоминалъ выше, одинъ изъ соотечественниковъ предлагаетъ статьи подобнаго акта; при этомъ онъ такъ рѣшительно говоритъ отъ лица всего народа, что можно бы подумать, будто онъ получилъ на это формальное уполномоченіе. Мы находимъ въ этомъ воззваніи и угрозы, что если бы примиреніе между двумя народами не состоялось, то, въ случаѣ войны между Россіею и Нѣмцами, народъ нашъ [49] станетъ, будто бы, какъ одинъ человѣкъ на старонѣ послѣдней.

Не знаю, въ какой мѣрѣ сочинитель помянутаго оповѣщанія обладалъ правомъ такъ рѣшительно и грозно обращаться именемъ своего народа къ передовымъ людямъ Русскаго народа. Полагаю, что у него не было ровно никакого права. Что касается меня, то я говорю только отъ себя и за себя; съ моей точки зрѣнія, подобную постановку

---

[46] Гдѣ же добыть такую диковинку?

[47] Сомнительно.

[48] Неутѣшительная развязка.

[49] Народъ въ сторонѣ. Въ Польшѣ онъ никогда не принималъ участія въ политической жизни. Только послѣ разгрома интеллигенція вспоминала о немъ.

вопроса я считаю неумѣстною, а угрозу заслуживающею строгаго порицанія.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно располагать не призрачнымъ могуществомъ, разсудокъ не всегда позволяетъ угрожать: что же сказать, если въ виду одна только немощь?

Въ минуту соединенія Польши съ Литвою оба народа были самостоятельны; слѣдовательно, могли, и должны были, договариваться объ основаніяхъ соединенія и состоявшемуся договору придать форму международнаго акта.

Нѣчто подобное, съ нѣкоторыми измѣненіями, произошло въ наше время между Мадьярскимъ народомъ и Цислейтаніею, [50] но и здѣсь мы видѣли, съ одной стороны, Австрію, доведенную войною съ Пруссіей да крайняго разстройства и сознанія полнаго матеріяльнаго безсилія, съ другой же народъ Мадьярскій, владѣющій несомнѣнными средствами къ спасенію. По этому ни сколько не удивительно, что обѣ стороны могли договариваться между собою, какъ равный съ равнымъ.

Еще что-то третье подготовлялось на нашей памяти, но, по причинѣ тяжкой нашей вины, оно ни чѣмъ не кончилось. [51] Это были соображенія Марктрафа Велёпольскаго въ 1862 году.

Этѣ соображенія подоспѣли къ тому времени, когда Русскій народъ переживалъ положеніе извѣстнаго политическаго перелома. Правда, что у него не было причинъ такъ усомниться въ себѣ, какъ Австрія послѣ 1866 года; напротивъ, по справедливости онъ могъ расчитывать на славную будущность, на перевѣсъ извнѣ, счастіе и довольство внутри страны. Но, благодаря той [52] политической предусмотрительности, какую всегда обнаруживаетъ этотъ народъ въ тяжкія историческія минуты, онъ понялъ, что, не смотря на все свое матеріяльное могущество, слишкомъ достаточное для подавленія горсти возмущеннаго населенія Польши, для него будетъ полезнѣе не приводить въ движеніе этой силы, въ то время, когда, на всемъ пространствѣ Имперіи, вводились законы, уничтожавшіе личное рабство милліоновъ людей и измѣнявшіе економическія отношенія двухъ главнѣйшихъ обществен-

---

[50] Просто на просто здѣсь политическія безтактность и бездарность Бейста.

[51] И славу Богу!

[52] Говоря по просту: благодаря Польскимъ козням, пустившимъ былъ глубокіе корни въ Петербургѣ.

ныхъ сословій. Случайно, именно въ эту пору, нашли мы въ лицѣ Маркграфа Велёпольскаго достойнаго истолкователя передъ Престоломъ нуждъ нашего народа.[53] Честныя, высокія и умѣренныя идеи имѣютъ всегда неизъяснимое обаяніе; такихъ именно идей былъ представителемъ Маркграфъ Велёпольскій. Этимъ оружіемъ, скажемъ это къ чести обѣихъ сторонъ, онъ располагалъ къ себѣ умы Русскихъ государственныхъ людей. Въ слѣдствіе подобнаго настроенія и появленія въ Русскомъ обществѣ такой личности, какъ Маркграфъ, значеніе нашей народности чрезвычайно возвысилось въ глазахъ всѣхъ и вызвало самыя благопріятныя сочувствія, по тому что они основывались на уваженіи началъ. Присовокупимъ къ этому законность почвы,[54] на которой находился тогда Маркграфъ, занимая правительственное положеніе. Если принять въ соображеніе личныя качества этого человѣка, высокій родъ, знаменитое историческое имя, и то, всегда свойственное обнаружиться, если въ комъ дѣйствительно оно присуще, несокрушимое желаніе оказать услуги дѣлу порядка и гражданственности, независимо даже отъ дѣла народности, желаніе, какимъ, безспорно, была проникнута вся дѣятельность Маркграфа, то мы легко поймемъ, отъ чего въ то время дѣло наше могло принять извѣстный характеръ переговоровъ между Русскимъ Правительствомъ и Начальникомъ Гражданскаго Управленія въ самоуправляемой Польшѣ. Мы употребили здѣсь слово «переговоры» въ томъ убѣжденіи, что читатель самъ придалъ ему такое значеніе, въ какомъ единственно оно и могло быть употреблено при представленіи означенныхъ дѣлъ Монарху подданнымъ, столь же ревностнымъ ко благу Престола, какъ и гражданиномъ, неусыпнымъ о благоденствіи своего края.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ: можемъ ли мы нынѣ представить изъ своей среды человѣка на столько же соотвѣтствующаго потребностямъ политической минуты, и при томъ изъ соображенія, что великія несчастія закаляютъ и возвышаютъ душу, допу-

---

[53] Опять народъ, когда его въ Польшѣ цѣлыя столѣтія не было въ роли дѣятеля!

[54] Законность! Это плечи, безъ которыхъ Польская интеллигенція не живетъ. Бѣлорусскіе Посредники перваго выбора, писавшіе уставныя грамоты по Польски, подписывавшіеся «p o j e d n a j ą c y p o ś r e d n i k,» и занимавшіеся главнымъ организованіемъ мяжежа, тоже расчитывали на законность. Когда М. Н. Муравьевъ поголовно отрѣшилъ отъ должности и засадилъ въ казаматы, они кричали тоже, что это незаконно, что ихъ могъ отрѣшить и предать суду лишь Сенатъ.

ская возтожность найти [55] въ нашей странѣ и теперь граждань, [56] достойныхъ быть представителями его нуждъ, по несчастью, я вижу настоящее положеніе уже другое, совсѣмъ другое.

Послѣ того, какъ мы принудили Россію въ 1863 году испить всю чашу горести, какую только могли приготовить ей, нынѣ у насъ не остается уже въ запасѣ ни чего, чтó бы могло заставить ее спѣшить договариваться съ нами. Напрасно думали бы мы устрашить ее нашими сочувствіями къ Пруссіи, или Австріи.

Заискивая ихъ, мы будемъ только все болѣе и болѣе вредить себѣ, но, повторяю, не застращаемъ, по тому что, какъ разъяснено было выше, мы не обладаемъ никакими матеріяльными силами, которыхъ могла бы опасаться Россія. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для Россіи, въ случаѣ неожиданной войны съ Австріею, или Нѣмцами, и вступленія войскъ этихъ государстъ на нашу землю, мы могли бы разыграть единственно весьма жалкую роль какихъ ни будь вольныхъ стрѣлковъ. Но столь еще свѣжія событія Нѣмецкой войны во Франціи служатъ нагляднымъ доказательствомъ, на сколько теперь пригодны, въ виду регулярныхъ армій, шайки вольныхъ стрѣлковъ, какъ съ ними расправляются, и какъ на нихъ смотрятъ эти арміи.

Пусть каждый предложитъ себѣ вопросъ, принялъ бы кто на себя важную роль посредника, съ подобною угрозою въ запасѣ?

Если нѣтъ, то позволительно спросить: что же будетъ у него въ запасѣ, приступая къ переговорамъ съ Россіею, если пожелаемъ вести эти переговоры, какъ равный съ равнымъ? Всякіе переговоры равнаго съ равнымъ сводятся окончательно къ тому итогу: «Дай мнѣ, или сдѣлай для меня, то, или это! Не сдѣлаешь, или не дашь, поступлю съ тобою такъ и такъ!» Два первыхъ требованія можно бы сформировать и съ нашей стороны; но какъ мы сформируемъ третье?

Я совѣтовалъ бы размыслить объ этомъ каждому, кого разбирала охота затѣять какое либо посланіе къ Русской интеллигенціи, или лично отправиться съ такимъ порученіемъ.

---

[55] Какъ не найти! Но найдутся ли простачки выслушать ихъ?

[56] Русскіе частенько любятъ играть въ куклы. Тогда, благодаря ловкости Польской интриги, куколкой были Поляки. Здраво мыслящая часть Русскаго общества и тогда съ горестью глядѣла на такое увлеченіе. Теперь роль куклы перешла къ Жидамъ; но развѣ не слышится уже въ извѣстной части Русскаго народа голоса противъ подобной нелѣпицы?

Между кѣмъ переговоры? Между государствомъ, располагающимъ милліономъ штыковъ, и горстью людей, лишенныхъ не только всякихъ средствъ матеріяльной защиты, но и законнаго права заявлять о своемъ существованіи.

Положимъ, что, не смотря на все это, мы предстанемъ передъ правительствомъ, хотя я ни какъ не могу понять, кто и въ силу какихъ титуловъ, могъ бы облечься подобнымъ назначеніемъ; предположимъ, однако же, что мы пришли и говоримъ: «Начнемъ вести переговоры.» На это правительство отвѣтитъ намъ: «Съ кѣмъ же и о чемъ я стану совѣщаться? Въ 1863 году вы подняли на Россію дипломацію всей Европы и собственное ваше оружіе. Дипломацію всей Европы и васъ Россія побѣдила. Съ тѣхъ поръ она будетъ не договариваться съ вами, а предписывать вамъ свою волю.»

Твердыя дѣйствительно слова, весьма твердыя! Однако же, не лучше ли выслушать ихъ заблаговременно отъ самихъ себя, чѣмъ довести дѣло до того, что подобныя же рѣчи будутъ высказаны намъ во всеуслышаніе?

И такъ, отмѣтимъ это у себя, и будемъ крѣпко помнить, что въ настоящемъ положеніи нашемъ мы не можемъ питать надежды договариваться съ Россіею, какъ во времена Владислава Ягайла договаривалась Польша съ Литвою, ни какъ въ 1862 году Маркграфъ Велёпольскій могъ говорить за насъ въ Петербургѣ, благодаря особенному промыслу Провидѣнія, великодушію Монарха, тогдашнему настроенію Русскаго народа, и не совершеннымъ еще нами ошибкамъ 1863 и 1864 годовъ.

Прошу замѣтить, что я вовсе не думаю развивать здѣсь той мысли, будто для Россіи было бы дѣломъ не возможнымъ, [57] или безполезнымъ, [58] возвратиться, хотя бы и сегодня, къ соображенію 1862 года. Это могло бы осуществиться съ цѣлью болѣе скораго исцѣленія извѣстныхъ ранъ, [59] въ видахъ оказанія услугъ [60] дѣлу общей образованности, дѣлу, столь свойственному каждому народу, въ особенности же столь могущественному, и наконецъ изъ желанія развязать себѣ руки для рѣшенія какой ни будь великой исторической зада-

---

[57] Все возможно, но только осторожно!

[58] Въ этомъ-то и заключается вся суть.

[59] Какихъ?

[60] И безъ васъ оказываются эти услуги какъ нельзя лучше.

чи. [61] Я только утверждаю то, что сужденіе о пригодности и пользѣ подобнаго средства принадлежитъ одному Русскому правительству. [62] Мы же, какъ заинтересованная сторона, дѣйствовавшіе всегда непріязненно противъ Россіи, а въ 1863 и 1864 окончательно раздавленные ею, ни въ какомъ случаѣ непригодны принять на себя роль совѣтниковъ. По моему разумѣнію, мы не могли бы найти себѣ болѣе ложной точки выхода, если бы пожелали давать совѣты правительству, не сдѣлавъ сперва искренно того, что на политическомъ языкѣ нашихъ предковъ называлось акцессомъ, т. е., предупредительнымъ сближеніемъ съ правительствомъ. [63]

Россія можетъ или возвратиться къ соображенію 1862 года, что она выговорила себѣ формально передъ лицомъ Европы въ извѣстныхъ правительственныхъ актахъ, [64] или выработать новыя соображенія, или же воспользоваться тѣми, какія могутъ представиться въ данную минуту. [65] Во всякомъ случаѣ она сдѣлаетъ это не прежде; [66] ибо сдѣлать не можетъ, пока непреложно не убѣдится, что мы разъ навсегда перестаемъ быть для ней непріязненнымъ тѣломъ; что мы самымъ искреннимъ образомъ признали ея Славянское предназначеніе, и при осуществленіи этого безусловно останемся вѣрнѣйшими ея союзниками.

Собираться же въ настоящее время между собою, совѣтоваться, составлять условія единенія нашего съ Русскимъ народомъ, мы не въ правѣ. [67] Со всякимъ подобнымъ дѣйствіемъ мы не только не можемъ ни чего предпринять явно, напротивъ, должны бы укрываться, какъ съ какимъ ни будь преступнымъ намѣреніемъ.

Вотъ гдѣ наказаніе за вѣковое злоупотребленіе священнѣйшимъ правомъ, какое только дается народу, правомъ совѣщанія о необходимыхъ общественныхъ нуждахъ!

И эту чашу мы должны испить до дна изъ рукъ неумолимой

---

[61] Этой задачѣ Поляки не въ состояніи ни помочь, ни воспрепятствовать ей.

[62] Понимаемъ!

[63] А послѣ того, стало быть, могли бы?

[64] Неправда!

[65] Ждите того, или другого, либо же третьяго, какъ Жиды Мессіи.

[66] Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ.

[67] Да и никогда.

исторической Немезиды: ни одна ея капля не будетъ намъ прощена суровымъ, но всегда справедливымъ, приговоромъ. [68]

И такъ всѣ наши затѣи сводятся къ весьма скромной формѣ. Однако же, въ подобныхъ скромныхъ формахъ совершились въ исторіи человѣчества обширнѣйшія возрожденія.

Дѣло, по моему мнѣнію, должно начаться въ предѣлахъ самоличной совѣсти.

Въ ней-то, по своему существу, должно совершиться наше соединеніе съ Русскимъ народомъ, отъ котораго зависитъ будущность наша и всего Славянства, возрожденіе наше и самаго Русскаго народа, [69] возрожденіе всего Славянства, на исключая ни одной его отрасли. [70] И это совершится непреложно, хотя и не вдругъ, въ совѣсти однихъ раньше, въ совѣсти другихъ позже, какъ это обыкновенно случается, когда идеи новаго порядка вещей начинаютъ распространяться по лицу земли.

Но что означенное наше соединеніе совершится непремѣнно, [71] несмотря на всѣ предвидимыя и непредвидимыя преграды, не смотря на собственное наше отвращеніе и козни враговъ, которымъ наше примиреніе не по вкусу, я этому вѣрю столько же, сколько и тому, что послѣ зимы, которую теперь переживаемъ, наступитъ весна и свѣтъ облечется новою жизнію, хотя за это время не одного изъ насъ

...вѣчный снѣгъ покроетъ.

Болѣе точный и хладнокровный разборъ нашего вопроса съ каждымъ днемъ будетъ пріобрѣтать большее число сторонниковъ тѣхъ болѣе, или менѣе, выводовъ, которые проводятся въ настоящемъ сочиненіи.

Самоличныя убѣжденія станутъ постепенно дѣлаться достояніемъ цѣлыхъ семействъ.

На этой ступени своего развѣтвленія они пріобрѣтутъ необъятную мощь и правдивость, — качества, могущія обезпечить имъ дальнѣйшее, и съ той минуты все болѣе и болѣе ускоряющееся, развитіе.

---

[68] **И совершенно по дѣломъ.**

[69] **Нечего возрождаться возрожденному уже.**

[70] **Это иная статья.**

[71] **Дай-то, Боже!**

Образуются общественные кружки, проникнутые тою же политическою мыслію; найдутся и орудія печати, которыя начнутъ смѣло заявлять свѣту свои мысли. Съ этой минуты ни что уже не будетъ въ состояніи удержать распространеніе свѣта.

Съ какой бы стороны ни встрѣтилъ сопротивленіе означенный процессъ, оно ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ состояніи нанести ему дѣйствительнаго удара; одинъ онъ будетъ гармонировать съ природою, и по тому, выдержавъ напоръ, раньше, или позже, все преодолѣетъ.

Наконецъ наступитъ рѣшительная минута. Совершатся какія-то великія событія, вызванныя не нами, но которыми судьба позволитъ намъ воспользоваться, на примѣръ: война между Россіею и Нѣмцами, или Австріею, или тою и другою вмѣстѣ.

Въ то время сохраненіе нами Русскому народу непоколебимой пріязни, хотя бы еще и недовѣрчиво принятой, мужественное выступленіе съ нимъ въ однихъ рядахъ, доказательство на дѣлѣ, какъ умѣемъ мы пребыть вѣрными избранному нами разъ на всегда стремленію къ общему Славянскому отечеству, все это, вмѣстѣ взятое, можетъ безотлагательно открыть передъ нами поприще такого благополучія, о какомъ, при настоящемъ нашемъ убожествѣ, нѣтъ возможности говорить, и едва только можно мечтать.

Пораздумаемъ, и мы убѣдимся, что не иначе совершился и ходъ настоящаго процесса объединенія Нѣмцевъ. [72]

Никогда бы это племя не достигло того блестящаго положенія въ мірѣ, какимъ оно теперь наслаждается, если бы стремленіе къ общему Нѣмецкому отечеству не овладѣло, сперва каждою въ отдѣль-

---

[72] Быть можетъ любопытно будетъ привести здѣсь, какимъ образомъ Ю. У. Нѣмцевичъ, въ «Запискахъ» своихъ, въ 1819 г., описываетъ впечатлѣнія при извѣстіи о первыхъ проявленіяхъ Нѣмецкаго объединенія:

«Въ Германіи, говоритъ онъ, умы возбуждены: кромѣ мелкихъ владѣльцевъ и Баварскаго Короля, никто изъ властей не далъ конституціи.

«Университетская молодежь воспламенена до крайности: жажда сдѣлаться великимъ Нѣмецкимъ народомъ овладѣла этими молодыми головами.

«Они выдумали себѣ слово «Deutschthum,» подъ которымъ государство, раздѣленное между столь многими Князьками, считаютъ однимъ Нѣмецкимъ отечествомъ. Они возобновили давнюю Нѣмецкую одежду, какую мы видимъ на картинахъ Гольбейна.

ности грудью; если бы отдѣльные народы, составляющіе это благородное племя, не поспѣшили, съ такою братскою вѣрою, на помощь одному въ то время, когда ему стала угрожать война съ Франціею. Мы видѣли, какъ эта послѣдняя жестоко ошиблась, предполагая, что и нынѣ, какъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, приманка Рейнскаго Союза, находившаго въ ней опору, въ состояніи будетъ раздвоить силы всего племени и, придавивъ однихъ, обмануть прочихъ.

Исторія не ждетъ. Со временемъ наступитъ, по несчастью, должно наступить, [67] кровавое столкновеніе между Россіею и ея ближайшими сосѣдями. Не трудно предвидѣть, что послѣдніе будутъ расчитывать также и на то, что ловко преподнесенная намъ приманка, въ видѣ какого-то народнаго воскресенія, послужитъ превосходною диверсіей противъ Россіи. Если бы имъ удался такой расчетъ, то разумѣется, въ итогѣ они провели бы и насъ точно также, какъ Наполеонъ, во времена Герцогства Варшавскаго и Рейнскаго Союза, провелъ и ихъ и насъ.

Слѣдовательно, теперь мы обязаны болѣе всего желать одного, объ одномъ всячески стараться, къ одному подготовлять себя, чтобы и они когда либо также ошиблись въ расчетѣ, какъ Франція, годъ тому назадъ.

Въ настоящее время это—ближайшая наша задача, безотлагательная обязанность, которою, полагаю, мы должны заняться, не теряя ни одной минуты, по тому что и событія наступаютъ неожиданнѣе и скорѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать при спокойномъ расчетѣ. Было бы неописаннымъ несчастіемъ, если бы какія либо событія большой важности нашли насъ не подготовленными въ нашихъ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, какъ это, до настоящаго времени, случалось нѣсколько разъ.

Не наши перья и торги, но великія историческія событія, спло-

---

«Въ Геттингенѣ, Іенѣ, Тюбингенѣ изъ за незначительныхъ ссоръ съ мѣщанами дошло до кровопролитія.

«Правительства, видя такое замѣшательство, склонили нѣкоторыхъ писателей возстать противъ излишней свободы Университетовъ...»

Что сказалъ бы сочинитель этѣхъ словъ, если бы дожилъ до событій 1866 и 1871 годовъ? Чѣмъ же стали въ настоящее время тѣ, которые въ 1819 году выдумали себѣ слово «Deutschthum,» и чѣмъ стали мы?

[67] Конечно!

тятъ желѣзомъ дѣло соединенія двухъ народовъ, подготовленное въ таїникахъ самоличной совѣсти, а кровь, пролитая въ однихъ рядахъ и во имя общаго дѣла, освятитъ его. «Кровью и желѣзомъ!» таковъ былъ кличъ о спасеніи Нѣмецкой земли одного изъ теперешнихъ отличнѣйшихъ сыновъ ея. Нѣтъ другого символа и для насъ въ той страшной борьбѣ за существованіе, въ которой сразится все живущее, все, отъ выростающаго въ одну ночь гриба до человѣка, и еще далѣе—до цѣлыхъ народовъ и породъ.

Однако же, кровь и желѣзо не исключаютъ разума. Требуется большая подготовка, чтобы съумѣть воспользоваться обоими. Мы обильно проливали нашу кровь во времена Герцогства Варшавскаго; но, примкнувъ, или, скорѣе, бывъ вынуждены обстоятельствами примкнуть къ той сторонѣ, за которой не могло быть исторической будущности, къ сторонѣ всемирной Наполеоновской монархіи, мы ничего не вынесли для себя изъ этихъ войнъ, кромѣ нищеты и гнета. Россія же, напротивъ, постоянно крѣпла въ могуществѣ, не смотря на бѣдствія войны, не смотря на неисчислимыя потери въ людяхъ и имуществѣ. [68] Отъ чего? Такъ какъ паденіе ея повлекло бы за собою погибель и всего Славянства, то есть всемогущая и невидимая рука, которая всегда спасаетъ ее.

Будемъ же вѣрить въ звѣзду Россіи! Эта звѣзда цѣлаго народа гораздо вѣрнѣе той нѣкогда звѣзды единоличнаго воителя, подъ которою, полвѣка тому назадъ, мы строили такія необъятныя надежды и ради которой мы готовы были итти съ нимъ на край свѣта.

Распространимъ же и укрѣпимъ эту вѣру между нами!

«Кровью и желѣзомъ!»—только не противъ Россіи, но въ однихъ рядахъ съ Россіей, и мы стяжаемъ болѣе благотворныя условія быта, если не для сходящаго уже съ поля поколѣнія, по тому что старымъ судьба рѣдко возвращаетъ свою улыбку, то, по крайней мѣрѣ, для дѣтей нашихъ, для тѣхъ грядущихъ поколѣній, которыхъ милосердый Богъ всегда избираетъ цѣлью своихъ благословеній, если благословитъ ихъ отцовъ.

VII.

И показахъ ю очесемъ твоимъ, и тамо не внидеши. Второзак. XXXIV, 4.

Мы приближаемся къ предѣлу нашего труда. Однако же, прежде чѣмъ мы скажемъ послѣднее слово, остановимся на минуту и огля-

---

[68] **И козни Польской партіи.**

немся назадъ, приведя на память главнѣйшія мѣста пройденнаго пути.

Прежде всего мы видѣли, какъ недостатокъ высшаго государственнаго строя былъ причиною потери народной независимости.

За тѣмъ мы видѣли, какъ, со времени нашего паденія и до настоящаго дня, противъ насъ было, и есть, все и всѣ на свѣтѣ: судьбы или общее направленіе событій, люди или выгоды сосѣдей, сколько ихъ ни окружаетъ насъ, и наконецъ наша собственная матеріяльная немощь.

Мы убѣдились, что недостающихъ у насъ матеріяльныхъ силъ мы никогда не будемъ въ состояніи выработать; ибо для этого необходимъ строй, стоящій вровень съ временемъ, а мы лишены всякой возможности, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, устроиться, какъ отдѣльное цѣлое.

Убѣдились мы также и въ томъ, что нравственныя силы, на сколько онѣ неоспоримо многозначащи въ борьбѣ за существованіе, не только самоличное, но и собирательное, въ борьбѣ за политическое существованіе, могутъ доставить что либо вѣрное только при соотвѣтственной долѣ матеріяльныхъ силъ.

Отсюда мы вывели заключеніе, что наша борьба за политическое существованіе не можетъ съ тѣхъ поръ быть борьбою исключительно Польскою; что сознаваемую въ себѣ нравственную мощь мы должны соединить съ чужими матеріяльными силами, чтобы, хотя въ новомъ какомъ ни будь составѣ, послѣ столѣтняго усыпленія, отдохнуть наконецъ политическою жизнію, столь необходимою даже для человѣка, взятаго въ отдѣльности; получить возможность сдѣлаться полезными для человѣчества дѣятелями; однимъ словомъ, получить возможность выйти изъ печальнаго страдательнаго положенія, въ какомъ человѣческія силы только погибнутъ.

Мы видѣли, что̀ ожидало бы насъ не самолично, но какъ породу, въ случаѣ включенія въ Прусскія владѣнія.

Обсудили мы также и то, къ какому хаосу спорныхъ и насильственно стремящихся къ разложенію началъ привели бы мы послѣдующія поколѣнія, если бы бросились въ объятія Австріи, побуждаемые къ этому какимъ-то непростительнымъ съумасбродствомъ, или минутами крайняго отчаянія.

Такимъ путемъ соединеніе съ Русскимъ народомъ, а, при его посредствѣ, и съ остальными братскими Славянскими отраслями, съ

возрастающею ясностію представлялся глазамъ нашимъ, какъ неизбѣжная историческая необходимость.

Мы сказали себѣ, что разумъ долженъ подчиниться необходимости, и не одинъ разумъ, но и сердце, хотя и растерзанное, окровавленное, но въ то же время послушное Богу, высочайшему зиждителю всякой необходимости.

Въ это же время, казалось намъ, мы слышали какъ бы тихое предостереженіе Всевышняго не упадать духомъ; ибо то, чему мы съ твердою покорностью судьбѣ полагаемъ нынѣ начало, принесетъ послѣдующимъ поколѣніямъ послѣдствія, исполненныя счастія и радости.

Послѣ этого намъ осталось заботиться единственно уже о томъ, чтобы отыскать переходъ, такъ сказать, способъ естественнаго приращенія нашего историческаго прошлаго къ предназначеннымъ имъ новымъ формамъ, соотвѣтствующимъ новымъ условіямъ политической жизни въ мірѣ.

Этотъ переходъ отъ Польскаго вопроса къ вопросу Славянской будущности почерпнутъ нами въ чисто человѣческомъ вопросѣ, имѣющемъ въ виду одно нравственное существо человѣка.

Такимъ образомъ всѣ основанія, пути и будущность нашей борьбы за существованіе, можно выразить ниже слѣдующими словами:

Сдѣлаться на нѣкоторое время людьми; [69] направить въ этотъ періодъ нашего бытія всѣ наши силы къ укрѣпленію и распространенію между нами великихъ основаній образованности: чистоты личныхъ и семейныхъ нравовъ, любви къ труду, безусловнаго уваженія законовъ, безпристрастной любви къ правдѣ, хорошему и прекрасному; наконецъ, въ особенности, сохраненія истинной вѣры, проистекающей изъ чистаго сердца и запечатлѣваемой дѣлами.

Совершить этотъ переходъ съ большою покорностью. Принять за исходную точку тѣ условія жизни, въ которыя поставила насъ судьба; не смотря на ихъ упорность, постепенно сокрушать ихъ силою воли, сознающею и себя и свои пути.

Шагъ за шагомъ расширять законную почву труда, не только лично економическаго, но и общественнаго, въ пользу края. Распространять же его съ тѣмъ желѣзнымъ постоянствомъ и вѣрою въ Про-

---

[69] А по истеченіи этого нѣкотораго времени?

мыслъ, съ какою піонеры Новаго Свѣта пріобрѣтали пядь за пядью земли во имя образованности, приносимой ими съ собой на отдаленные берега.

Не соблазняться достигнуть многаго съ разу, не стремиться свыше силъ, но и никогда не отступать, а въ особенности никогда не уклоняться съ однажды избраннаго пути, хотя бы намъ предстояли самыя блестящія приманки.

Каждому дню своя забота, завтрашній самъ о себѣ позаботится. Преемники наши поведутъ дѣло дальше: приготовимъ же ихъ къ этому примѣромъ собственной жизни.

Fata viam inveniunt. Судьбы найдутъ дорогу.

И такъ уже не какъ Поляки, но какъ люди, придемъ мы къ Русскому народу. Лишенные отдѣльнаго народнаго существованія, скажемъ ему: «Неисповѣдимыми судьбами, своими ошибками, а также и по вашей винѣ, мы боролись, въ продолженіе ста лѣтъ, съ судьбою, съ собою и съ вами, для возстановленія этого существованія [70] въ прежней формѣ. Передовые изъ нашего народа, въ отчаяніи, оставляли край: какъ новые Энеи, мы унесли съ собою къ отдаленнымъ берегамъ побѣжденныхъ пенатовъ, но не были, подобно ему, счастливы, и не могли, при помощи небесъ, возродиться въ какой либо новой Троѣ.

«Выбившись изъ послѣднихъ силъ, потерявъ изъ глазъ послѣднюю надежду, мы уже не хотимъ, [71] и не въ состояніи, [72] бороться. Слагаемъ оружіе: не передъ вами, но для васъ, въ лицѣ Бога.

«Изъ Его рукъ вы принимаете надъ нами власть: не забывайте же, подъ какими условіями онъ даетъ власть человѣку надъ человѣкомъ. Какъ побѣжденные, мы не можемъ предложить отъ себя никакихъ другихъ условій. [73] Во всякомъ случаѣ съ настоящаго времени вы найдете въ насъ вѣрныхъ союзниковъ; [74] давая вамъ обѣтъ вѣрности, мы внимаемъ не влеченію сердца, не рѣдко непостояннаго въ человѣкѣ, но голосу обязанности. Обязанность эта требуетъ отъ насъ, послѣ принесенія тяжкихъ жертвъ, обезпечить обоюдное наше спокойствіе и развязать вамъ руки для скорѣйшаго осуществленія судебъ всего нашего Славянскаго міра. [75]

---

[70] **Такъ вотъ Русскіе и повѣрятъ всякой болтовнѣ!**

[71] Сомнительно.

[72] **Нѣтъ сомнѣнья.**

[73] **Еще бы!**

[74] **Плохо вѣрится.**

[75] **Поздненько.**

«Великая предстоитъ вамъ забота, какъ внѣ, такъ и внутри, государства: да поможетъ вамъ Господь и въ томъ и въ другомъ случаѣ достигнуть благопріятныхъ послѣдствій!

«Мы желаемъ съ вами трудиться; съ вами, если понадобится, страдать; дѣти, а правдоподобнѣе только внуки наши, будутъ радоваться вмѣстѣ съ вашими внучатами.

«Не требуйте отъ насъ свыше силъ. Мы не въ состояніи соединиться съ разу со всѣмъ существомъ вашей народности. [76] Предоставьте времени то, что́ можетъ выработать только время.

«Съ настоящаго времени мы вступаемъ въ общее политическое тѣло только какъ *люди*. [77] Мы приносимъ съ собою глубокое сочувствіе ко всему, что́ возвышаетъ и облагороживаетъ природу человѣка, что́ обезпечиваетъ его труду возраставшую дѣятельность, что́ придаетъ его отношеніямъ къ подобнымъ ему существамъ болѣе ясную черту нравственнаго строя, что́ обогащаетъ его умъ, очищаетъ чувства, закаляетъ волю, дѣлая ее послушною разуму, что́ возноситъ его мысль изъ міра видимаго въ невидимый, и въ этихъ горнихъ высяхъ подготовляетъ къ великимъ и святымъ подвигамъ. Такихъ сочувствій мы желаемъ искать между вами, и тамъ, гдѣ мы ихъ найдемъ, прочно соединить съ вашими и, въ этихъ точкахъ соприкосновенія, основать новыя звенья соединенія двухъ народовъ. Наши преемники, съ теченіемъ событій, не упустятъ случай расширять эти узы, а время, этотъ неутомимый зодчій, сдѣлаетъ остальное.

«Довольствуйтесь тѣмъ, если, на первый случай, будутъ насъ соединять съ вами преимущественно одни человѣческіе и, въ извѣстной мѣрѣ, племенные, но не народные, вопросы. Это согласно съ порядкомъ вещей: мы не въ состояніи уклониться отъ него, а вы не въ силахъ его измѣнить. Излишнимъ желаніемъ ускоренія перерожденія вы причините намъ много безполезныхъ страданій и огорченій, дѣла же вы не ускорите, а, напротивъ, замедлите, или сильно испортите его.

«Мы желаемъ быть вашими вѣрнѣйшими союзниками въ каждомъ честномъ трудѣ, на какомъ бы поприщѣ онъ ни касался человѣка, какъ человѣка.

---

[76] Да кто же этого требовалъ когда либо, или потребуетъ отъ васъ?

[77] Вотъ куда можетъ заводить угодливость страстямъ партіи, угодливость ихъ желанія быть выслушану, никого не возмущая! Все, что говорится далѣе,— чистая Жидовская діалектика!

«Не оставимъ васъ ни въ какой нуждѣ, ни съ кѣмъ противъ васъ не соединимся: [78] развѣ этого для васъ недостаточно? [79]

«У васъ дома есть общественные недуги; [80] вы сами замѣчаете въ своей средѣ слѣды грознаго нравственнаго разложенія, которое слѣдуетъ предупредить заблаговременно. Собственные ваши журналы, съ сожалѣніемъ, раздирающимъ сердце, гласятъ, какъ многіе изъ вашей молодежи погибли нравственно, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возроста. Политическій процессъ, [81] веденный прошлымъ лѣтомъ, открываетъ глазамъ внимательнаго изслѣдователя страшное опустошеніе, производимое между вами безразсудными общественными ученіями [82] и философскими теоріями. [83] У васъ нѣтъ хорошихъ училищъ, по тому что ощущается недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ. [84] Нѣтъ у васъ и хорошихъ чиновниковъ; нѣтъ у васъ людей и для частной дѣятельности, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается Нѣмецкимъ племенемъ, и какъ ее слѣдуетъ понимать, чтобы достигнуть умственной и економической образованности, до какой дошло сіе послѣднее племя. [85]

«Этимъ же общественнымъ недугамъ, съ небольшими видоизмѣненіями, подвержены и мы. [86] Нѣкоторые изъ нихъ вы сами прививаете къ намъ, не для того, чтобы вы желали распространять заразу, но по тому, что, по недостатку людей, вы присылаете къ намъ чиновниковъ, не подвергая ихъ строгому испытанію въ общественномъ и политическомъ отношеніи, какъ бы это непремѣнно слѣдовало дѣлать.

«Вопросъ угнетенія, а, въ случаѣ надобности, и совершеннаго

---

78 Увидимъ.

79 Да, недостаточно: «Experto crede Roberto!» а не словамъ, и словамъ человѣка, равно какъ и народа, поставленнаго въ такое положеніе, что онъ иначе и не можетъ говорить.

80 У кого же ихъ нѣтъ?

81 И въ каждомъ процессѣ, рядомъ съ нашимъ заблудшимъ, непремѣнно сидитъ и Полякъ-подстрекатель, ищущій мутной воды.

82 Пожалуйста, безъ нравоученій!

83 Которыхъ въ сущности никогда и не было у насъ.

84 А у васъ есть?

85 Такъ не выписать ли все это изъ Польши, благо изъ Нѣмечины уже выписывали?

86 То-то же!

истребленія просвѣщеннаго слоя нашего народа, [87] до сихъ поръ бралъ у васъ верхъ надъ всѣми другими, не только политическими, но, къ несчастію, и общественными, вопросами. [88] Имъ создано желанное поле для многочисленныхъ послѣдователей разнообразнѣйшихъ превратныхъ теорій. Это тотъ Антоновъ огонь, отъ котораго со временемъ, а, быть можетъ, и скоро, сильно пострадаемъ и мы и вы. [89] Не станемъ искать виновнаго: мы ли, вынудившіе васъ ожесточеннымъ упорствомъ нашимъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, или вы, употребившіе ихъ: что́ бы изъ того ни вышло, вина наша общая. Лучше подумаемъ сообща, какъ бы скорѣе выйти изъ этого ужаснаго состоянія, положить предѣлъ возрастающей безнравственности, поставить, пока еще возможно, преграду тому, чтобы подъ усиліями, въ сущности направленными единственно противъ вредныхъ въ государствѣ зародышей, не гибли главнѣйшія основанія общественнаго порядка: неприкосновенность собственности, личности и души человѣка. Съ погибелью этихъ основаній общественная гниль быстрѣе холеры проникнетъ изъ нашего общества въ ваше. Всѣ мы тогда погибнемъ: чужіе овладѣютъ нами и вами, какъ толпою безоружныхъ существъ, и имя Славянина будетъ равносильно кличкѣ раба, какъ это уже и было, когда кровь наша лилась въ Римскихъ циркахъ, для увеселенія всемогущаго народа надъ Тибромъ. [90]

«На васъ покоятся надежды всего Славянства: [91] честь эта слѣдуетъ вамъ давно и справедливо: изо всѣхъ Славянскихъ народовъ вы одни постояннѣе другихъ сочувствовали, въ послѣднее время, призванію соединенія во едино всѣхъ братнихъ племенъ. Вы же одни изъ всѣхъ Славянъ умѣли сохранить, по настоящее время, народную независимость, выработать въ себѣ начала исполинскаго могущества и, въ виду государствъ всего міра, занять положеніе, не уступающее первенства ни одному изъ нихъ. [92]

---

[87] Эту-то проклятую и отверженную Богомъ интеллигенцію и слѣдуетъ уничтожить для блага самой Польши и всего Славянства, а съ уничтоженіемъ ея не будетъ и Антонова огня у васъ.

[88] Если бы это было такъ, давно бы этого просвѣщеннаго вашего слоя, не существовало.

[89] Незараженнымъ нечего бояться его.

[90] Нечего стращать воображаемой погибелью для извѣстныхъ, впрочемъ, очень прозрачныхъ, цѣлей.

[91] Знаемъ это и безъ васъ.

[92] Совершенная правда, но поздненько сознаваемая вами.

«Со временемъ исторія будетъ изумляться величію внутреннихъ преобразованій, совершившихся въ краткій періодъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, со времени воцаренія великодушнаго Монарха, которому во всѣхъ его дѣяніяхъ сопутствуютъ благословенія милліоновъ людей, возвращенныхъ человѣчеству, благодаря его сердцу и рѣшимости.

«Возможно ли же, чтобы такія надежды, чтобы столько достигнутыхъ уже сокровищъ просвѣщенія, порядка и матеріяльнаго могущества, сдѣлались когда либо жертвою соціяльныхъ революцій, навѣянныхъ съ Запада, или постепенной Восточной гнили, разрушившей такое множество, нѣкогда столь сильныхъ, государствъ?

«Искренее примиреніе двухъ народовъ дастъ возможность благомыслящимъ людямъ обѣихъ народностей соединиться въ одномъ усиліи, съ цѣлью искорененія, въ самомъ зародышѣ, опаснаго соціялизма, поддержанія правительства въ его усиліяхъ создать мѣстное управленіе, достойное этого имени, и вдохновить всѣ отрасли народнаго хозяйства. На этомъ поприщѣ, мы, слабые матеріяльно, можемъ принести вамъ въ дань сокровища мощи, умѣнья, доброй воли и довѣрія, [93] лишь бы только вы, забывъ давніе споры, пожелали признать и уважать въ нашемъ лицѣ людей. На такомъ поприщѣ мы можемъ, и должны, взаимно подать другъ другу руки. [94]

«Противъ этого со стороны лицемѣрно нашептываютъ намъ, будто вы народъ, проникнутый уже насквозь гнилью; будто, въ соединеніи съ вами, мы никогда не достигнемъ ни уваженія собственности, ни личной безопасности, ни, что всего дороже, неприкосновенности совѣсти. [95] Мы отвращаемъ уши отъ подобныхъ предательскихъ голосовъ, и ни въ какомъ случаѣ не желаемъ покровительства и помощи исконныхъ и естественныхъ враговъ Славянскаго племени. Съ настоящаго времени мы рѣшились ити съ вами всегда въ однихъ рядахъ, въ той увѣренности, что это единственное средство спасти себя и другія слабыя Славянскія племена, а, быть можетъ, и васъ самихъ, [96] теперь столь могущественныхъ, отъ

---

[93] **Шутите! Этихъ благъ не больше и у васъ, какъ и у насъ.**

[94] **Такъ вотъ въ чемъ дѣло: помиримся съ Русскими, и пойдемъ къ нимъ въ начальники. Нельзя: ваканція занята!**

[95] **Т. е., признавать Папу Богомъ? Какое намъ до этого дѣло?**

[96] **О насъ не тужите!**

низведенія на степень обреченныхъ къ смерти низшихъ породъ, будто бы неспособныхъ принять высшую образованность и не имѣющихъ права существовать на землѣ, въ виду породъ, считающихъ себя высшими... [97]

«Но, одновременно съ принятіемъ на себя столь обширныхъ и рѣшительныхъ обязанностей, мы уполномочены, [97] въ силу превышающаго нашу и вашу волю, права божественнаго, естественнаго, требовать отъ васъ всякихъ политическихъ выгодъ и общественнаго быта, къ которымъ гражданство ваше кому либо открываетъ дорогу.[98]

«Всякое изъятіе насъ изъ подъ общественнаго закона, всякое исключительное ограниченіе нашей дѣятельности, всякое воспрещеніе доступа намъ къ какому бы то ни было отправленію общественной и политической жизни, всякое преграждeніе путей, доступныхъ другимъ, къ образованію, труду, пріобрѣтенію собственности, всякое лишеніе насъ возможности распоряжаться ею, всякое недовѣріе къ нашей религіи; [99] все это, вмѣстѣ взятое, мгновенно подорветъ смыслъ жизни и останется однимъ вопіющимъ злоупотребленіемъ. Цѣлый рядъ мѣропріятій, направленный прежде противъ непріязненныхъ вамъ началъ, долженъ рушиться передъ тѣми голосами, жаждущими справедливости, которые заключили съ вами соединеніе въ своей совѣсти, и готовы доказать это всегда своими дѣлами. [100]

«Этого равенства передъ закомъ мы достигнемъ, не смотря на всѣ преграды и затрудненія, и достигнемъ путемъ спокойнаго законнаго пріема, при помощи живого и печатнаго слова и молитвы, подобно Англійскимъ Католикамъ, достигшимъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, своего освобожденія, и Шведскимъ, годъ тому назадъ добившимся того же. Мы почерпаемъ нашу надежду въ томъ, что

---

[97] Точки въ подлинникѣ!—Это болтовня Нѣмецкихъ верхоглядовъ, не стóящая не только опроверженія, но и никакого вниманія.

[98] И такъ, все это предисловіе къ условіямъ! Какъ же это сочинитель доказывалъ передъ тѣмъ на всѣ лады, что Русскіе не примутъ условій, а Поляки не могутъ предлагать ихъ?

[99] Не уже ли же и ксёндзамъ, этимъ пламеннѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугамъ и ученикамъ Езуитовъ, мы должны будемъ угождать во всемъ?

[100] Поляки могутъ говорить такимъ образомъ только доказавъ на дѣлѣ чистосердечіе своего примиренія, а до того все это—слова, слова и слова!

за нас будутъ священнѣйшія начала общественной благоустроенной жизни, логика вещей и ваша собственная логика. [101]

«Достигнувъ равноправности, воспользуемся ею для того, чтобы, въ обитаемыхъ нами облястяхъ, мѣстное населеніе, просвѣщенное и уважаемое, приняло такое же участіе въ управленіи своихъ интересовъ и въ служеніи Престолу, какое существуетъ въ областяхъ, составляющихъ ваше гнѣздо. [102] Воспользуемся ею и для того, чтобы поднять уровень земледѣлія и промышленности нашего края, при помощи учрежденій, въ несомнѣнной пользѣ которыхъ, и даже необходимости, убѣждаетъ насъ примѣръ образцоваго состоянія хозяйства въ чужихъ краяхъ, а въ особенности у Нѣмцевъ. Приложимъ ее и къ наполненію нашихъ училищъ воспитателями не только просвѣщенными, но и испытанной нравственности, которымъ мы могли бы поручить дѣтей нашихъ, не опасаяс, что изъ нихъ выйдутъ соціялисты и нигилисты, о которыхъ вы сами говорите намъ съ справедливымъ ужасомъ и омерзѣніемъ. Этому соціялизму мы объявимъ смертельную войну на всѣхъ соприкосновеніяхъ, и выдержимъ ее съ успѣхомъ, по тому что мы съумѣемъ сквозь кожу узнать опаснѣйшихъ послѣдователей, т. е., тайно-соціялистовъ и тайно-нигилистовъ невидимыхъ, и самимъ лишь себѣ извѣстныхъ лицемѣровъ, находящихся, по несчастью, даже и въ правительственыхъ сферахъ, которые, подъ видомъ приверженности къ общественному порядку и Престолу, безразсудною, или преступною, рукою разрушаютъ священнѣйшія основы перваго и сильнѣйшія опоры втораго. [103]

«Вотъ наша программа. Никакой мысли объ отдѣленіи: напротивъ, на вѣки съ вами, но съ Богомъ! Согласитесь же сами: при такой программѣ было бы преступно усомниться въ помощи Божіей и его благословеніи. [104]

«Желаете ли, чтобы я выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ всю нить высказанныхъ мыслей? И такъ, изъ благороднѣйшихъ началъ уничтоженной Польской народности [105] образуется, раньше, или позже,

---

[101] Увидимъ.

[102] Какъ будто эти области Польскаго происхожденія! Какъ же это такъ?

[103] Что это? Не споримъ, что изъ интеллигенціи вашей выдавались замѣчательные шпеги.

[104] Въ Богѣ-то мы не сомнѣваемся, но вы—иная статья.

[105] Какихъ въ ней никогда и не было, по крайности той народности, какую Поляки всегда себѣ представляли, подразумѣвали и хвалились ею.

огромная охранительно-Славянская партія. [106] Символами этой партіи будутъ:

Политическое соединеніе съ Русскимъ народомъ навсегда, а, при посредствѣ Россіи, и съ остальнымъ Славянствомъ. [107]

Гражданественость, а чрезъ нея и нравственная связь съ человѣчествомъ.

Неприкосновенность совѣсти.

Правосудіе въ законахъ.

Уваженіе труда, лицъ и собственности.

Законное и нравственное возвышеніе семьи.

Попечительное воспитаніе юношества.

Просвѣщеніе низшихъ сословій.

Основа нравственности во всѣхъ слояхъ общества.

Вѣрность Монарху и Царствующему Дому, какъ ручательство и основаніе всего.»

Вотъ какимъ образомъ, полагаю, мы могли бы и должны безотлагательно напомнить о себѣ. Въ моемъ убѣжденіи, въ настоящее время, это единственно возможная постановка нашего вопроса.

На этомъ пути мы должны постепенно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтать себѣ новыя условія жизни. Какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ вокругъ насъ нагромождались однѣ развалины, такъ и возобновленіе зданія, правдоподобно, должно продолжаться долгіе годы. Напрасно мы теряли бы терпѣніе: какъ только можемъ мы окинуть взоромъ, не видно другой дороги. [108]

Какъ въ отношеніяхъ частныхъ, такъ и въ отношеніяхъ международныхъ, однажды утраченное довѣріе нелегко и нескоро возстановляется. Оно возвращается не словами, но продолжительнымъ рядомъ поступковъ, [109] а для этого необходимо время и подходящія обстоятельства.

---

[106] Не вѣрится что-то, но желательно.

[107] Безъ Россіи то немыслимо для васъ.

[108] Совершенная правда!

[109] Давайте же ихъ намъ!

И такъ для начала у нась находятся въ распоряженіи не слишкомъ счастливыя предвѣщанія. Но это, какъ я сказалъ уже выше, касается только насъ, старыхъ. Вѣроятнѣе всего, мы перемремъ, не дождавшись лучшихъ дней.... [110] Впрочемъ, кто можетъ знать? Неисповѣдимы иногда пути Провидѣнія! Но послѣдующія поколѣнія несомнѣнно увидятъ лучшую долю, лишь бы мы умѣли выдержать до конца избранное направленіе. Если же это единственно оставшійся намъ путь для обезпеченія доли политической жизни, при отсутствіи которой человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, то слѣдуетъ вооружиться достаточною любовью и мужествомъ, чтобы выполнить безъ ропота то, чтó намъ предписываетъ обязанность, и перенести безъ жалобъ неизбѣжную предсмертную муку.

Продолжительный опытъ жизни заставилъ меня потерять вѣру въ дѣйствительность крутыхъ мѣропріятій.

Съ тѣми, которые мечтаютъ, что лишь бы взвилось Австрійское знамя на верхушкѣ Варшавскаго зáмка, или раздался звукъ трубы Мадьярскихъ гусаръ на Саксонской площади, и край, какъ бы по мановенію чародѣйскаго жезла, зацвѣтетъ, неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, благополучіемъ, съ такими кто же пожелалъ бы вступать въ препираніе? Есть еще мечтатели, надежды которыхъ, хотя и не столь вычурны, однако же равнымъ образомъ ничтожны. Имъ кажется, что достаточно двухъ словъ, припечатанныхъ въ Дневникѣ законовъ: «самоуправленіе и народность,» и у насъ немедленно же будутъ: безпорочное управленіе, справедливость въ судахъ и честность во всѣхъ общественныхъ отправленіяхъ.... Однако же, ни справедливость, ни честность не достаются такъ легко.

Если бы кто сегодня обѣщалъ мнѣ въ одну минуту возвратить народу давно утраченное счастіе, будь онъ и самъ могуществѳнъ, тотъ скорѣе испугалъ бы меня, чѣмъ обрадовалъ.....

Великія дѣла осуществляются только постепенно и среди великихъ страданій. У меня нѣтъ желанія увлекать несбыточными надеждами ни себя, ни читателя. Однако же, было бы большимъ счастіемъ умереть съ тою увѣренностію, что наконецъ найденъ истинный путь, въ значительной мѣрѣ нами уже пройденный.

---

[110] **Такъ и въ подлинникѣ, равно и ниже вездѣ.**

Есть книга, въ которой такъ намъ предписано: «И да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная.» [111]

Эта книга, читатель, должна составлять всю основу нашего бытія; въ ней мы должны видѣть все заступничество нашихъ правъ; ее мы обязаны давать, для назиданія, братіи нашей, если бы кто либо, къ несчастію, не прочиталъ еще ее отъ первой страницы до послѣдней.

Съ нею въ рукахъ и въ сердцахъ горсти паломниковъ, двѣстѣ лѣтъ тому назадъ, переплывали океанъ, выходили на дикіе берега Сѣверной Америки, и насаждали первыя основанія того общества, имя котораго произносится теперь съ уваженіемъ на всемъ земномъ шарѣ.

Съ нею въ рукахъ и, дастъ Богъ, съ ея правилами въ сердцѣ, и мы скажемъ себѣ:

«Иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.» [112]

Эпилогъ.

Въ началѣ настоящаго сочиненія я указалъ ясно, какихъ именно соотечественниковъ имѣлъ я въ виду, приступая къ изложенію моихъ мыслей. Кто изъ нихъ прочиталъ настоящій мой трудъ со вниманіемъ и до конца, тотъ, вѣроятно, убѣдился, что сочинителя пробудили отъ сна не литературные лавры. Предъ читателемъ лежитъ не книга, а дѣло: исполненная, какъ полагаю, послѣ многолѣтнихъ испытаній мысли и судебъ, обязанность гражданина. Не безъизвѣстно мнѣ, съ какою легкостью можно сдѣлать нападеніе на высказанныя мною мнѣнія. Быть можетъ, кто либо пожелаетъ, въ краснорѣчивыхъ періодахъ, привести мнѣ на память много прекрасныхъ нравоученій, разгромляя немилосердно, во имя самыхъ патріотическихъ чувствъ, мой низменный способъ воззрѣнія на современное положеніе общественныхъ нашихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе это будетъ риторика, а не политика. Однако же, я первый буду рукоплескать и такимъ нападкамъ, если только противникъ не переступитъ той счастливой границы, внѣ которой не царствуютъ уже Музы, и рѣшитъ свою задачу по всѣмъ правиламъ искуства. Кто не знаетъ, что въ

---

[111] Іисусъ Навинъ I, 8.

[112] 1 Петр. II, 10.

очаровательныхъ убѣжищахъ, огражденныхъ отъ ударовъ кровавой житейской борьбы покровительствомъ Парнасскихъ боговъ, можно созидать чудесные идеалы! Но это не болѣе, какъ цвѣты, безъ которыхъ, дѣйствительно, было бы скучно и пусто на землѣ, но въ то же время они и не составляютъ насущнаго хлѣба, столь необходимаго бѣднымъ изгнанникамъ изъ рая.

Между тѣмъ въ настоящемъ трудѣ дѣло идетъ именно о насущномъ хлѣбѣ. Сочинитель обращается къ отцамъ семействъ, къ тѣмъ, которые дадутъ отвѣтъ Богу за участь многихъ. Польша, какъ отдѣльная страна, перестала существовать давно, но продолжаетъ существовать въ семействахъ, и только на этомъ поприщѣ можно служить ей. Отцы семействъ въ настоящее время — дѣйствительные охранители интересовъ Польши; остальное же—призракъ, или насиліе.

Кому суждено охранять такіе интересы, тотъ обязанъ повиноваться началамъ политики. Однако же, увы, эти послѣдніе не похожи на тѣ идеалы, о которыхъ только что шла рѣчь!

Они носятъ характеръ самой холодной прозы, и могутъ быть выражены едва ли не слѣдующими словами: «Смотри, каковы у тебя карты: играй же сообразно и внимательно!»

Со времени окончательнаго паденія нашего отечества, у насъ дѣйствительно ни разу не было хорошихъ картъ; однако же, раза два были онѣ не дурныя, именно: передъ памятною ночью 1830, и передъ другою, 1863 года. Въ обоихъ случаяхъ мы не умѣли играть; въ обѣихъ случаяхъ мы позволяли молодежи переманить весь народъ изъ разсудительной игры въ задорную.

Въ настоящее время, начиная съ 1870 года, Европа роздала себѣ новыя карты. Намъ, не смотря на видимую неудачу, достались такія, какихъ давно уже у насъ не было, лишь бы съумѣли мы повести соотвѣтственную игру. Будемъ же внимательны, чтобы, съ прежнимъ легкомысліемъ, опять не прокозыряться.

Болѣе же всего мы не должны позволять сбивать себя съ толку криками лжепатріотовъ; такими, на примѣръ: «Развѣ намъ, обиженнымъ, ожидающимъ правосудія съ вѣрою въ будущее, первымъ слѣдуетъ протянуть руку Россіи? Сама Россія обязана сдѣлать пред-

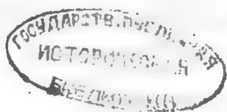
варительный шагъ, о чемъ должно говорить ей само благородство и предписывать собственный интересъ, [113] и т. д.

Пустословія! Мы находимся въ состояніи утопающаго, которому нѣтъ времени пылать краснорѣчивымъ гнѣвомъ за то, что никто, изъ находящихся на берегу, не смотря на нравственную обязаннотть, не подаетъ ему руку. Онъ долженъ выбиваться къ берегу собственными силами, какія еще у него остались.

Полагаю, что въ предлежащемъ трудѣ я высказалъ ясно, какимъ образомъ мы можемъ прибрать въ наши руки свою судьбу, и, быть можетъ, я весьма ошибаюсь, или для насъ дѣйствительно остался только этотъ единственный способъ. Кто прочиталъ это сочиненіе разъ, пусть прочитаетъ его снова, по тому что предметы очень важные, а сжатость изложенія препятствовала мнѣ быть достаточно яснымъ. Что составляло предметъ размышленій цѣлыхъ годовъ, того, какъ можетъ судить самъ читатель, нельзя уяснить и оцѣнить въ какую ни будь четверть часа.

Пусть, блаженной памяти, Ѳаддей Чацкій поспѣшитъ къ намъ на помощь, ободряя насъ слѣдующими знаменательными своими словами: «Отказаться отъ дорогихъ дѣдамъ и отцамъ предразсудковъ во имя истины!»

За границей, въ Февралѣ 1872 года.

---

[113] Не въ виду ли подобнаго зазыва все это и писано?

